ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

ІЮНЬ.

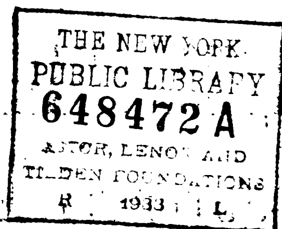
ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1863.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 21 Августа 1863 года.

Цензоръ Малышевскій.

I.

№ 33-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ Г. ПОЛОЦКА, ВЪ ЭПОХУ ЗАВИСИМОСТИ ЕГО ОТЪ ПОЛЬШИ.

Жалованная подтвердительная грамота короля Сигизмунда І-го городу Витебску, на права и вольности, дарованныя этому городу прежними королями. 1509 года, февраля 18.

(Извлечена изъ книги привиллегій, находящейся въ архивѣ Витебской градской думы).

1.

Сигимонтъ Божою милостію король польски, велики князь литовски, руски, княже пруское, жомойдски, мазовецки и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ хто на него посмотритъ або зъ его чтучи вслышитъ нынешнимъ и напотымъ будучимъ, кому будетъ потреба ведати. Били намъ чоломъ князи и бояре витебскіе и вси мещане места витебского и вся земля витебская и поведели передъ нами штожъ пришедши злодеи зъ Великого Новогорода, покрали у нихъ церковь Пречистые Богоматери и въ той церкви привилеие ихъ украли, которыхъ они отъ отца нашого короля его милости мели и копію того привилею предъ братомъ нашимъ королемъ Александромъ клали, и его милость на то имъ свой привилей далъ и тотъ оный привилей предъ нами указали и били намъ чоломъ абыхмо имъ на то нашъ листъ привилей дали, потомужъ

ино мы зъ ласки нашое за ихъ къ намъ верную службу пожаловали есмо ихъ тымъ, дали есмо нашъ листъ. Потомужъ якъ онъ братъ нашъ король его милость имъ былъ далъ и такъ тежъ и впривилеи брата нашого Александра короля его милости выписано, чтобы намъ въ домы церковные, въ домъ Божій Святое Богородицы и въ домъ Божій Святого Духа и тежъ въ домъ Божій Благовѣщеня Пречистое и во инныя церкви невступатися и въ купленины, которыя будуть куплены зъ нашимъ дозволенемъ и въ безарщины и въ отмѣрщизны [1]) витебскіе тежъ немаемъ вступатися и жонъ ихъ силой замужъ недавати. А которы Витеблянинъ умирае откажетъ кому остатокъ своего имѣнія и въ то намъ невступатися [2]). Аки въ подводы коней вгородскихъ людей спосельскихъ путныхъ [3]) небрати. А холопу и рабе веры неняты, а обиды и справы дати А продковъ нашихъ великихъ князей судовъ непосужовати, чиниты намъ съ Витебляны по испросу, а безъ спросу Витеблянина неказнити, а своихъ судовъ непосужовати [4]). А вина придетъ ино намъ ихъ повиненъ казнити, а чоломъбитие намъ у Витеблянъ приматы, и черезъ паруку въ железа ихъ несажаючи, а ни въ которую муку, а отчинъ у нихъ неотнимати. Такожъ въ села ихъ, въ поля купленныя невступатися, а на заочныя поведанія неверити, а хто имѣты ихъ обмовляти, того намъ Витебляномъ объявити. А въ зоставу [5]) нигде Витеблянъ несажати. А на войну быти имъ посполъ зъ нами готовымъ. А по волости Витебской Воеводе нашому неѣзжати, а поѣдетъ въ ловы

---

[1]) **Отмѣрщизна**, отъ слова мѣрить, отмѣривать, означаетъ пошлину, собираемую съ городскихъ мѣръ, которыми продавцы отмѣривали покупателямъ зерновой хлѣбъ, крупу и проч.

[2]) Дозволяется умирающему отказывать свое имѣніе, кому онъ захочетъ.

[3]) Путный—походный, дорожный.

[4]) Отмѣняется узаконеніе прежнихъ князей литовскихъ, по которому мѣщане судились въ судахъ шляхты, но теперь будутъ судимы только судомъ королевскимъ.

[5]) Зостава—сторожка, караульня; посадить въ зоставу, значитъ взять подъ арестъ.

ино его посланомъ недарыти. А станется у которого Витеблянина татба и дочуется лицомъ татбы ино Витеблянину татба вся лицомъ вернути. А чого лицомъ недочуется, которые татбы ино исцу съ татиного дому зъ жоною его и детми заплатити гибель его, а въ томъ тати оны вольны, а небудетъ у таты чимъ платыти татбы, ино его исцу выдати и где его исъ хочетъ тамъ его денетъ. А сябровъ [1]) городскихъ у пригонъ негнаты, ани въ подводы въ ловы, такъ тежъ и у вѣсы витебскіе, ани въ локти намъ невступоватися. А коли которы Витеблянинъ у вѣса проступитъ, або въ локти, ино Витебляномъ самымъ казнити виноватого по своему праву и намъ въ то невступатися. А въ которого Витеблянина забрякуютъ воскъ въ Ризѣ, або где индей, а пріѣдетъ до Витебска, ино Витебляномъ самымъ казнити виноватого, а намъ въ то невступатися. А где чия отчина сельца, рѣки, альбо озера, намъ и въ то невступатися, а Витебляномъ нашимъ рѣкъ и озеръ нетаити, а хто потаитъ ино намъ тыхъ карати. Витебляны намъ недаритыся никому. Также есмо имъ и мыта [2]) отпустили по всей нашей отчинѣ вѣчно пожаловали есмо ихъ. Придали есмо имъ на седибу и на выгонъ Колитынъ въоръ, а Михайловски въоръ, Заручевски въоръ [3]). Тежъ которые Витебляне побьются межи собою а за Децкимъ [4]) поѣднаются, ино намъ куница

---

[1]) Сябръ—товарищъ, согражданинъ.

[2]) Мыто—пошлина, которую собирали на заставахъ за проѣздъ, или съ товаровъ.

[3]) Въоръ,—пашня, взораное поле.

[4]) Децкій, дѣтцкій—княжескій или королевскій посланецъ въ извѣстный городъ или село съ судною грамотою или какимъ либо государевымъ повелѣніемъ, обязанный притомъ наблюдать и настоять объ исполненіи оного. Въ Россіи въ древности, дѣтскіе выбираемы были изъ дворянскихъ дѣтей и служили при дворѣ, отправляя разныя должности; изъ нихъ опредѣляли въ разные чины и должности придворныя, иногда и военныя. „Усрѣте его дѣтскій его сирѣчь дворецкій и повѣда ему глаголя.“ Ник. лѣт. ч. 2. 20.

шерстію, [1]) змирщина [2]), а коли о чемъ посварятся и выдаюцся въ колецъ, то вина на насъ, а выдасцся одинъ а други невыдасцся за то ихъ намъ неказнити, а закладную куницу на насъ брати по десяти грошей, а борцу [3]) по два грошы, якъ тежъ и децкованя отъ рубля по чотыре грошы, а на милю по грошу, а владычному служе и боярскому потомужь децкованіе и тежъ Владыцѣ на попѣхъ витебскихъ зборная куница, якъ тежъ и намъ давати. Воеводу *по старому* по ихъ воли [4]). А которы имъ будетъ неподобать Воевода, а умовятъ его передъ нами, ино намъ Воеводу имъ иного дати по ихъ воли. А пріѣхавши Воеводѣ нашому первого дня къ Витебску цѣловати ему крестъ [5]) и Витебляномъ на томъ что безъ права ихъ неказнити поводомъ ни въ чомъ. Також Витебляномъ жити у Витебску добровольнѣ всякому по старому покуле исхочетъ хто, а которому Витеблянину отъ насъ будетъ насильно, а будетъ ему нелюбо, намъ его силою недержати, ино ему путь чистъ куды исхочетъ безъ всякое зачепки, а пойти ему въ нашу отчину въ Литву нетайно, Святому Благовѣщенію чоломъ ударивши и нашому Воеводѣ обвестившися и своей брати и мужомъ Витебляномъ, а въ своемъ имѣнію воленъ во всемъ идя прочъ продастъ альбо откажетъ, намъ вто невступатися. Якожъ которы отъ насиля жаловати будутъ намъ Витеблянинъ на Витебляни наше пріѣхавъ въ Литву и безъ исца намъ на него Децского неслати, зъ Литвы давати ему нашъ листъ къ нашому Воеводѣ, хотябы о смертной винѣ, а ему судити по

---

[1]) **Куница** или кунныя деньги. 1, Урочная подать, которая была платима женихомъ за невѣсту помѣщику, или въ казну. 2, подать, пошлина и пеня, взимаемыя въ казну или въ пользу судей за разныя преступленія, а въ тяжбахъ за примиреніе. Подать эта обыкновенно вносилась звѣриными шкурами, за недостаткомъ же таковыхъ—деньгами.

[2]) **Змирщизна**—мировая.

[3]) **Борецъ**—сборщикъ податей.

[4]) **По старому** Воеводы въ Витебскѣ были избираемы по выборамъ мѣщанъ, а не по королевскому назначенію.

[5]) **Цѣловать крестъ**—присягать.

цѣлованю нашымъ судомъ досмотрети права зъ князи и бояри и зъ мещаны, а осудивши его казниты по ихъ праву у Витебску. Тежъ которы будетъ князь, або бояринъ, або слуга або мѣщанинъ што выслужилъ на продкахъ нашихъ великихъ князей, того намъ у Витеблянъ неотымати по грамотамъ тыхъ князей. А местичовъ витебскихъ зъ города Витебска невести вонъ. Такогожъ которы будутъ Литвинъ або Ляхъ крещенны были у рускую вѣру, а хто съ того роду и теперъ живетъ, того намъ нерушыти, права ихъ крестіанскаго ни въ чымъ не ламати. А на твердость тыхъ всихъ речей и печатъ нашу казалисмо привесыти къ тому нашому листу. Писанъ въ Городне въ лѣто седмое тысячы седмоенадесять (т. е. отъ Р. Х. 1509 г.) Мсца Февраля восимнадцаты день, Индикта второгонадесять. (NB. Грамота эта была подтверждаема и преемниками Сигизмунда I. именно: Сигизмундомъ II, Баторіемъ и Сигизмундомъ III).

2.

Жалованная подтвердительная грамота короля Стефана Баторія городу Полотску на разныя права и вольности. 1580 г. мая 7.

(Списана съ подлинника, отосланнаго издателемъ ея въ ИМПЕРАТОРСКОЕ Археологическое Общество. Этотъ подлинникъ на ветхомъ пергаментѣ, съ большою королевскою печатью и собственноручною подписью короля).

Стефанъ Божею милостію король польскій великій князь литовскій, русскій, прусскій, Жомойтскій, мазовецкій . . . . княжо седмигродское и иныхъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ нинешнимъ и на потомъ будучимъ . . . [1]) кому потреба ведати, ижъ што

---

[1]) Пунктирами замѣняются вытерщіяся на пергаминѣ подлинника буквы и цѣлыя слова.

перво сего за продка нашого славное памяти короля его милости польского и великого князя литовскаго Жикгимонта Августа зъ Божого допущеня черезъ непріятеля нашого князя великого Московского за посягненіем и несправедливым оторваніем его ог панства нашаго великаго. князства литовского замку и места полоцкого маетности . . . . рыцерства шляхты обывателей земли воеводства полоцкого в земли полоцкое лежачихъ вси листы Привилея и твердости на права и милостивое земли полоцкое належачее на он часъ втом замку полоцкомъ в церкви светое софіи от продков наших королей их милости полских и великих князей литовскихъ наданые суть побраные а иж . . . . замокъ полоцкій з рукъ того непріятеля нашого великого князя московского (до панства нашого великого князства литовскаго) вжо зась взяли есмо при которомъ и имена их втои вземли полоцкой лежачие отъ того неприятеля нашого менованого московского освобожоны суть: Тогды мы господаръ зласки нашое маючи ласкавый судъ . . . речи посполитой пожиточные службы пановъ полоцкихъ рыцерства шляхты обывателей земли воеводства полоцкого иж они от именя свои в земли полоцкой лежачие спустошоные изнищоные маючи але змилости своее ку намъ господару и речи посполитой бываючи на службахъ нашихъ господарских и речи посполитое здоровье свое противъ люду непріятеля . . . , . . и при добыванию того замку полоцкого з рук неприятельских московских не одно сами при нас господарѣ были и певные почты [1]) свои водле наболшого преможеня своего на ласку нашу господарскую выведши нелитованемъ горлъ и маетностей своих яко добрые а верные рыцарские люди служили до которых служб и вперед охотнейшими вчиниты . . . . . назъезде у вилни за присланемъ от нихъ пословъ то естъ подкоморого земли полоцкое пана Онисия Корсака и писара земского земли полоцкое Юрья Котовицкого которые намъ долеглости их прекладали. Про то при тыхъ волностяхъ привилеях перших от

---

[1]) **Почта**—добровольная дань, денежное пожертвованіе жителей извѣстнаго города, или области во время войны (Honoraria); а также означаетъ иногда и отрядъ войска, составленный изъ охотниковъ и ополченцевъ.

продковъ нашихъ королей их милости и великих князей литовскихъ имъ наданых зоставуемъ якож . . . . на волности их имъ наданыи до м трыкъ вписаныи во сеи листъ привилей нашъ господарскій слово отъ слова у весть коморы [1]) казали которыи такія всобе маеть. Во имя Божое стався иж всякие вчинки цнотливые которые зобычаевъ людских походять и бывають взаховалостяхъ сихъ деланы которые на знаемости звычаю вчинно . . . . тчеля оказують и верне а стале докончють годно есть абы слушне теж вчинности своеи поживали а былибы ознамены на писме выложоны и подтвержоны для ведомости потом пришлое людское абы часу посполитого спамети несходило: А прото мы Жикгимонтъ августъ Божою милостю король польскій великій князь литовскій . . . . . . мазовецкіи и иныхъ: Чинимъ знаменито симъ нашимъ листом хто на него посмотрыть або чтучи его услышить нынешним и потом будучим кому того потреба будети ведати Били нам чолом Бояре полоцкие и мещане и весь городъ вся земля полоцкая клали передъ нами листы деда нашого казимира и дяди нашого александра и пана отца нашого . . . . штож их милости первое его пожаловали ихъ дали имъ права волные добрые хрестіанскіе какъ вкоруне полской какже и перво того котороє доброволенство мели от продков нашихъ великих князей и великого князя витовта и жикгимонта и скиргайла и просили нас абыхмо им вси тые права и доброволенства наши сим привилеем потвердили . . . . так . . . . . . взуполной верности заховали ку продкомъ нашим и кнам хотечи им тую сталость их верили послугу щедробливостю нашою . . . . . отдати зособливое ласки нашое господарское вси тые доброволенства листы продков нашихъ деда и дяди и отца нашого королеи и великих князеи их милости симъ нашимъ . . . . сим нашим привилеем на вечные часы даем на первеи *вцеркви Божои и вимениа церковные* намъ невступатися вдомъ Божіи *Светое Софія* и вдом Божіи *светого спаса и виные домы* церковные намъ невступатися а хто кого обвадитъ явно аболи таемно ино нам его ненавистнаго вин . . . . . . вере бредни горломъ алеж поставити его очи на очи на явномъ суде хрестьянском и того хто водил и того на кого водил и досмотривши межу ими справедливости хто будети што заслужилъ какъ право вкажетъ

так его карати. А которым которую вину заслужит ино его . . . . а имения нерушити нижли которыи будеть втом деле что ведал тых карати проступит ли сынъ ино сына карати а отца за сыню вину некарати и сына за отцову вину некарати толко того самого карати хто виноватъ будетъ: Также хто держит . . . . . кому што будеть великiи князь Витовт дал и великiи князь Швитрыгайло дал и дед и дядя и отец нашъ короли их милости што кому дали ино што кому дали то ему держати какъ вкоролевстве польскомъ князи и панове мещане держати. Всхочет ли хто свое именые продати или отдати или заменити . . . . . урадникам нашим явивши продати или заменити, а вкупленины намъ полоцкiе невступатися также и вбезарщины их и в вотумерщины невступатися намъ также которы боярин або мещанин зоидетъ зсего света, ино жона тая вдова доколе на вдовъемъ столцы седить и имением мужним володает . . . . мужа ино ее силою замужъ недавати а пойти еи стым што ей будеть муж записал: а штобы то зведома племени первого мужа або иным добрым людем а имения оставитъ детемъ а небудет ли детей ино братьи: а небудеть ли братьи ино ближним первого мужа теж на боярскiе люди и намещанскiе . . . . иншимъ недавати: а будетъ ли кому крывда ино перво у господара его искати правом пакли не всхочетъ господаръ его подобнымъ рокомъ права вчинити ино нам и наместникомъ нашим децкiе [1]) довати; а вина которая будетъ осужона ино господару своему заплатити; во люди нам боярскiе невступатися а воеводѣ нашему полоцкому . . . . дати судити ему з Бояры и змещаны а черезъ поруку внятство несажати а на муце веры не няти, а холопу и рабе веры не няти, а вподводы намъ конеи небрати в полотскихъ ни впоселскихъ путниковъ ни вжолнеровъ городскихъ также збоярских и змещанских селъ людем ненадобе ни накокую службу тягнути . . . . судов намъ непосуживати; а ни своих судов судивши непосуживати: а взаставу намъ бояр и мещан полоцких и посельскихъ путниковъ намъ небрати а застава намъ у полтескъ никоторымъ полочаном николи недавати безих воли; а знами имъ быти готовым на вой-

1) **Децкiй,—смотри выше.**

ну, а по волости нашое воеводе нашому неездити . . . . . . му недоровати, а станетли вкоторого полочанина татьба а доищутлися татьбы ино господару отдати; а кого недостанеть ино татя выдати: А бобры [1]) гнати по старой пошлине, также вожницу взамку або вместе нашомъ полоцкомъ кого проперво того держали Бояре поспол змещаны за продка . . . . казимира короля его милости; а потомъ стое вожницы дядя нашъ александро король его милость платъ был брал ку скарбу его милости, ино король его милость старши пан . . . . нашъ зася тровогу и платъ знее бояромъ и мещаномъ дати рачил, А так и мы зласки нашое при той вожницы их заховываемъ мають они по давному . . . . намъ их имети то естъ маютъ ее одынъ годъ держати по два боярыны а по два мещаны и платъ снее выбирати; к своюму пожитку маютъ обернути на свои потребы. Также которые домы и местца церквамъ божим наданы здавна отъ продков нашихъ або владыко и игуменья и иные князи и бояре . . . . . . прикупили к церквамъ Божимъ а тые домы и местца суть взамку або серед места полоцкого и будутъ ли за пановане щастливое памети деда нашого казимира короля его милости владыка и игуменья на тых звечных местцах церковныхъ за собою . . . . и иные заклади имени, мы и тепер владыцам . . . . местцах ихъ и втых церковных домех слуги и иные заклодни засобою мети и их судити а то тым обычаемъ иж маютъ и служити великим господаремъ своимъ стых местец мають давати и будутлися которые зних торгомъ абы ходити они мають серебрщизну и ордынщины з местом нашимъ платъ . . . . . поля и сеножети церковные владыка и игуменья мають на тых полях и сеножатех не мают торговых людеи а на ремеслных за собо садити, нижли мають садити людеи селских которые бы там хлеб пахали также бояре полоцкіе тымже обычаем которыи о них отчизные свои домы и . . . . . . да мають право на месте полоцкомъ и теж естли будуть еще за деда нашого казимира и за дядка нашого александра и за отца на-

---

[1]) Бобровые гоны—охота на бобровъ, которые встарину водились по всѣмъ почти рѣкамъ и рѣчкамъ Бѣлоруссіи и Литвы и составляли важную отрасль промышленности и торговли.

шого королей их милостю отцы их и они сами слушным а врадовым обычаем которые дворыща покупали або зданины их милости мають теми и теперь мы дозволяемъ на тых . . . . за собою садити и их судити, потомуж который бы з них хотел купецтвомъ або ремеслом которым обыходити тые мають законы нашими серебщизну и ордынщизну платити и иные слушные податки ку пожитку нашому земскому а штося тычеть отмерщизны которую воитъ и бурмистры и радцы нашие . . . . будуть на месте нашомъ церковномъ того людем и Бояремъ помагати ненадобеть, ктожъ которые бояре будуть мети . . . . . з стародавна свои межи и боры и дубровы и гаи во тых ихъ и лесех и борах и дубровахъ и гаех немають мещане на свои потребы мескіе дерева брати на будованіе домовъ . . . . мещане на свои потребы брати дерева около места полегшихъ борех и лесех и дубровах и гаех где здавна будуть . . . . . немають брати, а естлибы который Боярынъ своею доброю волею дозволилъ мещаномъ у своем лесе и боре и гае дерево брати . . . . полочаном взяти . . . . . до полоцка . . . . полочаном . . . . . . а намъ въ тое невступатися, а полочанъ нашихъ рекъ ни озеръ нетаити: а кто . . . . важницу брати по двесте гроши а поборцу по два гроши . . . . отъ рубля по четыре гроши а поминого по грошу . . . . а воеводинымъ слугамъ тивунства [1]) городнаго не держати . . . . . . тымъ слугомъ по волости полоцкой не ездити а тивуну городному на нашъ дворъ давати по три гроши на день, а на черсветы воеводинымъ слугамъ не судити судити тивуну по старой пошлине, також по невли судилибы тии по всей волости полоцкое судите воеводе на городе, А також владыце . . . . куница шерстею, а въ прыгонъ попомъ икгуменомъ и владыце неходити, а церковные домы присмотрети старостамъ городнымъ (церковнымъ?) а церковныхъ земли владычнымъ слугамъ недержати, а грывострижицу поволости неводити ани лну

[1]) Тивунство—должность граничнаго или межеваго судьи.

брати, а ни женамъ череду давати воеводе нашого полоцкого . . . . . . который будеть воевода нашъ не любъ имъ и намъ дати воеводу по ихъ воли; а приехавши воеводе нашому къ полоцку перва . . . . . крестъ целовати полочаномъ натом штож без ихъ справы полочанина некарати и нивчомъ; А воеводу городомъ недаровати, тежъ полочаномъ всимъ жити вопослушенствѣ . . . . покуль хто хочеть, а будеть ли которому полочанину отъ насъ насильство намъ его силою недержати ино ему пути . . . . . хто хочеть безъ всякое зачепки, а въ своемъ именьи во всемъ воленъ идучи . . . . продати, або которому приятелю своему приказати вто намъ невступатися . . . . имети намъ о томъ жаловатися о насилія на полочанина приеховши до литвы одичъ безъ отца намъ злитвы дело тое неслати писати намъ листъ свой к воеводе нашому хотя о смертной вине ино ему судити поцелованью осудивши его въ полоцку карати виноватого . . . . по испросу, а воеводе нашому отъ приновенъ городских носула небрати, А чоломъбитие намъ вполочанъ прииити также воеводе нашому отъ вор имати гостинцы по полу коне грошей со всякое вары. А на твердости того всего и печать нашу казали есмо привесити, А прытомъ были панове рады . . . панства Литовского, Бискупъ виленской князь Павелъ княжо олшанское, воевода виленскій канцлеръ великого княжства литовского державца Бобруйскій и Борисовскій панъ янъ юревичъ глебовичъ панъ виленски державца Упитскій, панъ Григорей Григорьевичъ Остикъ, воевода трокскій князь Янушъ Юрьевичъ княжо ольшанское панъ трокскій . . . . . жомонтскій державца плотельски и телшовскіпанъ еронимъ александрович ходкевич маршалок земекіи державца шавленскій, Панъ Миколай Яновичъ Радивил воевода киевскій, князь Фридрых глебович пронскіи воевода Полоцкіи, пан станиелав станиелавович Довойно и иные панове рады наши. Писано и дано у вилни . . . отъ нароженя тысеча пятсотъ сорокъ осмого году месяца Февраля двадцать первого дня индикта пятого: втого листу привиллею подпись руки короля его милости тыми словы Sigismundus Augustus Rex, а подпись руки писарское тыми словы Иванъ . . . . . маршалокъ дворный подскарбіи земскіи и писар . . . . . абы во всех артыкулех и важности своей тепер и на потомные часы водле утверженя продковъ наших королей ихъ милости и великих князеи

и отъ давного нашого утверженя нивчом пенарушоно везде на каждомъ месцу и вкаждого права при зуполной моцы панамъ полоцкимъ рыцерству всей шляхте обывателемъ тое земли воеводства полоцкого тот привилеи всемъ листе привелею нашомъ описаныи былъ хован и держанъ быти маеть вечными часы . . . . . штосе дотычеся справ судовых врадам нашимъ господарскимъ кгродскому и земскому належачих ино яко втутошнем панстве нашомъ великом княжствѣ Литовском тые справы нашихъ врядъ отправованые . . . водле статуту прав земских великого княжества Литовского и втой земли воеводства полоцкого на врадех наших гродскомъ и земскомъ тые справы отсуживаны и отправованы быти мають.

А которыхъ метрыкъ канцлеренских зъвлаща давных справъ на сеимиках у вилни при концлере нашом не былъ . . . . . штося колвекъ давных справъ потребъ правъ и волностей вземли полоцкои належачих тамъ покажеть и чого коли они зметрык потребовати будуть то все вканцлерое нашое шляхте полоцкой давано быти маеть а ижъ они пляцовъ своих которых взамку головном . . . . где теперь дворъ . . . . . магистротства пляц за жеданемъ нашимъ сами доброволне уступили позволивши отменою ихъ взамку нижнемъ называемомъ стрелецким пляцы себе взяти: Тогды симъ листомъ привилеем нашимъ господарскимъ такъ имъ варуемъ и упевняемъ ижъ неодно привилеям волностям их ничого ублнжати . . . . . котором перекаэе то быти не маеть а они мають таковым же правомъ тые пляцы узамку стрелецкимъ держати яким правом в вышнем замку пляцы свои мели. И на то дали есмо паномъ полоцкимъ всим рыцарству шляхте обывателем земли воеводства полоцкого сей нашъ листъ привилей подписомъ руки нашое господарское и знашого привесить велели того княжества литовского печать. Писанъ у Вилни лѣта Божого нарожения тысяча пятсот осемъдесятого мсца мая семого дня.

Stephanus Rex.

Венцлавъ Акгрипа Писарь.

(L. S.)

№ 34-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ БѢЛОРУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Жалованная подтвердительная грамота князя Семена-Карла Огинскаго, мечнаго в. кн. литовскаго, подкоморія витебскаго, на имѣнія Марково и Шпаковщину для витебскаго Маркова монастыря, основаннаго его родителями Львомъ и Раиною Огинскими, въ 1633—42 годахъ. Писана въ 1687 г. августа 11.

(Списана съ копіи (экстракта) этой грамоты, находящейся въ архивѣ витебского Маркова монастыря № 2).

Выписъ з книгъ справъ земскыхъ воеводства витебского, лѣта вроженства сына Божія тысеча шестсотъ осемдесятъ семого, месѣца Октобря 3 дня.

На рокахъ судовыхъ Михайловскихъ [1]) по св. Михаилѣ святѣ римскомъ порядкомъ права посполитого припалыхъ и судовне въ замку Его Королевской милости витебскихъ справляющихъ. Передъ нами Фелиціаномъ Лукомскимъ Судіею и Секретаромъ Его Королевской милости, Іосифомъ Казиміромъ Ромейкомъ–Гуркомъ Подсудкомъ и Адамомъ Францишкомъ з брусилова киселемъ Писаромъ. Урядниками судовыми земскими воеводства витебского ставили особисте (лично) велможный Его милость панъ Семіонъ Кароль Огинский Мечный великого княжества Литовского [2]), Подкоморый воеводства витебского

---

[1]) Рокомъ судовымъ назывался, по литовскому статуту, извѣстный срокъ въ году съѣзда выборныхъ и королевскихъ судей для рѣшенія тажебныхъ дѣлъ. Сроки эти для каждаго воеводства опредѣлялись послѣднимъ генеральнымъ сеймомъ и обыкновенно начинались съ какого-либо праздника, именемъ котораго и называли, какъ напр. здѣсь **Рокъ св. Михальскій**.

[2]) Этотъ Огинскій, сынъ основателя Маркова монастыря Льва, измѣнилъ православію послѣ смерти своихъ благочестивыхъ родителей. Онъ едвали не первый изъ дома Огинскихъ принялъ латинство.

сей свой доброволный листъ, запись вечисты фундацыйный и сущесть того на тымъ же записѣ фундацыйнымъ у суду головного Трибунального даного на речъ в нимже самомъ нижей о всемъ достатечне выраженную въ Богу велебнымъ ихъ милостямъ отцамъ, Игумену и всимъ каплономъ (священникамъ) и братіи монастыря Марковскаго в воеводстве витебским лежачого даный и служачый в суду призналъ, и абы до книгъ земскихъ витебскихъ принятъ и вписаня потребовалъ, который вписавши у книги, зачавши всущести слова вслово такъ всобе имѣеть. Року тысеча шестсотъ осимдесятъ семого мѣсяца Августа четырнадцато дня, сей записъ фундушевый Панъ Мацѣй Стемпковский ку актикованю у суду Головного Трибуналного подалъ, Богуславъ Униховский писаръ Земскии Новогрудский, Маршалекъ Трибуналский великого княжества Литовского, Михаилъ Шумский, Писаръ Трибуналский. Я Семіонъ Кароль Огинский, мечный великого княжества Литовского Подкоморый воеводства витебского, ознаймую и чиню вѣдомо симъ моимъ стародавнимъ доброволнымъ записомъ, кому о томъ ведати надлежить, теперъ и впотомные часы вѣку людемъ; что в Богу з сего света зешлые велможные Его милость Панъ Левъ Самуель Огинский Цивунъ Троцкий и ея милость Пани Софія Беливичевна Огинска Илвунова Троцка, добродѣе родители мои, в року тысеча шестсотъ четыредесятъ вторымъ месяца Августа шестого дня; въ моцъ конституции сеймовой, вроку тысеча шестсотъ тридцатъ пятого у хваленой и порядкомъ втойже Констытуцыи списаным, оправленым вечисто фундаційнымъ записомъ своимъ имѣнѣ свое стародавнее о времянъ его Королевской милости воеводства витебского одну часть впана Яна Киселя Загоренскаго а другую часть впана Мартина Шидловского набытые званое Марковое неподалеку замковъ мѣста витебского, внизъ реки надсамою Двиною лежачые, гдѣ первіе сего церковъ чрезъ Пана Киселя поставлена была и теперъ церковъ и монастыръ здавныхъ часовъ презъ добродѣевъ родителей моихъ заложеный естъ, до которыхъ то церквей и монастыря од старыхъ зверхныхъ пастырей реліи нашей *старожитной греческой* а не *Унитовъ*, отецъ игуменъ з братіею законниками для вправленя хвалы божей утверждены правомъ вечестымъ суть абы втомъ монастыре вцерквахъ хвала Божія ширила и уставичные молитвы за добродѣевъ родичевъ моихъ зешлыхъ и насъ живы-

вых зостающих щасливы навсѣ потомные часы справлены быть могли, симъ ведлугъ науки права Посполитого, изъ вышпрописаной Конституцыи справленымъ у суду головного Трибуналного в року тысяча шестсотъ четырдесятъ вторымъ месяца Августа 27 дня признавши вѣчистую поссесію (владѣніе) урадовые велебнымъ (преподобнымъ) в Богу Отцу игумену зъ братіею законниками (иноками) подали и попустили и до тѣхъ часовъ въ поссесіи своей вечистой спокойной ненарушней зостаютъ и тые обедве части маетности и самый монастырь з церками з дворомъ в пана Шидловского гдѣ онъ самъ жилъ, з гумномъ, зпашнями дворными и до монастыря приналежачыми изъ сады огороды з полями оремыми и неоремыми, з ловы, гаями, дубровами, з реками, речками, з ловы рыбными и всякаго звѣра, совсемъ нятъ яко тіе обедве части з давныхъ времѣнъ в себе имѣли в стародавныхъ ограниченяхъ, пожыткахъ и обходахъ своихъ и теперъ имѣютъ, влучивши всѣхъ кревныхъ повмѣныхъ нашыхъ на выхованѣ тому монастырю отцу Ігумену зъ братію за конниками теперешними и впрышлый векъ наступаючими, на разширенѣ хвалы Божей релеи старожытной подъ послушенствомъ святейшого Патріарха Константинопольского и у него намъ звыклымъ порядкомъ стародавнымъ поданымъ преосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ Галицкимъ и всей Россіи будучимъ, такимъ порядкомъ дано и записано; что еслибы Панъ Богъ, смертѣ на отца Игумена Марковскага допустить рачылъ, тогда другіе отцы паны законники черцы тогожъ монастыря со мною яко фундаторомъ и ихъ милостями паны обыватели тогожъ воеводства витебского, вреле нашей зостаючыми и иншыми людми добрыми тойже релеи старожитной греческой стогожъ монастыря законникамъ, на тотъ станъ игуменский годного и потомъ завсегда, яко я самъ и потомки мои, которые релии нашей старожитной греческой останется оберать маю и маютъ а ихъ мость теперешний його милость отецъ митрополитъ и по немъ другіе митрополиты тоей же релеи нашей греческий старожитней в святейшого Патріарха Константинопольского, будучыхъ тыхъ таковыхъ игуменовъ на тотъ столецъ игуменский подавать и благословить маютъ. А жадней перешкоды перевязы втей маетности . . . . вмонастыръ игуменомъ другимъ законникомъ чинить а не иньйшимъ способомъ порядку иншого, ани подаванію в себе иншого игумена и ни вчомъ никоторые одмены чи-

нить немають; отецъ игуменъ збратіею своею справоватися и захователи въ томъ монастыру порядкомъ общежителнымъ . . . . маютъ, гдѣбы и то показало, чего Боже уховай, чтобы который отецъ игуменъ втой релеи нашей старожитней греческой одступить и до *унитской* албо до кой иншой приступить хотѣлъ и общежитіе псовалъ (портилъ, нарушалъ), тогда таковый, яко отступникъ нетолко у отца митрополита, но и у насъ самыхъ фундаторовъ за згодою (съ согласія) всей братіи законниковъ тогожъ монястыря марковского отлученъ и декретованъ (отрѣшенъ) быть имѣетъ, а на тое мѣсто иншого ведлугъ вышшего порядку албо параграфу обрано и подано быть имѣеть, яко ширей всѣ речь вперщомъ листу записѣ фундушу в Богу зешлыхъ добродѣевъ родичовъ моихъ тому монастыру данымъ естъ описано. я тогда Огинскій вечный великого княжества Литовского Подкоморый воеводства витебского стосуючыся до воли ихъ милостей пановъ добродѣевъ ридичовъ моихъ тотъ первый записъ родителскій во всѣхъ пунктахъ и параграфахъ вечными часы, симъ моимъ доброволнымъ вечистымъ записомъ утверждая и отдати сего листу моего доброволнаго вечистого запису я самъ, малжонка (жена). дѣти, потомки мои до тей маетности и пожытковъ жадного вечными часы вступу имети немаю и немають под зарукою, яко важность речы выноситъ, але овшемъ (но напротивъ) видячы всякий духовный законный побожный поступокъ в Богу велебного его милость отца игумена, того монастыря Өеофана Ивановича зволи моей и братіи того монастыря на игуменство обраного во власть подавши воленъ всѣмъ владѣтъ его милость самъ сполне (совмѣстно) о Христѣ з братіею и по его милости наступающіе игумены и братія вечными часы и хтобы хотелъ яковымъ способомъ втотъ монастыръ и маетностъ уступовать, отнимать, крывды (обиды) чинить, у каждого суду и права заступовать (защищать) маю и повиненъ буду я самъ и потомки мои и нато я Семіонъ Кароль Огинскій вечный великого княжества Литовского подкоморый воеводства витебского далъ сей мой доброволный фундаційный листъ записъ, сподписомъ руки моей, также под речами и подписами рукъ ихъ милостей пановъ пріятелей до сего моего запису устне и очевисто упрошеныхъ нижей на подписахъ выражоныхъ, которые ихъ милости на прозбу мою подписать рачили (изволили). Писанъ в

Лезне року тысеча шестсотъ осимдесятъ семого, месяца генвара двадцать осмаго дня, у того доброволного листу запису вечистого фундацыйного при печатехъ подписъ рукъ сими словами Кароль Огинский мечный великого княжества Литовского Подкоморый витебский, устне и очевисто прошоный печентаржъ до того фундушу од велможного его милости пана Кароля Огинского Мечного великого княжества Литовского, Самуель Станиславовичь Чаплицъ подчаший воеводства витебского, устне и очевисто прошоный печентаржъ в особе вышприсанной до того запису рукою моею подписуюсь Янъ Лешневский; который то листъ записъ доброволный, вечистый фундацыйный за очевистымъ признанемъ чрезъ особу вышреченную до книгъ земскихъ витебскихъ естъ вписанъ с которыхъ и сей выписъ под печати урядовыми Судии и подсудка. Ас подписомъ руки моей писарской в Богу велебному его милости отцу Өеофану Ивановичу игумену монастыря Марковского и всѣмъ ихъ малостямъ отцамъ законникамъ тогожъ монастыря естъ выданъ. Писанъ у Витебску, у которого выпису подписъ his verbis (сими словами) Адамъ з Брусилова Кисель, Писаръ земский витебский. Скорриговалъ скнигами Рослинский.

Примѣчанiе: Упоминаемый въ сей грамотѣ, Левъ Огинскiй, цивунъ троцкiй, кромѣ Маркова монастыря, былъ еще основателемъ (въ 1637 г.) полотскаго православнаго Богоявленскаго монастыря, и съ супругою своею погребенъ въ Кронскомъ православномъ монастырѣ, основанномъ родителями его, княземъ Богданомъ и Раиною, урожденною Воловичевною, Огинскими, тамъ же погребенными. Замѣчательно, что всѣ эти монастыри, не смотря на неоднократныя попытки со стороны унiатовъ отнять на унiю, пережили оную, оставаясь всегда въ рукахъ православныхъ. (Объ основанiи этихъ монастырей Огинскими и погребенiи ихъ въ Кронскомъ монастырѣ упоминается въ документахъ архива полотск. Богоявл. монастыря; въ актахъ гг. Вильны, Трокъ и друг. Ч II №№ 41 и 43, и въ Бѣлорусскомъ архивѣ №№ 45—48. Гробы ихъ находятся и понынѣ въ Кронской церкви).

ЖИЗНЬ

преподобной княжны полоцкой св. Евфросиніи, съ историческимъ описаніемъ основаннаго ею полоцкаго дѣвичьяго, спасопреображенскаго монастыря, съ опровержeніемъ, распространеннаго папистами мнѣнія, будьто бы она наравнѣ съ другими, древними, св. угодниками русской церкви была уніатка и съ приложеніемъ изображенія креста, устроеннаго ею для монастырской церкви.

(Окончаніе)

III.

Полотскій дѣвичій Спасо—Евфросиньевскій монастырь.

Полотскій дѣвичій Спасо-Евфросиньевскій монастырь расположенъ на правомъ берегу рѣки Полоты, въ недалекомъ ($1^1/_2$ версты) разстояніи отъ г. Полотска. Это одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей полотской епархіи и, можно сказать, Россіи и одна изъ замѣчательнѣйшихъ, по превратности своей судьбы, обителей въ православномъ отечествѣ нашемъ. Основаніе этого монастыря можно отнести къ 1125 г. [1])

Устройство этой обители, первоначальное состояніе ея

---

[1]) По крайней мѣрѣ не позже этого года, такъ какъ, по сказанію лѣтописей (Полн. собр. русс. лѣтоп. III, 5), въ этомъ году умеръ дядя пр. Евфросиніи, владѣтельный князь полотскій Борисъ Всеславичь, участвовавшій, (какъ это видно изъ жизнеописанія пр. Евфросиніи) въ построеніи Спасо-Евфросиньевской обители.

подъ управленіемъ преподобной Евфросиніи изложены въ жизнеописаніи святой его основательницы ([1]). Теперь мы намѣрены продолжить уясненіе судьбы этого древняго памятника православія Россіи отъ временъ преподобной Евфросиніи до настоящей эпохи.

Какъ долго управляла монастыремъ сестра св Евфросиніи Евдокія и кто были преемницами ея по управленію этою обителью до преподобной Параскевіи, не управляли-ль ею по смерти Евдокіи ея племянницы, дочери князя полотскаго Вячеслава Юрьевича (по другимъ Борисовича) Киранія и Ольга, въ инокиняхъ Агафія и Евфимія,—на эти вопросы лѣтописи не даютъ опредѣленныхъ отвѣтовъ. За то со времени преп. Параскевіи не трудно уже слѣдить за фазами измѣнчивой судьбы Спасо-евфросиньевской обители. Преподобная Параскевія была дочь Рогволда Василія, который оставилъ полотское княжество сыну своему Глѣбу и дочери Параскевіи. Но сія послѣдняя не долго раздѣляла съ своимъ братомъ бремя правленія. Живя вблизи Спасо-евфросиньевскаго монастыря, она постоянно посѣщала его и такъ полюбила мирную иноческую жизнь, что, оставивъ княжескія почести, богатства, роскошъ и всякую мірскую суету, посвятила свою жизнь на служеніе Богу при семъ монастырѣ и была пострижена въ монахини полотскимъ епископомъ Сумеономъ Новгородцемъ, а всѣ свои богатства и имѣнія подарила монастырю. Спасскій монастырь, подъ управленіемъ преподобной княжны Параскевіи, дошелъ до самаго цвѣтущаго состоянія. Примѣромъ ея увлекались многія знатныя дѣвы и вдовы, принимали въ немъ постриженіе и приносили въ даръ богатыя свои приданныя,—такъ что монастырь сей считался богатѣйшимъ изъ всѣхъ монастырей бывшаго ([2]) полотскаго княжества ([3]).

([1]) См. кн. XI. От. II. „Жизнь пр. княжны полотской Евфросиніи.

([2]) Вотъ названія деревень, принадлежавшихъ Спаскому монастырю, во время передачи его по приказанію короля Баторія, полотскимъ іезуитамъ: Яковковичи, Глубокое, Туровля, Пахвланки, Мѣздицы, Ольшаница, Бяжище, Новолокъ, Карпеничи, Мосаржъ меньшія, Оболь, Сосница, Мошнки, Тоборовки; Нѣшчерда, Горола, Тоболки, Дрисса, Захареничи, Михалевщизна.

([3]) Смертію братаевъ пр. Евфросиніи князей Вячеслава

Впрочемъ, еще при жизни пр. Параскевіи, благосостояніе Спасскаго монастыря было потрясено по случаю грознаго нашествія на Русь татаръ. При вѣсти о приближеніи ихъ, всѣ жители оставляли города и села и искали убѣжища среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ. Тогда инокини Спасскаго монастыря, устрашенныя молвою о приближеніи татаръ къ предѣламъ полотскаго княжества, по примѣру окрестныхъ жителей, спасались бѣгствомъ и разсѣялись по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ и нѣкоторыя изъ нихъ не возвратились уже подъ сѣнь обители сей и по миновеніи опасности. Не возвратилась и преподобная игуменія Параскевія: она, по сказанію, впрочемъ однихъ только польскихъ писателей (Стрійковскаго, Бѣльскаго, Стебельскаго, Кульчинскаго и Пошаковскаго), от-

---

и Давида прекратилась династія удѣльныхъ полотскихъ князей дома св. Владиміра. Полочане, по какимъ-то причинамъ, не хотѣли уже имѣть князя, а установили у себя *Вѣче*, по примѣру псковитянъ и новгордцевъ. Но они не умѣли пользоваться свободою, или лучше сказать обратили ее во зло, себѣ и сосѣдямъ, на которыхъ стали дѣлать опустошительные набѣги,—въ особенности на Литву. Это побудило литовско-новогрудскаго князя Мингайлу Ердивиловича съ огромнымъ войскомъ вторгнуться въ полотское княжество, которое, послѣ побѣды, одержанной имъ надъ полочанами у Городка и, затѣмъ, послѣ взятія приступомъ Полотска, подпало подъ власть побѣдителя, около 1190 года. Впрочемъ, Мингайло, покоривъ Полотскъ, возвратился въ свою столицу Новогрудокъ, а на полотское княжество посадилъ младшаго своего сына Генвила, которымъ собственно началась новая династія князей полотскихъ Мингайлова дома. Генвилъ вскорѣ принялъ крещеніе съ именемъ Георгія, женился на тверской княжнѣ Маріи Борисовнѣ и скончался въ Полотскѣ, около 1220 года, оставивъ престолъ сыну своему Борису, который извѣстенъ по особенному усердію къ созданію храмовъ Божіихъ. Такъ онъ въ одномъ Полотскѣ построилъ три каменныя церкви: Софійскую на Верхнемъ Замкѣ, Борисо-Глѣбскую, съ мужескимъ монастыремъ, за рѣкою Бѣльчицею, впадающею въ Двину у самаго города, и во имя св. Параскевіи Иконійской, въ недальнемъ разстояніи отъ Борисоглѣбской. Послѣ смерти Бориса (1226) полотскій престолъ, наслѣдовалъ сынъ его Рогвольдъ—Василій.

правилась въ Римъ (?!) на поклоненіе святымъ мощамъ апостоловъ Петра и Павла, гдѣ и скончалась въ 1239 году 12-го октября и причтена къ лику святыхъ. Спасскій же монастырь продолжалъ свое существованіе до временъ завоеванія Полотска войсками царя Іоанна Васильевича Грознаго (1563 году). Молва о жестокомъ наказаніи непокорнаго Новгорода устрашала жителей всѣхъ городовъ, которые осаждалъ Іоаннъ. Когда приближались войска его къ Полотску, большая часть жителей сего города, въ томъ числѣ и инокини Спасскаго монастыря, находясь подъ вліяніемъ всеобщаго ужаса, бѣжали изъ города, а послѣднія изъ своей обители, въ которую уже и не возвратились, не только въ продолженіи господства Іоаннова въ Полотскѣ, но и послѣ отнятія его королемъ Баторіемъ. Овладѣвъ Полотскомъ, Баторій учредилъ (1580 году) іезуитскій коллегіумъ въ семъ искони православномъ городѣ и отдалъ во владѣніе іезуитамъ почти всѣ полотскіе монастыри, въ томъ числѣ и оставленный инокинями монастырь Спасскій, со всѣми принадлежавшими ему населенными имѣніями и угодьями [1] Монастырское же и церковное имущество, драгоцѣнности, богатыя утвари и проч. увезены были еще прежде, по приказанію Іоанна, въ Россію Одинъ только вышесказанный крестъ, устроенный препод. Евфросиніею, монахини, уходя изъ Полотска, оставили на сохраненіе въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ онъ и сохранился по настоящее время и, перенесенный въ 1841-мъ году въ возобновленную Спасскую церковь, служитъ для благочестиваго народа предметомъ благоговѣйнаго поклоненія и вмѣстѣ съ тѣмъ безмолвнымъ памятникомъ благочестія препод. Евфросиніи.

Кто была послѣ преподоб. Параскевіи игуменіею Спасскаго монастыря до завоеванія Полотска Іоанномъ Грознымъ, время не сохранило никакихъ извѣстій. Іезуиты же владѣли имъ

---

[1]. Stryikowski ks. VI roz. XII, karta 233; Gwagni ks. II czę. I. k. 225. Jnformacia o dobroch do kollegium s. Jesu połockiego należących; Reputacia tej informacii przez xiędza Ciżewskiego; Актовыя книги архивовъ: полотскаго уѣзднаго Суда, витебскаго губернскаго Правленія и Палаты Государственныхъ Имуществъ. Карамзинъ. Томъ 9-й, Stebelski dwa swiatla и мн. др.

до изгнанія ихъ изъ Полотска въ 1821 году. Спасскую церковь превратили они въ костелъ, не оставивъ внутри ни одного памятника православія, на мѣстѣ же зданія монастырскаго, вѣроятно пришедшаго въ вѣтхость и разрушившагося до основанія (¹), построили двухъ этажный каменный домъ, для лѣтней резиденціи ихъ генераловъ и для постояннаго жительства прокуратора, главноуправляющаго всѣми ихъ имѣніями. Послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Полотска, ихъ коллегіумъ, со всѣми зданіями и костелами, въ томъ числѣ и съ Спасскою церковію переданы были, по Высочайшему повелѣнію, монахамъ піярскаго ордена; но по случаю учрежденія въ 1832 году кадетскаго корпуса въ зданіяхъ сего коллегіума, піяры были переведены въ другіе римско-католическіе монастыри, всѣ принадлежавшія коллегіуму имѣнія поступили въ казну, а Спасская церковь со всѣми другими строеніями и нѣкоторыми угодьями досталась православному духовному вѣдомству и нѣкоторое время находилась, какъ и всѣ православныя церкви нынѣшней полотской епархіи, въ вѣденіи могилевскаго епископа. Вслѣдствіе чего древняя Спасская церковъ опять освящена была въ православную 7-го августа 1833 года. За тѣмъ, съ учрежденіемъ въ 1835 году самостоятельной православной епископской каѳедры въ Полотскѣ, домъ при Спасской церкви и всѣ іезуитскія при ней строенія, съ разными угодьями, переданы были первому епископу вновь учрежденной епархіи, преосвященному Смарагду, для лѣтней резиденціи, а церковь была возобновлена и имъ же освящена.

Но въ 1840 году, при преемникѣ преосвященнаго Смарагда Исидорѣ (нынѣ митрополитѣ новгородскомъ и санктъ-петербургскомъ), на другой годъ послѣ возсоединѣнія уніатовъ, при Спасской церкви возстановленъ, по Высочайшему повелѣнію, древній дѣвичій Евфросиньевскій монастырь. Онъ снабженъ былъ разными угодьями и причисленъ къ разряду первоклас-

¹). Въ недальнемъ разстояніи отъ церкви (съ сѣверо-восточной стороны ея) нынѣ находится покрытая дерномъ возвышенность, составившаяся изъ развалинъ древняго монастырскаго зданія. Отрываемые въ ней кирпичи и фундаментъ совершенно похожи на кирпичи и кладку стѣнъ церкви.

ныхъ обителей. По неимѣнію средствъ построить новое монастырское зданіе, подъ келліи отданъ былъ вышесказанный поіезуитскій домъ, весьма впрочемъ тѣсный и совершенно не соотвѣтствующій новому его назначенію. Первоначально сюда были переведены возсоединенныя инокини, бывшаго базиліанскаго ордена, жившія въ деревяныхъ келліяхъ, устроенныхъ на Верхнемъ Замкѣ, при полотскомъ Софійскомъ соборѣ; но въ скоромъ времени, штатное число ихъ пополнилось и лицами древлеправославными. При монастырѣ семъ въ 1844 году учреждено училище для дѣвицъ духовнаго званія, пользующееся ежегоднымъ пособіемъ въ 500 руб. сер. отъ духовнаго попечительства и такою же суммою отъ казны. Училище это состоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ настоятельницы монастыря, смотрительницы изъ болѣе ученыхъ монахинь и надзирательницы, а учебные предметы преподаютъ въ немъ наставники полотскаго уѣзднаго духовнаго училища. Первою настоятельницею вновь возстановленнаго Спасо-Евфросиньевскаго монастыря была прежняя настоятельница переведеннаго сюда изъ Верхняго Замка уніатскаго монастыря, Иннокентія Кулешанка; но она не долго управляла Спасскимъ монастыремъ; ибо, происходя отъ родителей латинскаго вѣроисповѣданія и при томъ же будучи подстрекаема родственниками своими римско-католическими, отказалась принять православіе, за что въ 1842 году смѣнена была древлеправославною игуменіею Евфросиніею Дехтеревою, умершею въ слѣдующемъ 1843 году. Кулешанка же, добровольно оставивъ монастырь, перешла на жительство къ своимъ родственникамъ и умерла въ латинствѣ. Она равно какъ и другія базиліанки, не согласившіяся (впрочемъ весьма немногія фанатички) возвратиться къ православію, до смерти пользовались отъ св. Сvнода денежнымъ пособіемъ, равняющимся годичному окладу жалованья, положеннаго для монахинь первоклассного монастыря. Послѣ Дехтеревой управляла монастыремъ Клавдія Щепановская, хотя изъ возсоединенныхъ и по происхожденію католичка, но отличавшаяся совершенною преданностію православію. Она скончалась 1854 года. На ея мѣсто сдѣлана настоятельницею Евфросинія Сербиновичь, изъ древле православныхъ, управляющая монастыремъ и по настоящее время.

Примѣчаніе. Церковь во имя Преображенія Господня

каменная, въ византійскомъ стилѣ. Снаружи она имѣетъ видъ параллелограма, внутри же крестообразная, объ одной главѣ съ небольшою папертью. Своды храма коробовые, держащіеся на четырехъ, сведенныхъ арками, громадныхъ столбахъ. Хоры каменные, выдаются далеко на средину храма и тоже поддерживаются двумя столбами. Въ срединѣ храма находится куполъ, освѣщенный, какъ и весь храмъ, узенькими, продолговатыми окнами. Алтарь троечастный т. е. состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ коихъ въ главномъ устроенъ св. престолъ, по правую руку ризница, а по лѣвую жертвенникъ или предложеніе. На хорахъ по правую и лѣвую руку устроены двѣ небольшія келіи крестообразныя, въ коихъ, по преданію, спасались преподобная Евфросинія съ сестрою своею препод. Евдокіею. Церковь эта, какъ уже сказано выше, построена около 1160 года иждивеніемъ препод. Евфросиніи и въ стѣнахъ своихъ доселѣ сохранилась неповрежденною. Но изъ древнихъ украшеній внутреннихъ, кромѣ извѣстнаго св. креста, ничего въ ней не осталось. Только сквозь отваливающіеся слои штукатурки, виднѣются слѣды древнихъ фресковъ, коими испещрена была вся внутренность церкви. Иконостасъ, по нѣкоторымъ признакамъ, въ древности былъ каменный; но истребленъ, какъ и другіе памятники православія сей церкви іезуитами, владѣвшими Спасскимъ монастыремъ со времени появленія ихъ въ Полоцкѣ до изгнанія ихъ изъ предѣловъ Россіи. Подъ церковію подведенъ склепъ, въ коемъ погребались іезуиты. Преданіе гласитъ, что изъ-подъ западной части алтаря въ древности былъ устроенъ подземный ходъ въ городъ и что будто бы ходъ этотъ открыли іезуиты, не задолго до ихъ изгнанія изъ Полоцка, но почему его не расчистили, неизвѣстно.

Чтобы сохранить Спасскую церковь,—сей священный памятникъ древняго русскаго зодчества и православія въ странѣ искони русской,—отъ разрушенія, въ 1832 году, по представленію г. смоленскаго, витебскаго и могилевскаго генералъ-губернатора, князя Хованскаго, послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императора Николая 1-го, отнять церковь св. Спаса отъ піаръ, владѣвшихъ ею послѣ іезуитовъ и передать въ вѣдѣніе бывшаго могилевскаго и витебскаго епископа Гавріила; назначить отъ казны сумму, необходимую для починки ея, снабдить утварью и ризницею и опредѣлить причтъ съ содержаніемъ.

Сіе повелѣніе исполнено, нужныя починки сдѣланы, небольшой иконостасъ временно перенесенъ изъ полотскаго Богоявленскаго монастыря и самая церковь была освящена 7-го августа 1833 года.

Между тѣмъ въ февралѣ того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе разсмотрѣть въ строительномъ комитетѣ представленные генералъ-губернаторомъ планы для окончательной отдѣлки церкви всемилостиваго Спаса, съ пристройкою къ ней колокольни и дома для священника съ причтомъ, что было и исполнено въ 1834 году. Возобновленная, такимъ образомъ, церковь украшена великолѣпнымъ, позолоченнымъ, трехъ яруснымъ иконостасомъ, стѣны расписаны по древнему письму, съ возможно вѣрнымъ изображеніемъ тѣхъ самыхъ событій, лицъ и слявянскихъ надписей, какія видѣлись изъ подъ штукатурки и нѣсколькихъ слоевъ окраски, которою іезуиты неоднажды покрывали стѣны церкви и освящена преосвященнымъ Смарагдомъ б. епископомъ полотскимъ и витебскимъ.

Церковь теплая во имя св. препод. Евфросиніи, каменная, построенная въ 1843 году, на счетъ разныхъ пожертвованій.

Церковная ризница снабжена богатыми ризами и всякою утварью, отъ щедротъ царскихъ и частію отъ московскихъ купцовъ. Но самый важнѣйшій памятникъ благочестія и ревности къ благолѣпію церкви св. Спаса св. княжны Евфросиніи, служитъ св. Крестъ, устроенный ею и положенный въ церкви въ 1161 году, изъ которой онъ не былъ износимъ до взятія Полотска царемъ Іоанномъ Грознымъ, т. е. до оставленія монастыря инокинями, передавшими крестъ сей для храненія въ Софійскій каѳедральный соборъ. Святыня сія съ обращеніемъ сего собора на унію (1596 года), находилась въ рукахъ уніятовъ, до возсоединенія ихъ съ православною церковью и возстановленія спаской обители, куда торжественно, при стеченіи многочисленнаго народа, перенесенъ былъ въ 1841 году архіепископомъ полотскимъ и витебскимъ Василіемъ и положенъ въ одной изъ высшесказанныхъ двухъ келлій на хорахъ, именно-по правую сторону отъ входа, откуда износится въ церковь въ большіе праздники.

Іезуиты, основываясь на томъ, что сей крестъ, по первоначальному своему назначенію, указанному въ его надписи, вѣчно долженъ принадлежать спасской церкви, не однажды по-

кушались отнять оный у софійскихъ базиліанцевъ, но, не успѣвъ въ этомъ судебнымъ образомъ, прибѣгли къ хитрости и насилію. Такъ, однажды, въ праздникъ Воздвиженія, въ который Крестъ износимъ былъ изъ ризницы въ церковь для поклоненія, они успѣли похитить его, ловко подложивъ на его мѣсто другой, по наружности, совершенно похожій крестъ (fac-simile); но подлогъ тотъ часъ былъ открытъ и базиліане успѣли догнать іезуита, похитившаго крестъ (на полпути къ іезуитскому коллегіуму) и отнять его.

Впрочемъ, Крестъ препод. Евфросиніи, сохранявшійся въ софійскомъ соборѣ, долго оставался почти неизвѣстнымъ въ Россіи. О немъ знали только жители Полотска и не многіе любители старины, и то болѣе изъ книгъ или по слуху. Но возсоединеніе уніятовъ возвратило православію сей священный памятникъ благочестія древней Руси. Воздвигнутый отъ забвенія, онъ своимъ явленіемъ утѣшилъ православныхъ чадъ нынѣшней Россіи и напомнилъ имъ о святой княжнѣ, пожертвовавшей его. Не только жители Полотска, но и отдаленныхъ столицъ Россіи, имѣли утѣшеніе въ 1840 году видѣть въ своихъ стѣнахъ сей знаменитый крестъ и покланяться ему, куда лично привозилъ его архіепископъ полотскій и витебскій Василій, съ Высочайшаго разрѣшенія.

Крестъ сей, по общему въ Полотскѣ преданію, устроенъ будто бы въ Іерусалимѣ; но это едва ли справедливо; ибо въ находящейся на немъ обстоятельной надписи, это важное обстоятельство непремѣнно было бы отмѣчено, когда упоминается въ ней и художникъ, дѣлавшій сей крестъ, по фамиліи Богша, конечно, русскій и, вѣроятно, полочанинъ. Сказанное же преданіе можетъ быть основывается на томъ, что св. мощи и часть животворнаго древа св. Креста дѣйствительно доставлены были изъ Іерусалима, по сношенію родителей Евфросиніи, князей полотскихъ, съ греческимъ императоромъ Мануиломъ, съ которымъ они были въ родствѣ, или прямо по сношенію съ тогдашнимъ королемъ іерусалимскимъ Алмарикомъ, зятемъ Мануила.

Въ русскомъ жизнеописаніи пр. Евфросиніи о семъ крестѣ вовсе не упоминается; — первый описалъ этотъ крестъ полотскаго уніятскаго базиліанскаго монастыря іеромонахъ Стебельскій въ жизнеописаніи св. Евфросиніи. Кульчинскій (также

изъ полотскихъ базиліанъ) вспоминаетъ о немъ въ своемъ сочиненіи о русской церкви [1]), но ошибочно приписываетъ устроеніе онаго св. Параскевіи и сочинилъ небывалую надпись [2]). Въ слѣдъ за нимъ впалъ въ туже ошибку и Ассемани въ своемъ Календарѣ Вселенской Церкви [3]). Изъ русскихъ же писателей первый, Кеппенъ, обозрѣвавшій древности многихъ мѣстъ Россіи, напечаталъ извѣстіе о немъ въ спискѣ русскихъ памятниковъ [4]). Наконецъ, всѣхъ обстоятельнѣе, съ точнымъ изображеніемъ сего креста въ отношеніи рисунка, надписей и размѣра, описалъ авторъ историческихъ свѣденій о жизни пр. Евфросиніи, напечатанныхъ въ особенной брошюрѣ, 1841 года въ С. Петерб. Описаніе его мы заимствуемъ изъ сей брошюры.

Крестъ пр. Евфросиніи шестиконечный, деревянный, окованный серебромъ и украшенный драгоцѣнными камнями и безцѣнными частицами древа живоноснаго Креста, крови Христовой и мощей св. угодниковъ Божіихъ. Длина его 11 вершковъ и 3/8 вершка; высшая поперечная доска (титло) въ 3 вершка, низшая въ 4 и 5/8.

Содержащаяся въ немъ святыня обозначена слѣдующими надписями:

Съ правой стороны: 1.) кровь х҃ва, т. е. капли безцѣнной крови Спасителя, оставшіяся на частицѣ древа крестнаго, которое, какъ всѣмъ извѣстно, обагрено было ею во многихъ мѣстахъ. Сію святыню покрываетъ маленькій четвероконечный крестъ и осѣняютъ четыре круга, изъ коихъ въ первомъ изображаются слова ІС, на второмъ ХС, на третьемъ НІ, на четвертомъ КА, но послѣдніяи стерлись; 2.) † дрѣво животноїе, т. е. часть древа животворящаго Креста Господня (она покрыта снаружи также небольшимъ шестиконечнымъ крестомъ).

---

[1]). Specimen Eccl. Ruth. P. 1. ad. d. 28 Octobris p. 99.

[2]). Hanc. crucem famula Christi Parascevia templo s. Salvatoris in perpetuum donavit.

[3]). Kalendario Lcclesiae Universae, Romae. 1755. m. V. P. 288—290.

[4]). M. 1822. стр. 34.

Съ лѣвой стороны: 1.) ☩ ѿ гроба прѣсвятыя богородицѧ, т. е. часть камня отъ Ея гроба, на коей изображенъ былъ ликъ Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; 2.) ☩ гробъ господьнь, т. е. также часть отъ камня гроба Спасителя; 3.) ☩ мощѣ свтго стефана; 4.) ☩ кровь стго дьмитрия; 5.) ☩ мощѣ свтго пантелѣимона.

Весь крестъ обложенъ золотыми и серебрянными, вызолоченными листами, на которыхъ находится множество весьма искусно сдѣланныхъ украшеній изъ мелкой мозаики и 19-ти маленькихъ образковъ, двадцатый же утраченъ. Надъ каждымъ изъ образковъ вырѣзана надпись частію греческими, частію славянскими буквами.

Съ правой стороны: 1.) ІХ ХС (особенно любопытно обратить вниманіе на благословляющую руку Спасителя въ семъ образѣ, коего всѣ части, въ томъ числѣ даже и персты рукъ, составлены изъ самыхъ мелкихъ камней; 2.) МІР ѲУ (Матерь Божія изображена съ простертыми дланями); 3.) ☩ іѡ д (Іоаннъ Креститель, также съ простертыми дланями); 4.) арх. гав. (Архангелъ Гавріилъ); 5.) арх. мих. (Архангелъ Михаилъ); каждый изъ сихъ архангеловъ изображенъ держащимъ въ одной рукѣ шаръ; 6.) (а) іѡ 7.) (а) матѳеос; 8.) (а) лукас; 9.) (а) маркос (каждый изъ Евангелистовъ представленъ съ евангеліемъ въ рукахъ. Буквы (а) означаютъ ὁ ἅγιος, т. е. святый); 10.) н агіа ефросін (Преподобная Евфросинія александрійская, которой имя приняла при постриженіи своемъ преподобная Евфросинія полоцкая: отъ этого образа уцѣлѣло часть руки съ крестомъ и часть одежды); 11.) (а) георгіос (Св. Великомученикъ Георгій въ воинской одеждѣ, съ повязкою на челѣ, съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ; 12.) н агіа софіа (святая мученица Софія, тоже съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ).

Съ лѣвой стороны: 13.) (а) іѡ о хстом (Св. Іоаннъ Златоустый, въ святительской одеждѣ, съ шестиконечнымъ крестомъ и съ евангеліемъ въ рукахъ); 14.) (а) василін

(Св. Василій В. также съ евангеліемъ въ рукахъ); 15.) пустое мѣсто, на коемъ находился утраченный образъ третьяго святителя св. Григорія Богослова; 16.) (ѧ) петрос (Св. Апостолъ Петръ. Этотъ образъ совершенно истерся такъ, что остались одни слѣды его); 17.) (ѧ) павьлос (Св. Ап. Павелъ. Здѣсь уцѣлѣли одежда и рука, изображенная съ книгою, а ликъ истерся.); 18.) (ѧ) стефн (Св. Первомученикъ Стефанъ. Ликъ истерся, а обѣ руки, изъ коихъ лѣвая держитъ свитокъ, также и одежда вся, въ цѣлости); 19.) (ѧ) дьмнтно (Св. Великомученикъ Дмитрій съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. Образъ сохранившійся, за исключеніемъ вѣнца вокругъ головы); 20.) (ѧ) пантелеимѡн (Св. Великомученикъ Пантелеимонъ, держащій въ рукѣ, какъ думать можно, ковчежецъ).

Въ боковой надписи, начертанной вокругъ креста на серебрянныхъ вызолоченныхъ дощечкахъ, изображена воля преподобной Евфросиніи, чтобы сей крестъ, положенный ею въ церковь св. Спаса, оставался въ ней навсегда и никѣмъ не былъ отъ оной отчуждаемъ, подъ опасеніемъ подвергнуться строгой клятвѣ. † въ лѣт ·ѕ. х҃ѯ҃д покладаѥть ѡфросинья чьстьныи кр҃тъ въ манастыри своѥмъ въ цркви ст҃го спса чьстьноѥ дрѣво бесцѣньно ѥсть окованье его злото и серебро и каменьѧ и жьнчюгъ въ. р҃ гривнъ а др... м҃ гривнъ да неизнесѣтьсѧ из манастырѧ никогда же ꙗко ни продати ни ѿдати аще се кто прѣслоушаѥть изнесѣть и ѿ манастырѧ да не боуди ѥмоу помощникъ чьстьныи крестъ ни въ сь вѣкъ ни въ боудоущии. и да боудеть проклѧтъ с҃тою животворѧщею троицею и с҃тыми ѡтци т҃ и н҃ семию съборъ с҃тыхъ отць и боуди ѥмоу часть съ июдою иже прѣда х҃а кто же дрьзнеть сътвори с.... властелинъ или кнѧзь или пискоупъ или игоумѣньѧ или инъ которыи любо члвкъ а боуди клѧтва си ѡфросиньѧ же раба х҃ва сътѧжавши кр҃тъ сии приимѣть вѣчноую жизнь съ вс҃ѣ: и с....

Изъ этой же надписи можно усмотрѣть, что употребленное на крестъ золото, серебро, дорогіе камни и жемчугъ стоили 100 гривенъ и что сверхъ того 40 гривенъ положено на другія (можетъ быть, драгоцѣнныя украшенія). Обѣ суммы, т. е. 140 гривенъ равняются 1400 серебряннымъ рублямъ; ибо въ то время гривна равнялась полуфунту серебра или 10 сереб. рублямъ *).

Весь крестъ былъ по краямъ унизанъ жемчугомъ, который въ теченіе вѣковъ осыпался. (Недавно впрочемъ опять унизанъ жемчугомъ, щедротою №№). Съ правой стороны креста было 8 большихъ дорогихъ камней, а пустыя мѣста по угламъ маленькихъ крестовъ, лежащихъ надъ частями Честнаго Древа, заставляютъ предполагать, что тутъ было 8 меньшихъ камней, но, конечно, самыхъ драгоцѣнныхъ.

На лѣвой сторонѣ, въ самомъ низу, подъ образомъ св. Пантелеймона и вокругъ части его мощей вырѣзана еще слѣдующая надпись мелкими буквами: † Г҃и помози рабоу своему Лазорю нарченномоу Богъши сделавшемоу кръстъ сии црькви с҃тaго Спаса и Офросиньи......

Судя по фамиліи Богша, до нынѣ существующей еще въ слуцкомъ уѣздѣ, минской губерніи, должно полагать, что Лазарь Богша, сдѣлавшій крестъ не могъ быть грекомъ, да и греческія слова, писанныя славянскими буквами, доказываютъ это несомнѣннымъ образомъ.

Вообще буквы находящихся на крестѣ надписей отличаются всѣми признаками времени, къ коему принадлежатъ: древнимъ очертаніемъ и особенною правильностію, какую находимъ въ нашихъ рукописныхъ памятникахъ того вѣка.

К. Говорскій.

Витебскъ. 1858 г.

---

*) Истр. Гос. Росс. I., 248 и 81 прим. 79.

О МѢРАХЪ ПАПСТВА КЪ ВВЕДЕНІЮ УНІИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (ОЧЕРКЪ).

(Окончаніе). [1]

III). Гоненія, воздвигнутыя папистами на всѣхъ православныхъ въ юго-западной Руси.

По смерти приснопамятнаго поборника православія князя Константина (Василія) Константиновича Острожскаго, прочіе русскіе князья и дворяне именитые не умѣли защищать православной церкви отъ притязаній папистовъ и сами большею частію измѣнили православію. Давно уже русскіе высшаго сословія стали перенимать польскіе нравы, обычаи, языкъ, и тѣмъ самымъ охлаждали въ себѣ и уничтожали народное чувство и сознаніе. Люди же, недорожившіе своею народностію не могли быть и истинными ревнителями вѣры православной, народной, русской. Такъ какъ и унія носила еще на себѣ отпечатокъ русской народности, то они, измѣнивъ православію, не захотѣли держаться и уніи, по ихъ мнѣнію, вѣры холопской, и переходили въ латинство. Изъ этихъ то именитыхъ апостатовъ православія бывали самые жестокіе тираны русскаго православнаго народа; какъ напримѣръ Іеремія Вишневецкій: онъ измѣнилъ православію, не уваживъ ни предсмертнаго завѣщанія своей матери, ни увѣщанія митрополита Исаіи Копинскаго [2]. Съ потерею чувства религіознаго въ немъ не осталось никакого чувства человѣческаго. Во время войнъ съ Богданомъ Хмель

[1]) Смотри 9 кн. Отд. II.

[2]) Акты запад. Руси, томъ IV, № 233.

ницкимъ, Іеремія безъ пощады рѣзалъ все русское народонаселеніе въ украинскихъ городахъ и селеніяхъ [1]).

Когда сильные міра оставили и забыли православную вѣру предковъ своихъ, на защиту ея—умомъ и мечемъ возстали люди, не столько значительные въ гражданскомъ обществѣ; сколько непоколебимо твердые религіознымъ своимъ союзомъ. Это, единственныя въ своемъ родѣ, церковно-народныя братства и славное товарищество козацкое, въ юго западной Руси. И эти-то о Христѣ братія и товарищи, болѣе всѣхъ чадъ южно-русской церкви пострадали за вѣру православную во время уніи. Братства, появившіяся (1439 г. въ Львовѣ, 1458 г. въ Вильнѣ) сперва какъ человѣколюбивыя общества съ цѣлію призирать нищихъ своей религіи православной [2]), впослѣдствіи, особенно же во время уніи, возъимѣли ревность защищать вѣру православную, поддерживать добрые нравы въ русскомъ народѣ, помогать въ этомъ дѣлѣ пастырямъ церкви.

Совѣтомъ православныхъ братій предложены и средства къ достиженію благой цѣли истинно христіанскія. «Такъ какъ унія, или лучше сказать раздоръ и смятеніе, произошла отъ своеволія преступныхъ пастырей, отъ неразумія и незнанія народомъ таинъ благочестія; то мы должны дѣйствовать и поступать вопреки тому, чтобы не прійти къ погибели. Пусть не будетъ стыда пастырямъ нашимъ слушать меньшихъ, духовныхъ чадъ своихъ, и отъ нихъ научаться исправленію своихъ погрѣшностей. Для распространенія свѣта вѣры въ православномъ народѣ и для обличенія ересей необходимо въ церквахъ каждый воскресный день и праздникъ проповѣдывать слово Божіе, учреждать по городамъ школы, писать и печатать въ защиту благочестія книги. Внушать всѣмъ православнымъ, терпѣливо сносить обиды, разграбленіе имуществъ, оковы, охотно, мученически принимать всякаго рода смерть, не мстя за себя ни словами, ни проклятіями, ни иными поступками, вѣдая, что вѣра наша кровію утверждена и кровію отъ всѣхъ ересей защищалась» [3]). При этомъ благочестивомъ направле-

---

[1]) Лѣтопись львов. братства подъ г. 1650.

[2]) Пам. кіев. ком. т. 1, отд. 1, № 2-й.

[3]) „Совѣтъ и способъ, какъ сохранять и распространять въ русскомъ народѣ вѣру восточной церкви.“ Пам. кіев. ком. т. 1 отд. 1, № 32. Соборъ 1621 г.

нія братства, особенно кіевское, львовское, виленское и луцкое, «много прославились дѣяніями для блага церкви и всего русскаго народа. Ихъ покровительствомъ, страданіями за вѣру, кровавымъ потомъ и трудами поддерживался чинъ и благолѣпіе церкви и свѣтъ слова Божія» [1]). За эту-то могущественную ревность братствъ по вѣрѣ православной паписты старались вредить братствамъ то клеветою и оболганіемъ, то разбоемъ и грабительствомъ. Враги клеветали: «Патріархи константинопольскіе надавали братствамъ, людямъ простымъ (мірянамъ) церковныя права, которыя принадлежатъ однимъ только епископамъ въ ихъ епархіяхъ» [2]). Но возникшія, по наущенію враговъ, несогласія между епархіальными епископами и членами братства прекращаемы были самими патріархами. Они видѣли въ учрежденіи братствъ возобновленіе матеріальнаго и нравственнаго общенія первенствующей церкви апостольской, когда народу вѣровавшему бѣ сердце и душа едина: и не единъ же кто отъ нихъ бяше нищъ» [3]).

Iезуиты распускали въ народѣ молву, будто въ училищахъ братскихъ преподаются не науки православныя, а лютеранскія, кальвинскія и соцініанскія нововведенія Хотя простодушный народъ рѣдко вѣрилъ этимъ клеветамъ, но иногда подозрѣвалъ въ неправомысліи братскихъ проповѣдниковъ и учителей, доколѣ самъ не имѣлъ возможности увѣриться въ чистотѣ и православіи ихъ ученія [4]). Чаще же всего іезуиты, вооруживъ своихъ учениковъ и буйную молодежъ польскую, нападали разбоемъ на братства, грабили имущество, разоряли типографіи, забирали книги, терзали учащихъ и учащихся, кровію малолѣтнихъ питомцевъ обагряли братскія церкви [5]). У виленскаго братства отнятъ монастырь Свято-троицкій, и не разъ разхищаемо было имущество, особенно типографія уніатскими митрополитами [6]). Члены львовскаго братства, въ продолженіи бо-

---

[1]) Лѣт. львов. брат. подъ годомъ 1708.

[2]) Акты зак. Россіи том. IV. Пресtрога стр. 222.

[3]) Пам. кіев. ком. том. 1 отд. 1 № 7.

[4]) Оп. кіев. соф. собора стр. 174. Апологія школъ кіевскихъ и винницкихъ Сильвестромъ Коссовымъ.

[5]) Протестъ о нападеніи схоластиковъ іезуитскихъ на луцкое братство 1634.

[6]) Истор. рус. церкви т. IV стр. 98.

лѣе двухъ вѣковъ, не могли въ судѣ королевскомъ получить удовлетворенія въ разхищеніи ихъ имущества львовскими поляками и жидами и въ стѣсненіи промышленнаго ихъ права [1]).

Въ смутныя времена Малороссіи кіевское братство не разъ доводимо было до крайняго разоренія польскими своевольными панами и войсками. Вообще братствамъ надобно было имѣть много твердости и ревности, чтобы среди грабежа и насилій не измѣнить святой рѣшимости «трудиться въ дѣлѣ науки православной надъ образованіемъ россійскаго юношества, для поддержанія святой церкви и умноженія хвалы Божіей» [2]). Подкрѣпляемыя сострадательнымъ милосердіемъ людей христолюбивыхъ, и сильныя своимъ священнымъ союзомъ, братства не измѣняли своему высокому назначенію до конца своего существованія, и оставили немаловажные слѣды своей дѣятельности для церкви православной и русской народности [3]).

Въ продолженіе всего своего существованія религіозно-военное товарищество козацкое имѣло въ виду не только защищеніе христіанства отъ невѣрныхъ татаръ и турокъ, но и, по преимуществу, охраненіе православной вѣры и русской народности отъ притязаній римско-католиковъ и польскихъ пановъ. Достиженіе этой послѣдней цѣли стоило немалаго самопожертвованія доблестнымъ воинамъ Малороссіи. А потому, исторія славнаго товарищества козацкаго, особенно во время уніи, представляетъ дивный свитокъ, исписанный кровію именитыхъ ратоборниковъ за цѣлость вѣры православной и Руси святой.

Несправедливые порицатели козачества утверждаютъ, что поляки вовсе не за вѣру православную и не за народность русскую утѣсняли козаковъ и весь народъ русскій, а единственно хотѣли пріучить буйную толпу къ порядку и повиновенію, искоренить своеволіе пагубное для нихъ и для сосѣдей, и—что жестокости надъ козаками преувеличенныя во сто разъ въ разсказахъ малороссійскихъ историковъ, происходили въ отмщеніе

---

1) Лѣт. львов. брат. 1714 г.

2) Памят. кіев. ком. т. 2 отд. 1 № 25. Просительное письмо кіево-братскаго игумена и ректора Варлаама Ясинскаго, о пожертвованіи въ пользу училища и монастыря. 1671 г.

3) О переименованіи львов. братства въ институтъ. 1788 г. Львов. лѣт. подъ тѣмъ же годомъ.

за разоренія, чинимыя козаками въ польскихъ областяхъ [1]). Противъ этого ложнаго взгляда на козаковъ можно сказать слѣдующее въ ихъ оправданіе. Не къ погибели, а къ величію и благоденствію вело Польшу козачество; потому что оно одно только, съ своимъ русскимъ взглядомъ, враждовало противъ губительной польской анархіи и уважало монархическую власть [2]). Преслѣдуя козаковъ будто бы за то, что они раздражаютъ сосѣдей—татаръ, турокъ, паны только прикрывали благовидною причиною другое желаніе,—желаніе поработить всю южную Русь, убить въ ней національное и религіозное самосознаніе, и сдѣлать русскихъ безсмысленными рабами, невольниками [3]). Несправедливо и то, будто козаки грабили Польшу, прежде чѣмъ поляки сами подали поводъ къ непріязненнымъ противъ нихъ дѣйствіямъ. Не ссылаемся въ этомъ на свидѣтельства малороссійскихъ историковъ. Сами польскіе историки единогласно признаютъ, что польское дворянство и латинское духовенство—побудило козаковъ къ вооруженному возстанію. Такъ напримѣръ Грондскій, писатель достовѣрный, знавшій козаковъ по сношеніямъ съ ними,—главнѣйшими причинами козацкаго возмущенія полагаетъ несносные поборы съ народа, тиранство надъ подданными пановъ, и всего болѣе униженіе греческой религіи [4]). Коховскій, вездѣ восхваляющій подвиги своихъ соотечественниковъ противъ козаковъ, и унижающій послѣднихъ, сознается также, что козацкіе мятежи произошли отъ притѣсненія со стороны дворянъ, а въ особенности отъ наглости жидовъ, грабившихъ имущество и ругавшихся надъ вѣрою народа русскаго [5]) Тоже читаемъ въ польской исторіи Рудавска-

---

[1]) Мысли изъ исторіи Малороссіи въ библіот. для чтенія. М сентября 1846 г.

[2]) Богданъ Хмѣльницкій. до слезъ растроганный извѣстіемъ о кончинѣ Владислава, велѣлъ: „по всѣмъ церквамъ править панахиды о душѣ короля, и въ поминальныхъ субботникахъ записать имя Владислава, пострадавшаго правды ради и за народъ благочестивый. Бантышъ К. ист. М. Р. т. 1 стр. 247.

[3]) Универсалъ Хмѣльницкаго 1648 г. 28 мая, ист. Руссовъ стр. 68.

[4]) De bello Cosacopolonico pag. 31—34.

[5]) Ann. Polon. 1—27. Kraj Polski był rajem żydowskim. Statystyka gubernij podolskiéj, przez X. W. Marczyńskiego, t. II, pag. 98.

го, Вагнера, и въ лѣтописи львовскаго каноника Юзефовича [1]:

При такомъ добросовѣстномъ признаніи польскихъ историковъ, для насъ должно имѣть несомнѣнную важность свидѣтельства безпристрастнаго изслѣдователя русской старины въ Польшѣ, Діонисія Зубрицкаго. Онъ справедливо утверждаетъ, что «главною причиною козацкихъ войнъ было своеволіе польскихъ магнатовъ и шляхты въ русскихъ областяхъ, со времени появленія уніи» [2],

Такъ, дѣйствительно, со времени (1596 г.) перваго возстанія гетмана Косинскаго до послѣдней рѣзни гайдамаковъ (1768 г.), въ продолженіи двухъ вѣковъ, не разъ поднималась вся Малороссія отомстить за посмѣяніе правъ своихъ, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за позорное владычество жидовъ на христіанской землѣ, за посрамленіе церквей, за поруганіе вѣры православной. Эта борьба за вѣру и народность русскую, кромѣ ужасовъ обыкновенныхъ войнъ, представила въ Польшѣ зрѣлище безчеловѣчныхъ казней надъ русскими. «Возревновавшіе по благочестію», гетманы малороссійскіе Косинскій, Наливайко, Павлюкъ, Остряница со многими другими народными старшинами, замучены самымъ несправедливымъ, постыднымъ, варварскимъ образомъ. Правдивый лѣтописецъ малороссійскій предвидѣлъ, что «потомство едва ли повѣритъ истинному его повѣтствованію о лютыхъ казняхъ, не разъ повторявшихся въ Варшавѣ и другихъ польско-русскихъ городахъ, надъ старшинами и всѣмъ народомъ русскимъ. Одни изъ страдальцевъ были колесованы, другіе пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи, иные прибиты гвоздями къ доскамъ, облиты смолою, и сожжены медленнымъ огнемъ, еще иные четвертованы по частямъ или разстерзаны желѣзными когтями. Въ глазахъ родителей сожигали дѣтей на угольяхъ и варили въ котлахъ, а потомъ предавали матерей мучительнѣйшей смер-

---

[1]) Истор. Руссовъ, стр. 40. Юзефовичъ такъ выразился: „Nobilitatem se supra homines aestimasse, et cosaccos per arrogantiam oppressisse."

[2]) Kronika M. Lwowa, pr. Dyonisego Zubrickiego. dat. 1648 pag. 293.

ти» [1]). Едва ли язычники болѣе жестоко терзали христіанъ первенствующей церкви. Напрасно король Владиславъ IV и не многіе сановники, просвѣтленные умомъ представляли сеймамъ, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе козаковъ.

Власть короля и умныхъ людей была ничто предъ безпорядкомъ и дерзкой волею государственныхъ магнатовъ, которые своею необдуманностію, непостижимымъ отсутствіемъ всякой дальновидности и ничтожною гордостію, губили отечество. На помощь страждущей вѣрѣ и отчизнѣ возсталъ доблестный Богданъ Хмѣльницкій съ увѣренностію, что «правосудіе Божіе, назирающее дѣла человѣческія, перестало терпѣть лютости и безчеловѣчія, подвигло народъ православный къ оборонѣ вѣры и жизни; его т. е. (Богдана) избрало слабымъ орудіемъ своей воли [2]). Побѣдами Хмѣльницкаго надъ польскими войсками Янъ Казиміръ вынужденъ былъ 1648 г. дать обѣщаніе: «уничтожить навсегда въ землѣ русской унію, какъ возмутившую народы, породившую въ нихъ раздоръ и покрывшую себя христіанскою кровію безъ мѣры» [3]).

Клятвопреступные поляки и не думали объ исполненіи королевскаго обѣщанія. Присоединеніемъ Малороссіи къ Великороссіи Богданъ избавилъ отчизну отъ тяжкихъ страданій за вѣру православную. Прибѣгнувъ подъ защиту русскаго царя, Малороссія должна была, казалось бы, открыть глаза ослѣпленному польскому правительству, и за тѣмъ всякое гоненіе за вѣру въ остальныхъ областяхъ польско-русскихъ должно было бы прекратиться. Къ несчастію было не такъ! Оставшаяся во власти ляховъ, червонная (Галиція) и бѣлая Русь страдали по прежнему, какъ при Казимірѣ, такъ и при его преемникахъ. Жалобы за жалобами присылали православные страдальцы къ русскому двору. Послы наши дѣлали сильныя представленія сеймамъ Польши, чтобы они не нарушали государственныхъ

---

[1]) Истор. Руссовъ, стр. 56, (также) современная лѣтопись польская, изданная въ журналѣ 1837 г. Kwartalnik naukowy въ Краковѣ.

[2]) Письмо Хмѣльницкаго къ королю 1648 г. 11 августа. Исторія Руссовъ, стр. 79.

[3]) Исторія Маркевича, т. 1, стр. 244—249.

договоровъ, особенно же съ 1686 г.—вѣчнаго мира между Россіею и Польшею; обѣщавшихъ другъ другу вѣротерпимость, какъ первое условіе согласія между сосѣдственными государствами. На справедливыя требованія русскихъ посланниковъ сенаторы польскіе обыкновенно отвѣчали: «непристойно никому въ дѣла чужаго государства мѣшаться. Довольно и того для старой русской вѣры, что при коронаціи король присягаетъ изъ—за вѣры никому не дѣлать никакого притѣсненія» [1]). Подобнымъ оправданіемъ польскіе сановники самихъ себя обвиняли не только въ нарушеніи государственныхъ договоровъ съ сосѣдними державами, но и въ преступленіи противъ коренныхъ законовъ своего отечества. Не смотря на то, что современи Петра великаго короли польскіе восходили на престолъ подъ покровительствомъ русскаго двора, православнымъ въ Польшѣ нисколько не легче было прежняго. Не разъ помощь, оказанная Россіею Польшѣ, казалось, болѣе и болѣе ожесточала поляковъ противъ всего православнаго и русскаго. Политики польскіе, и въ числѣ ихъ первый составитель проэкта объ уничтоженіи православной и уніатской вѣры въ польско-русскихъ областяхъ, уже предугадывали, что «Русь, оставленная при своихъ обрядахъ, по причинѣ единовѣрія съ Москвою, можетъ нѣкогда возвратиться подъ ея покровительство, и тогда угрожаетъ Польшѣ погибель. Если же поляки успѣютъ превратить руссиновъ въ римско-католиковъ, то этимъ самымъ отъ Москвы отнимутъ надежду на присоединеніе къ ней Руси. Русь даже станетъ первымъ врагомъ Москвы, если соединится съ поляками религіознымъ союзомъ» [2]). Вслѣдствіе этого убѣжденія польское правительство усилило свои старанія распространять не столько унію, сколько самое латинство, и вмѣстѣ съ тѣмъ приняло еще болѣе жестокія мѣры противъ православныхъ. Сеймы съ 1717, 1733 и 1747 годовъ возобновили опредѣленія сеймовъ 1597, 1634 и 1637 г. Постановленіями всѣхъ этихъ сеймовъ народъ русскій провозглашаемъ былъ отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтующимъ и потому осужденнымъ на всемѣр-

---

[1]) Истор. уніи стр. 144. Истор. Маркевича, т. I, стр. 195.

[2]) Пунктъ проэкта объ уничтоженіи русской вѣры. Supplement. ced. H. Rus. Monumenta № LXXXI pag. 221.

ное преслѣдованіе и истребленіе [1]). Украйна и Бѣлоруссія названы странами невѣрныхъ (partes infidelium); туда отправлялись толпы базиліанъ и доминиканцевъ въ видѣ миссіонеровъ [2]). Военные и гражданскіе начальники должны были вспомоществовать этимъ проповѣдникамъ. Имъ дана была власть все то дѣлать русскому народу, что сами они захотятъ и придумаютъ. Когда же гражданское правительство объявило такую вражду противъ православія; то фанатизмъ для каждаго сталъ дѣломъ законнымъ: грабительства, насилія, побои, мучительства и убійства всякаго рода превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Этими жестокостями надъ православнымъ народомъ, еще въ первой половинѣ 18 вѣка, польско-русскія области приведены были въ крайнее разореніе и изнеможеніе. Никто изъ православныхъ не зналъ, кому принадлежитъ его имѣніе, семейство и самая жизнь, и долго ли она продлится. Гдѣ искать было бѣднымъ страдальцамъ защиты, когда «вѣра вмѣнялась имъ въ преступленіе,» изъ-за вѣры они осуждены были на раны, на мечь, на огонь [3]).

Наши страстотерпцы, подобно первымъ христіанамъ, во время гоненій, искали утѣшенія у гробовъ предковъ своихъ, также мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру православную. Случалось, что несчастные, понуждаемые къ уніи, не имѣя нигдѣ защиты, съ воплемъ и рыданіемъ бѣжали па кладбище, и обнимая холодныя могилы сродниковъ, взывали: «блаженны вы умершіи во благочестіи» [4]). Такъ, одно святое упованіе, что страданія за вѣру на небесахъ вознаграждаются вѣнцемъ мученическимъ, укрѣпляло православныхъ въ терпѣніи до конца.

И вотъ милосердіе Божіе подвигло русскую державу отереть слезы несчастныхъ единовѣрцевъ. Сердцемъ и устами утѣшенные страдальцы благословляли Господа Бога, сотворившаго избавленіе людямъ своимъ. Добрый пастырь избавленной паствѣ говорилъ: «въ восторгѣ недоумѣваемъ, сонъ ли се сладкій намъ, или истинное событіе, вѣками желанное, но никогда не

---

1) Ист. руссовъ стр. 40. Ист. рус. церкви т. V стр. 94,
2) Истор. уніи стр. 313, 410.
3) Рѣчь Конискаго Станиславу Августу.
4) Исторія уніи стр. 451.

чаянное.» Народъ избавленный не забудетъ своей спасительницы [1]).

Такъ, религіознымъ союзомъ, уніею, вѣрою римско-католическою поляки думали упрочить свою власть надъ русскимъ народомъ; и средствами не только не христіанскими, но даже безчеловѣчными стали приводить въ исполненіе эту политическую цѣль—стремленіе къ преобладанію, несогласное съ духомъ христіанства и правомъ человѣчества. Иновѣрные преобладатели (по справедливому выраженію нашего народа, недовѣрки—католики) стали вѣроломными губителями добраго и долготерпѣливаго народа русскаго, который, бывъ свободенъ, какъ и они, дружелюбно соединился съ ними для отраженія общихъ враговъ христіанства—татаръ, турокъ,—и который въ нѣсколько вѣковъ много своей крови пролилъ за Польшу. Клятвопреступники, не разъ издѣвавшіеся надъ правомъ народнымъ, душегубцы, безпощадно губившіе знаменитыхъ сыновъ Малороссіи, изувѣры, опьянѣлые кровію страдальцевъ за вѣру,—они, по допущенію Божію, пришли въ неискусенъ умъ, обезумѣли, и все дѣлали не по человѣчески.

Какая же темная, злая сила побуждала польскую анархію такъ расточительно губить силы своего народа въ преслѣдованіяхъ за вѣру, и съ такою поспѣшностію копать могилу своему отечеству? Не трудно отыскать главную причину ложной и кровавой политики польской въ отношеніи къ православнымъ, если обратить вниманіе на разрушительное вліяніе на Польшу римскаго двора. Давнее правило римской іерархіи—«повиноваться только единственному на землѣ обладателю папѣ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы онъ требовалъ нарушенія коренныхъ законовъ государства» [2])—въ Польшѣ анархической исполнялось самымъ точнымъ образомъ. Римскій дворъ, обыкновенно, только и заботился о томъ, чтобы на развалинахъ власти гражданской утверждать свое могущество [3]) Умный политикъ, предсказывая гибель Польшѣ отъ междоусобной брани изъ-за уніи, въ обращеніи къ сенаторамъ польскимъ, говоритъ: «посмо-

---

[1]) Рѣчь Кониcкаго по случаю присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи, сочинен. его т. 1. стр. 290.

[2]) Hist. Sesuitica per. Lud. Lucinm. cap. VIII.

[3]) Кромѣ Польши,—доказательство тому Испанія.

трите, кто замышляетъ эту гнилую и погибельную унію? Увидите въ этомъ сонмѣ отчасти жителей здѣшнихъ, которые не имѣютъ ни женъ, ни дѣтей, и потому они не сожалѣютъ о несчастіи отечества; а еще болѣе въ этомъ нечестивомъ совѣтѣ—людей иностранныхъ, которые, по природному равнодушію ко всему чужему и по жаждѣ преобладанія въ чужихъ странахъ, рады будутъ неустройству нашего отечества, и не приминутъ воспользоваться этимъ случаемъ для своихъ видовъ» [1]). И нельзя было не видѣть самыхъ злонамѣренныхъ враговъ отечества въ лицѣ каждаго польскаго ксендза и бискупа, а тѣмъ болѣе въ лицѣ каждаго нунція и самаго папы. Въ подтвержденіе этого довольно указать на нѣсколько событій изъ исторіи уніи. Такъ 1624 г. 10 февраля, папа Урбанъ VIII буллою убѣждалъ короля Сигизмунда III стереть съ лица земли ненавистную гидру—племя козацкое, угрожающее будто опустошеніемъ вселенской римской церкви. Папа (между прочимъ) такъ взывалъ: «Враждебная римско-католической вѣрѣ схизматическая ересь (православіе),—это чудовищное смѣшеніе нечестивыхъ догматовъ,—дѣло сатаны,—къ несчастію нашему, защищается нынѣ вооруженною силою лютѣйшихъ варваровъ—козаковъ. Возстань царь, въ цѣломъ мірѣ сильнѣйшій ненавистію къ нечестивымъ, и, такъ какъ этого требуетъ общее спасеніе, мечемъ и огнемъ очисти землю русскую отъ разлившейся по ней пагубы схизматической. Если ты со всевозможнымъ усердіемъ позаботишся объ искорененіи схизмы, тогда русская унія, осѣняемая Св. Духомъ и благословляемая Намѣстникомъ Христовымъ, можетъ подъ твоею защитою вознести къ небу благодатную главу» [2]). Не одно подобное сему дѣлали папы возваніе правительству польскому [3]), и всегда убѣждали королей, бискуповъ и магнатовъ польскихъ поддерживать унію и распространять тѣми же

---

[1]) Апокризисъ, или отвѣтъ на соборъ брестскій, соч. Христофора Филарета—статья послѣдняя.

[2]) Supplem. ad. Hist. Rus. Monumenta № 193 pag. 480.

[3]) Извѣстнѣйшія въ этомъ родѣ буллы: о наказаніи убійцъ Кунцевича, помѣщенныя въ томъ же изданіи актовъ, подъ № CXCIV, CXCV, CXCVI.

средствами, которыми она и насаждена была [1]). И могъ ли не исполнять подобнаго папскаго воззванія Сигизмундъ III, прозванный королемъ миссіонеромъ [2]), или сынъ его Янъ Казиміръ король, кардиналъ іезуитъ? И что удивительнаго, если по тайному наставленію папъ латинское духовенство въ Польшѣ разрѣшало и благословляло нарушеніе государственныхъ договоровъ съ народомъ русскимъ, съ схизматиками, ненавистными самому Богу. Эти же сами фанатики при торжественныхъ церковныхъ церемоніяхъ казнили бѣдныхъ страдальцевъ за вѣру, какъ и инквизиція [3]). Мало того, изувѣры подносили своимъ военачальникамъ освященныя сабли: «то на поганство, на Русь, бы ихъ выкорженяць» (истреблять) [4]), и для воодушевленія воиновъ составляли молитвы въ родѣ слѣдующей: «Боже благій! не помогай ни намъ, ни козакамъ, будь только зрителемъ, и Ты съ удовольствіемъ увидишь какъ мы ихъ накажемъ» [5]). Когда короли, въ крайней опасности отъ козаковъ, или по требованію иностранныхъ дворовъ, издавали какія либо постановленія въ пользу православія, то епископы латинскіе, занимая первыя государственныя должности, никогда не допускали сейма исполнить какой нибудь договоръ съ православными. Даже въ то время, когда оставалось единственное средство поддержать падающее государство уступкою свободнаго вѣроисповѣданія диссидентамъ, бискупы (Солтыкъ и Красинскій) соглашались лучше видѣть гибель отечества, нежели уступить въ своихъ фанатическихъ требованіяхъ [6]). Самое возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію (1772—1839) доказываетъ, что унія могла держаться только тягостнымъ вліяніемъ польскаго анархическаго правительства и римскаго духовенства на уніатовъ. Подъ благодѣтельнымъ кровомъ русской державы уніаты не замедлили

---

1) Въ одинъ день, 30 окт. 1643 г. 23 письма папы, королю, духовенству и дворянству въ Польшѣ о распространеніи уніи. Monum. Hist. Rus. t. II p. 209—221. Listy Rzymskie, w interesie Unii. Ист. рус. цер. т. V, стр. 94.

2) Польск. истор. Павлищева, стр. 169, § 125.

3) Истор. руссовъ, стр. 55. Описаніе казни гетмана Өстряницы.

4) Истор. русск. церкви, т. IV, стр. 87.

5) Истор. Малорос. Маркевича, т. 1, ст. 195.

6) Истор. русской церкви, т. V, стр. 102—103.

отвергнуть неестественное единеніе съ церковію западною, которая привлекла ихъ было къ себѣ обманомъ и насиліемъ.

И такъ, унія привела русскій народъ совершенно не къ той цѣли, какую предполагали себѣ Польша и папы. Юго-западная Русь, по допущенію Божію, испытанная въ страданіяхъ за Вѣру, еще болѣе полюбила родное свое православіе и еще тѣснѣе соединилась съ восточною Россіею подъ одну державу Всероссійскую. Возблагоговѣемъ предъ промысломъ Божіимъ, направляющимъ и самыя несчастія къ нашему благу!

А—скій.

ОТНОШЕНІЕ

древне-русскаго общества къ церкви въ періодъ до—монгольскій.

(Окончаніе).

Въ слѣдствіе того, что церковь въ Руси стала въ самое близкое соприкосновеніе съ обществомъ, князья и народъ не могли не принять еще участія и въ живыхъ ея членахъ, служителяхъ церкви. Избраніе іерархіи, ея судьба, такое или иное положеніе—все это много зависило отъ того общества, въ которомъ и среди котораго жило духовенство, вошедшее въ полный составъ его.

Духовенство было новымъ явленіемъ, новымъ классомъ въ русскомъ обществѣ. А потому, для опредѣленія его положенія, весьма важно то, на какомъ оно началѣ на первыхъ порахъ станетъ въ обществѣ. Судьба духовенства тѣсно связывается съ судьбою храма, она не разлучна съ нимъ. По свидѣтельству г. Лешкова [1]), почти до половины XII вѣка, церкви у насъ не владѣли землями и содержались на жалованьи тѣми, кто строилъ ихъ. Значитъ, и самое духовенство раздѣляло эту же участь, оно также, вмѣстѣ съ церквами, или отъ самой церкви, получало себѣ содержаніе. Слѣдовательно, духовенство въ государствѣ русскомъ было тогда ни что иное, какъ нравственно—служилое сословіе, содержимое на жалованьи лицами государ-

---

[1]) Рус. народъ и государство, 284 стран. „До половины 12-го вѣка, говоритъ ученый изслѣдователь въ своемъ сочиненіи, князья, желавшіе надѣлить владыку и монастырь, уступали имъ часть своихъ доходовъ—именно десятину, по церковнымъ уставамъ, а не земли и поземельныя владѣнія.“

ственными, оно было ни что иное, какъ тѣже служилые люди въ тогдашней государственной жизни, потому что содержались также на жалованьи у тѣхъ, кому они служили. Равняясь съ ними въ содержаніи, духовенство конечно должно было равняться и въ той зависимости отъ того, кому оно служило, и отъ котораго получало за это десятину, жалованье и проч. Дальше, такъ какъ служилые люди возвышались въ дрр. Россіи въ своемъ значеніи, смотря по тому, кому они служили, то эту же форму можно приложить и къ духовенству,—какъ нравственно-служащему классу въ обществѣ; вел. князь имѣетъ въ своей области митрополита, удѣльный—епископа, общины довольствуются низшею степенью церковной іерархіи—іереями и проч. Служилые люди вполнѣ зависѣли въ своей должности отъ того, кому они служили; онъ могъ смотрѣть за ихъ точнымъ исполненіемъ своей обязанности, въ правѣ былъ удалить служилаго человѣка отъ себя и на мѣсто его избрать другаго,—болѣе или менѣе, это же можно приложить и къ духовенству. А поэтому іерархія церковная является уже какъ государственное сословіе, которое должно принаравливаться къ формамъ государства.

Первое лице въ государствѣ былъ вел. князь, возлѣ же него стоитъ и первое лице въ іерархіи—митрополитъ. Это были два центра, двѣ высшія власти въ государствѣ. Въ своемъ развѣтвленіи, обѣ эти линіи должны были быть параллельны, и если раздѣлялся одинъ пунктъ, то на столько же дѣлился и другой. Владиміръ раздѣляетъ все государство на удѣлы между своими сыновьями. Это же раздѣленіе государства, въ гражданскомъ отношеніи, должно было повести и къ раздѣленію въ церковно-іерархическомъ. «Авторъ Степенной Книги разсказываетъ, что равноапостольный князь Владиміръ совѣщалъ предварительно благій совѣтъ съ митрополитомъ Леонтіемъ, ежели бы раздѣлити ему всю землю русскую въ наслѣдіе сынамъ своимъ и устроити во градѣхъ епископы во исполненіе благочестія» [1]). Слѣдовательно явленіе новыхъ эпархій и уничтоженіе ихъ вполнѣ зависѣло отъ судьбы княжества; возникаетъ удѣльное княжество смоленское, и Ростиславъ, князь его, основываетъ у себя эпархію. А потому зависимость эпар-

[1]) Степ. кн. 1, 153.

хіальная въ то время была случайная, опредѣлявшаяся гражданскими связями. Отъ черниговской, напр., эпархіи зависѣла рязанская, потому что Рязань была область черниговскихъ князей, но впослѣдствіи епархія рязанская стала самостоятельною. Такимъ же образомъ смоленская до Ростислава зависѣла отъ переяславской. Общій характеръ тогдашнихъ княжествъ—это ихъ подвижность и этотъ же характеръ долженъ былъ быть и въ эпархіяхъ. Такъ, эпархіи юрьевская и бѣлгородская передвигаются съ передвиженіемъ княжествъ. Съ уничтоженіемъ княжества уничтожалась и эпархія, съ паденіемъ Тмурокани—пала и эпархія. Такимъ образомъ палъ епископъ, такъ и эпархія его вполнѣ зависила отъ судьбы князя удѣльнаго и его княжества. Даже степень и значеніе княжества необходимо вели за собою возвышеніе епископа и его епархіи. Такъ Андрей Боголюбскій основываетъ вел. княжество володимерское, но для этого ему еще не доставало одного условія,—въ новомъ великомъ княжествѣ былъ епископъ, а не митрополитъ. И вотъ онъ посылаетъ въ Царьградъ грамоту къ патріарху, въ которой проситъ благословенія на возведеніе его епископа Ѳеодора въ санъ митрополита. Извѣстно, что патріархи устрашились раздѣленія русской церкви и отказали Боголюбскому, который тотъ часъ же и согласился съ цареградскими патріархами, но не согласился отказаться отъ лестнаго повышенія. «Льстивый и пронырливый Ѳеодоръ,» какъ называетъ его лѣтописецъ, «не «восхотѣ благословенія, удалися отъ него, и тако и сый не«честивый не восхотѣ послушати христолюбиваго князя Андрея, «велящу ему идти ставитися на митрополиту Кіеву» [1]) и вѣроятно самовольно или же обманомъ достигъ сана митрополичьяго, какъ полагаетъ г. Соловьевъ [2]), за что и былъ обвиненъ всякими винами и проч. [3]).

Что касается до общинъ, то, съ созданіемъ церквей, и они получили особую организацію. Въ городахъ явились посады, рядки, среди которыхъ красовались церкви то «Николая чудотворца, деревянная вверхъ,» то «Ѳеодора Гирона,» то «Пречис-

[1]) Ипат. Л. стр. 109—110.

[2]) Чт. въ Им. об. ист. и др. Рос. при М. ун. 1847 г. № 6 12 стр.

[3]) Ипат. Л. ст. 109—110.

тыя Богородицы» и проч. Внѣ города общины формировались въ приходы—въ села съ церквами, которыя тянули къ себѣ для содержанія причта: деревни, починки, займища и сельца. И здѣсь судьба причта при церкви тѣсно была сопряжена съ судьбою посада и села, съ уничтоженіемъ ихъ, уничтожался и причтъ.

Теперь мы посмотримъ, какое участіе принимали князья и народъ въ замѣщеніи мѣстъ при своихъ церквахъ лицами духовными, и, прежде всего, участіе вел. князя въ избраніи митрополита, удѣльныхъ—епископа, и наконецъ участіе народа въ избраніи себѣ причта.

Какъ извѣстно, митрополиты русскіе сначала поставлялись и присылались изъ Византіи. Для церкви русской—юной, еще не окрѣпшей въ силахъ христіанскаго просвѣщенія, это подчиненіе церкви византійской, вѣками утвердившейся въ Хр. истинахъ, было необходимо и спасительно. Не будь этого руководства первой послѣднею, русская церковь на первыхъ порахъ могла бы не устояться въ чистотѣ вѣры и ученія Христова, а потому пастыри изъ Византіи необходимы были для древней Руси на столько, на сколько необходимы отцы и наставники для дѣтей. По крайнѣй мѣрѣ до Ярослава наши князья съ любовію и охотно принимаютъ руководителей для земли русской—митрополитовъ греческихъ. Но при Ярославѣ общество до того уже возросло и возмужало въ новой вѣрѣ, что у в. к. Ярослава явилась мысль изъ среды русскихъ избрать себѣ высшаго іерарха. И вотъ, при удобномъ случаѣ, когда и сама Византія (около трехъ лѣтъ) медлила присылкою новаго митрополита, по смерти прежняго, Ярославъ рѣшается ввести въ Руси новый образъ избранія митрополита—соборомъ русскихъ епископовъ [1]).

[1]) Сказанія же позднѣйшихъ лѣтописей къ этому еще добавляютъ, что причиною избранія Иларіона въ митрополиты Руси Ярославомъ, помимо Греціи, было неудовольствіе вел. князя Ярослава на грековъ за ихъ жестокость и вѣроломство, съ какимъ они во время войны схватили и ослѣпили восемьсотъ нашихъ русскихъ плѣнныхъ, и въ томъ числѣ любимаго Ярославомъ воеводу Вышата. Лѣт. Ник. I. 139. Тат. II. 110. Изд. 2 Карамз. 30—33. Пол. собр. рус. лѣт. I, 66—67.

Самъ же онъ выбираетъ для этого лице, достойное занять это мѣсто—Иларіона священника на Берестовѣ;—высокія черты нравственности и ораторскія способности его Ярославъ зналъ лично и этотъ выборъ такъ былъ удаченъ, что, какъ выражается лѣтописецъ, «самъ Богъ вложи князю въ серце поставить Иларіона митрополитомъ» [1]). Этотъ примѣръ попытки къ независимости рус. церкви отъ византійской, съ участіемъ вел. князя, видѣли въ другой разъ въ Изяславѣ, который въ 1147 г. вздумалъ было возобновить поступокъ старшаго брата своего Ярослава—поставивъ митрополитомъ одного изъ русскихъ, соборомъ русскихъ же епископовъ. Мы прослѣдимъ исторію этого факта, въ которомъ ясно видно на сколько здѣсь играла личная воля князей великихъ. Митрополитъ Михаилъ II-й удаляется въ Грецію, на его мѣсто в к. Изяславъ избираетъ Клима изъ Смоленска, который славился философомъ и книжникомъ и такимъ «якоже въ русской землѣ и не бяшетъ» [2]) Созванъ былъ соборъ изъ 7-ми епископовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были согласны съ вел. княземъ и Онуфрій епис. черниговскій говорилъ на соборѣ: «азъ свѣде, яко достоитъ съшедшеся епископомъ митрополита поставить» [3]). Остальные же, руководимые Нифонтомъ епис. новгородскимъ, отвѣчали, что «не есть того «въ законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патрі- «арха» [4]). И вотъ Онуфрій предлагаетъ средство для примиренія: «достоитъ ны поставити, а глава у насъ есть св. Кли- «ментъ, яко же ставятъ греци рукою св. Ивана» [5]). Партія національная согласилась на это, но не согласилась на это партія греческая, представителемъ которой былъ Нифонтъ съ своими приверженцами, за что и терпѣлъ различныя гоненія отъ вел. князя. Такимъ образомъ здѣсь партія русскихъ епископовъ восторжествовала надъ греческою—Климъ былъ рукоположенъ. Но эту вторичную попытку къ независимости русской церкви отъ греческой не могли понять слѣдующіе за тѣмъ вел. князья. По смерти Изяслава, Юрій Долгорукій получаетъ старшинство

---

1) Пол. собр. Р. Л. I, 67 стр.
2) Ип. Л. 30, 79.
3) Jbid.
4) Jbid.
5) Jbid.

и призываетъ новаго митрополита изъ Царьграда Константина, низвергши Клима. Новый митрополитъ проклинаетъ покойнаго вел. князя Изяслава вѣроятно за то, что тотъ, поставленіемъ Клима, много времени задерживалъ его въ Царьградѣ, но Константинъ конечно не предвидѣлъ того, что патронъ его—Юрій Долгорукій не могъ вѣчно сидѣть на великокняжескомъ столѣ. Послѣ смерти Долгорукаго, сынъ Изяслава, Мстиславъ посадилъ на кіевскомъ вел.-княжескомъ столѣ дядю своего Ростислава и требовалъ немедленнаго сверженія митрополита Константина за то, что тотъ клялъ его отца, и хотѣлъ возвести Клима. Но съ своей стороны Ростиславъ не хотѣлъ возстановить и Клима, по его понятію неправильно посвященнаго, и порѣшили—обоихъ митрополитовъ оставить въ покоѣ, и послали за третьимъ въ Царьградъ [1]) Какъ эта воля вел. князей въ пріемѣ отъ Царьграда митрополитовъ была сильна, это видно еще изъ примѣра Ростислава Мстиславича, который въ 1164 г. воротилъ назадъ митрополита Іоанна присланнаго изъ Царьграда безъ его воли, и большаго труда стоило императору убѣдить Ростислава принять этого Іоанна, есть свидѣтельство въ сводѣ лѣтописей Татищева, что вел. князь отвѣчалъ императорскому послу: «если патріархъ безъ нашего вѣдома поставитъ впредь митро-«полита въ Русь, то не только не приму его, но и законъ «сдѣлаемъ вѣчный избирать и ставить митрополита, изъ епис-«коповъ русскихъ съ повелѣнія вел. князей [2]).

Какое участіе принимали вел. князья въ избраніи себѣ митрополита, точно такое же участіе принимали и удѣльные князья въ избраніи себѣ епископовъ. При неопредѣленности отношеній князей къ народу, мы не можемъ сказать здѣсь, на сколько избраніе епископа принадлежало князю. и на сколько народу. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ власть князя была сильнѣе голоса народа, избраніе епископа принадлежало князю: «преставися епископъ бѣлгородскій Максимъ, Рюрикъ же въ него «мѣсто постави епископомъ отца своего духовнаго, игумена св. «Михаила, Андрѣяна Выдобычинскаго [3]). Въ 1190 г. князь владимірскій Всеволодъ отсылаетъ въ Кіевъ къ митрополиту

[1]) Ипат. лѣт. 86 стр.
[2]) Татищ. III. 142.
[3]) Ип. л, стр. 138. Ник. II, 363.

для рукоположенія отца своего духовнаго Іоанна. Князь Юрій Всеволодовичъ такимъ же образомъ отсылаетъ въ Кіевъ игумена ростовскаго монастыря Симеона для рукоположенія въ епископа суздальскаго и владимірскаго. Нельзя не замѣтить участія даже княгини въ избраніи игумена печерскаго Θеоктиста, въ епископа черниговскаго потому, что лѣтописецъ прибавляетъ: «радъ бѣ князь Давидъ и княгиня: бѣ бо отецъ ей духовный» [1]). Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ власть князя не перевѣшивала власти народа, избраніе совершалось вмѣстѣ. Такъ напримѣръ когда въ 1183 г. митрополитъ Никифоръ поставилъ въ Ростовъ епископомъ грека Николая, то Всеволодъ III-й не принялъ его, и послалъ сказать митрополиту «не избраше сего людье земли «нашей, ниже еси поставилъ ино какъ тебѣ годно, тамо и «держи, а мнѣ постави Луку смиреннаго духомъ и кроткаго, «игумена спаскаго монастыря на Берестовѣ» [2]). Митрополитъ сперва было отказался поставить Луку, но потомъ принужденъ былъ уступить. «Но не волею великаго Всеволода поставиша «Луку въ суждальскую землю» [3]). Вообще въ этомъ случаѣ воля князя и народа совпадали вмѣстѣ «но его же Богъ по«зоветъ и князь хощетъ и людіе» [4]). Но тамъ, гдѣ власть народа была сильнѣе власти князя, тамъ вече играло главную роль въ избраніи себѣ епископа—въ особенности это было въ Новгородѣ. Тамъ, чтобы избрать на мѣсто Нифонта новаго епископа въ Новгородѣ, весь народъ, князь Мстиславъ Георгіевичъ, весь клиръ св. Софіи, всѣ городскіе священники, игумены и чернецы составляютъ земскій соборъ и общимъ голосомъ выбираютъ черноризца Аркадія, выводятъ его изъ монастыря отъ св. Богородицы, «и введоша и поручиша епископію «во дворѣ св. Софіи, дондеже придетъ митрополитъ въ Русь «и тогда пойдоша ставитися» [5]). Въ 1191 г. умираетъ новгородскій епископъ Гавріилъ. На соборѣ вмѣстѣ съ игуменами и попами опять является народъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ. На этотъ разъ избраніе долго не могло состояться, одни

---

[1]). Ипат. лѣт. 3.
[2]) Ип. л. 127 стр. Воскр. II, 108.
[3]) Тамъ же.
[4]) Jbid.
[5]) Пол. соб. р. лѣт. III. 12.

хотѣли избрать Митрофана, другіе Мартурія, а иные какого то Гречанина; чтобы рѣшить споръ, обратились къ жребію «и «бысть распря между ними (новгородцами) и положиша на свя«тѣй трапезѣ три жребія, и послаша съ вѣча слѣпца, да ко«его же намъ Богъ даетъ, и выняся Божіею благодатію Мар«турія и послаша по него и привезоша его изъ Руси и поса«диша во дворѣ св. Софіи [1]). Точно такая же исторія произошла и при избраніи Спиридона.

Низшая степень цер. іерархіи—іереи, діаконы и причетники, какъ нравственно служилыя лица по преимуществу у общинъ, въ своемъ избраніи также много зависили отъ тѣхъ, на содержаніи которыхъ они были. Епископъ только посвящалъ и рукополагалъ избраннаго общиною въ извѣстную должность при церкви. По правиламъ митрополита Кирилла въ 1274 г. требовались при этомъ слѣдующія условія: 1) раба во священство не привести, аще не прежде господинъ отпуститъ его предъ многи послухи (свидѣтелями) съ грамотою, 2) епископы да испытуютъ избранныхъ народомъ на священство по тонку, аще житіе ихъ чисто и 3) аще грамоту добре свѣдятъ [2]). Тоже самое впослѣдствіи подтверждаетъ и Никонъ въ своихъ правилахъ, при избраніи народомъ причта церковнаго, онъ требуетъ, чтобы, при избраніи посадскіе люди или же въ волостехъ волостные люди выборы бо и челобитныя за руками приносили. Выборы писали бъ, чтобъ онъ грамотѣ умѣлъ, и смиренъ и церковному правилу искусенъ и отъ божественныхъ книгъ сказателенъ, и не пьяница, и не зерщикъ, и не тать и не разбойникъ и проч. [3]).«

Такимъ образомъ князья и народъ имѣли больше вліянія при избраніи и замѣщеніи церковныхъ іерархическихъ должностей. Изъ рѣзкаго отвѣта Всеволода III-го митрополиту кіевскому: »не хочу твоего грека Николая, ты его тамъ у себя гдѣ хочешь держи, и мнѣ постави сюда Луку смиреннаго духомъ и кроткаго,« видно, как трудно было митрополиту идти противъ воли князей и сдѣлать что либо противъ ихъ желанія въ избраніи епископовъ. Участіе князей и народа въ дѣлахъ іе-

---

[1]) Новг. л. 21 стр.
[2]) Рус. достоп. I, 107, 110.
[3]) Авт. Жен. т. 4, № 331.

рархіи не ограничивалось однимъ только избраніемъ на іерархическія степени; и послѣ избранія, въ случаѣ неудовольствія, размолвки съ избранными лицами, они часто произвольно выгоняютъ ихъ изъ своей области и даже полагаютъ иногда прямое наказаніе. Въ 1168 г. черниговскій князь Святославъ, изгоняетъ своего епископа Антонія за то, что онъ слишкомъ настаивалъ на постъ въ среду и пятокъ во время господскихъ праздниковъ, кромѣ Рождества Христова и Богоявленія [1]). Ростовцы въ 1157 г. изгоняютъ изъ своей области епископа Нестора по той же причинѣ, и не смотря на признаніе его невинности митрополитомъ кіевскимъ Θеодоромъ, даже царе-градскимъ патріархомъ, онъ навсегда долженъ былъ оставить Ростовъ [2]). Тѣже ростовцы выгнали другаго своего епископа Леона, который однако былъ возвращенъ Андреемъ Боголюбскимъ и снова чрезъ 4 мѣсяца былъ выгнанъ по слѣдующей причинѣ: «и нача просити у него (Андрей у Леона), отъ Во«скресенія Христова до всѣхъ святыхъ ѣсти мяса въ среду и «пятокъ: епископъ же повелѣлъ ему одну недѣлю троицыну «ѣсти мяса въ среду и пятокъ, а прочіи добрѣ хранити, онъ «же (Андрей) про ту вину погна его изъ своей земли» [3]). Этотъ епископъ до трехъ разъ былъ изгоняемъ и возвращаемъ. Причина этому по лѣтописцу та, что Леонъ хотѣлъ уничтожить власть земства въ дѣлахъ церкви, хотѣлъ «самовластецъ быти въ земли русской» [4]). Но въ особенности сила народной воли въ судьбѣ іерархіи видна въ Новгородѣ. Не смотря на все благоговѣніе новгородцевъ къ святительскому сану, не смотря на то, что вѣче и народъ не иначе называли себя, какъ дѣтьми епископа, эти же дѣти иногда безъ всякаго суда, самовольно, смѣняли своихъ отцевъ, изгоняли, прощали и опять возводили ихъ на прежнія каѳедры. Раздѣлявшійся на партіи народъ новгородскій, при избраніи епископа, не умолкалъ и по избраніи его. Партія, не успѣвшая во время самаго избранія, успѣвала послѣ, и на епископскій столъ сажала своего кліента, приказывая поставленному другой стороной—или идти куда онъ

[1]) Пол. соб. Р. Л. 151.
[2]) Ник. Л. II, 161, 178.
[3]) Ипат. Л. 91 стр.
[4]) Пол. собр. рус. лѣт. I, 149, 150. Ник. II, 177.

хочетъ, или же прямо заточая его въ монастырь. Заключивъ въ Торопцѣ Митрофана въ 1212 г. новгородцы избираютъ себѣ на его мѣсто Антонія, черноризца хутынскаго. Но Митрофанъ, обнадеживаемый своими приверженцами, опять является въ Новгородѣ, и снова попадаетъ въ заключеніе въ благовѣщенскій монастырь. Когда Антоній выѣхалъ въ Торжокъ, приверженцы Митрофана оказываются довольно сильными, вызываютъ своего кліента изъ заточенія и возвращаютъ ему прежнее мѣсто. Антоній при возвращеніи получаетъ отвѣтъ отъ новгородцевъ: идти куда ему угодно, но только не въ Новгородъ. Но и Антоній, по примѣру Митрофана, является въ Новгородѣ и выжидаетъ перемѣны въ народѣ въ свою пользу. Чтобы избѣгнуть борьбы партій, новгородцы отдаютъ ихъ дѣло на рѣшеніе митрополита, который оставилъ въ Новгородѣ Митрофана, а Антонію далъ перемышльскую епархію. Со смертію Митрофана въ 1223 г. борьба партій снова возгорѣлась. Новгородцы сперва избираютъ себѣ епископомъ хутынскаго черноризца Арсенія, но чрезъ два года отказываютъ ему, и призываютъ бывшаго Антонія. Но Антоній въ 1228 г лишается языка и каѳедру снова занимаетъ Арсеній, впрочемъ, не на долго. Безпрерывные дожди произвели наводненіе и истребили этимъ новгородскія поля. Народъ приходитъ въ волненіе, возстаетъ на Арсенія, созываетъ вѣче и на немъ рѣшаетъ: что вина всѣхъ бѣдствій народныхъ Арсеній, потому что онъ выпроводилъ Антонія въ Хутынъ, и самъ несправедливо занялъ владычній престолъ, подкупивъ князя. Голодный, взволнованный и раздраженный общественнымъ бѣдствіемъ суевѣрный народъ съ шумомъ вломился въ архіерейскій домъ «и аки злодѣя, пьхающе за воротъ, «выгнаша, малѣ бо Богъ ублюде отъ смерти» [1]).

Если князья и народъ относились такимъ образомъ къ духовенству, какъ къ нравственно должностнымъ лицамъ, то само собою понятно, что они по своему произволу давали имъ и содержаніе, они смотрѣли, чтобы епископъ или пресвитеръ не могъ лишняго брать изъ церковной суммы—десятинъ, для чего Святославъ, какъ сказано выше, и далъ опредѣленное жалованье епископу; заключали условія—за что за какую сумму

[1]) Новг. перв. лѣтоп. стр. 44.

долженъ служить епископъ или пресвитеръ, даже при какихъ церквахъ, что и когда, все это видно изъ грамотъ Всеволода Ростиславича о братчинѣ и изъ сохранившейся записи попа Ильинскаго Кирила Яковлевича, данной на себя старостамъ таврентской волости, гдѣ даже упоминается при какихъ церквахъ, какія службы онъ долженъ служить. «Се азъ ильинскій «попъ Кирило сынъ Яковлевъ далъ есми на себя запись ста«ростамъ таврентскіе волости Климу Иванову сыну Клобокову «да и всему православью таврентскаго прихода: что мнѣ попу «Кирилу у св. славнаго Ильи пророка и у Егорья лись Вла«дывни праздники или же воскресеньемъ вечерню заутреню и «часы пѣти по вся дни и проч ... а на свое дѣло, коли отъ«ѣздка придетъ, ино безъ мірскаго вѣдома не отъѣжати, а «руга ему и всякіе доходы брати по старому какъ прежде «бывало, и въ томъ имъ на себя запись даю.» Точно такіе же записи община заключала и съ причетниками. Слова этихъ грамотъ: «жить какъ прежде жили по старинѣ» нагляднѣйшимъ образомъ опровергаютъ мнѣнія г. Бѣляева, который сперва отвергаетъ вообще ихъ подлинность, но потомъ, чрезъ нѣсколько строкъ признавая ихъ дѣйствительными, утверждаетъ, однакожъ, что онѣ не древни, и потому по нимъ нельзя заключать къ обычаямъ древнѣйшей нашей церковной жизни въ этомъ отношеніи. Русск. Бесѣда 1857 г. ч. 3. Грамоты приведены г. Лохвицкимъ въ Рус. Вѣс. 1857 г. № 7.

И такъ, и въ сферу церковно—іерархической жизни древнее русское общество занесло свои законы, свои правила. Коренной русскій обычай избранія въ общественной жизни на должности старостъ, цѣловальниковъ, даже князей зашелъ и въ церковную іерархію. Это избраніе князьями и народомъ лицъ на іерархическія степени не ограничивалось тѣснымъ кругомъ самаго духовенства; могли выбирать всякаго, кого хотѣли, только бы онъ былъ свободенъ и представлялъ право на это избраніе чистотою своей жизни. При этомъ не стѣснялись незначительнымъ положеніемъ въ обществѣ избираемаго лица, его прежнимъ саномъ. Митрополитъ Иларіонъ былъ избранъ изъ священниковъ, Климентъ другой митрополитъ изъ простыхъ книжниковъ; знаменитый епископъ новгородскій Нифонтъ изъ простыхъ печерскихъ монаховъ, Илія другой епископъ былъ священникомъ при церкви св. Власія и проч. При избраніи причта

испытывали только житіе избираемаго лица по тонку, чтобъ онъ грамоту добре свѣдалъ и не былъ бы пьяница и не зазорникъ. Изъ грамоты Василія Димитровича: «и слугъ моихъ великаго князя и моихъ умныхъ людей въ діаконы и попы митрополиту не ставить» видно, что до изданія этой грамоты могли избирать въ причтъ церковный и изъ данныхъ людей. Но съ такимъ наборомъ въ древней Руси духовенства изъ другихъ классовъ общества не соглашается г. Бѣляевъ. Разбирая сужденія г. Лохвицкаго о наборѣ въ древней Руси въ духовенство и изъ данныхъ людей, основывающіяся на означенной грамотѣ Василія Димитровича, г. Бѣляевъ говоритъ: «вотъ «странность то: грамота говоритъ, чтобы митрополитъ не ста«вилъ въ попы и діаконы слугъ княжихъ и данныхъ людей, «и эту же грамоту онъ приводитъ во свидѣтельство того, что «наборъ изъ данныхъ людей существовалъ въ древней Руси?» [1]). Но еслибы дѣйствительно у насъ не было набору въ духовенство и изъ данныхъ людей, то о чемъ же хлопоталъ Василій Димитровичъ, какую цѣль имѣла его грамота, не ужели онъ ратовалъ противъ небывалаго факта? Нѣтъ дѣйствительная потѣря многихъ рабочихъ рукъ, лишеніе многихъ данныхъ людей, уходившихъ въ свободный класъ духовенства, заставило Василія Димитріевича обезопасить себя на будущее время отъ лишней потери. Дальше свою мысль г. Бѣляевъ подтверждаетъ тѣмъ, «что наше духовенство было не латинское, не безсемейное, и если случался [2]) наборъ, то по избранію, что само духовенство могло представлять изъ себя лицъ для замѣщенія открывавшихся мѣстъ, что еще при Ярославѣ число духовныхъ дѣтей было велико—до 300, которыя были отданы имъ для обученія и подготовленія къ церковнымъ должностямъ» Если такъ, то духовенство и въ то время было уже крѣпкое и замкнутое сословіе. Но могло ли въ то время духовенство быть сословіемъ и могли ли быть тогда вообще сословія? Въ опроверженіе этого мнѣнія г. Бѣляева мы приведемъ слова изъ одного очень основательнаго изслѣдованія: «въ древней Руси различались одни «люди отъ другихъ только по своимъ занятіямъ, сословій тогда не было, а были извѣстные классы въ обществѣ, были житые

---

[1]) Смотр. Русск. Вѣст. и Русск. Бесѣд. за 1857 г.

[2]) Не случался, а былъ общепринятымъ фактомъ.

«люди, гости, купцы и черные люди. И все это были классы, «а не сословія. Въ силу этого древній русскій человѣкъ самъ «опредѣлялъ свое призваніе, родъ своей жизни, занятій, и не «предоставлялъ опредѣленія своей роли въ жизни факту рожде«нія въ какомъ либо классѣ. Родившись пахаремъ, онъ «могъ, разбогатѣвъ вслѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, попасть «въ число житыхъ людей, купцовъ; также кто чувствовалъ въ «себѣ призваніе къ духовному сану, могъ готовиться къ нему и при достоинствѣ могъ быть избраннымъ въ него» [1]). При некастичности нашего древняго русскаго общества, само собою, и духовенство не могло быть кастою. Не стоя къ обществу на изолированныхъ началахъ, духовенство было свободный и открытый классъ, въ который могъ входить всякій по избранію. Получая жалованье за свою должность, оно было отвѣтственно въ точномъ исполненіи ея предъ тѣмъ обществомъ, отъ котораго получало за это плату. Какъ свободный классъ—духовенство въ виду пріобрѣтенія большаго могло переходить отъ прежняго своего мѣста къ другому, только бы послѣднее представляло больше выгодъ противъ перваго. Отсюда то явилась нужда въ заключеніи условій прихожанъ съ своимъ причтомъ—что, гдѣ и когда служить, не уходить изъ общины безъ ея разрѣшенія и проч.; все это было бы лишнимъ, еслибы духовенство не пользовалось правомъ свободнаго перехода. Г. Бѣляевъ, отстаивая замкнутость духовенства, ссылается на 300 духовныхъ воспитанниковъ, отданныхъ въ училищѣ Ярославомъ. Но это еще не доказываетъ, чтобы кромѣ духовныхъ дѣтей въ этихъ училищахъ, созданныхъ князьями и, по взгляду г. Бѣляева, имѣвшихъ своею спеціальностію—приготовленіе къ церковной іерархіи, не было здѣсь воспитанниковъ и изъ другихъ классовъ общества. Напротивъ, какъ говоритъ г. Лешковъ, не одни священно-служители занимали званіе школьныхъ учителей въ древней Руси, но что обученіемъ юношества занимались по селамъ и погостамъ люди свѣтскіе, по актамъ, даже простые мужики [2]), и конечно эти учителя, называвшіеся тогда по просту мастерами, занимали свои должности послѣ того, какъ сами окончили воспитаніе въ тѣхъ школахъ, въ которыя г.

---

[1]) Журналъ „Время“ 1862 г. № VIII. стр. 16 и 17.
[2]) Русск. народъ и государство. 419 стр.

Бѣляевъ никого не впускаетъ, кромѣ поповыхъ дѣтей. Да и вообще нельзя соглашаться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые проповѣдуютъ, что все ученіе и образованіе въ древней Руси было дѣломъ правительственнымъ съ одной стороны и церковнымъ съ другой, и будто бы исторія нашего древняго образованія состоитъ въ одномъ разсказѣ о томъ вліяніи, которое имѣли на ученіе и образованіе князья, княгини и епископы. Не смотря на всю достовѣрность извѣстій о заведеніи у насъ школъ Владиміромъ и Ярославомъ, однакожъ, нельзя утверждать, чтобы все обученіе у насъ существовало для однихъ поповыхъ дѣтей, и состояло изъ одного приготовленія ихъ къ пастырской дѣятельности, чтобы это ученіе было по наряду правительства, а не дѣломъ всей націи. Св. Вѣра у насъ водворяется по желанію народа, а потому и духовное образованіе и просвѣщеніе было дѣломъ личнаго расположенія—была благодатная сила въ то время, производившая такія явленія безъ наряда правительства. И эта же благодатная сила сообщала лучшимъ и избраннымъ въ обществѣ лицамъ силы къ пастырской дѣятельности, не сообразуясь съ тѣмъ, родились ли они въ духовномъ классѣ или же внѣ его.

Лызловъ.

«РОКОВОЙ ВОПРОСЪ.»

Такъ названа статья, помѣщенная въ журналѣ (4 книжка, 1863 года) «Время» и, не смотря на свою краткость, пріобрѣвшая широкую, хоть и жалкую, извѣстность. Статья эта неточно названа, ее бы приличнѣе назвать—*роковая статья*. На это названіе она пріобрѣла полное право и своимъ содержаніемъ, и характеромъ, и послѣдствіями. Мы привыкли къ космополитизму нѣкоторыхъ нашихъ органовъ, къ либерализму и нигилизму нѣкоторыхъ собратій нашихъ, обратившихъ зародыши свободнаго русскаго слова въ самое дикое буйство и самоволіе; мы не разъ готовы были и смѣяться и плакать, прислушиваясь къ раздирательному концерту нашихъ либераловъ, нашихъ недоучившихся публицистовъ, словно державшихъ конкурсъ по части геростратовскихъ подвиговъ глумленія надъ всѣмъ, что составляло доселѣ основу силы и славы человѣческихъ обществъ вообще и Россіи въ особенности; но, признаемся откровенно, нашего слуха и сердца не поражали еще такіе грубые диссонансы строю нашей жизни, какими прозвучалъ «Роковой вопросъ,» мы еще не видали такого циническаго, такого звѣрскаго ковырянья въ язвахъ своей жертвы, какимъ обезсмертилъ себя авторъ этой статьи и журналъ, осмѣлившійся пріютить ее на своихъ страницахъ и, быть можетъ, умышленно посягнувшій, въ отчаяніи, на самоубійство.

При всемъ своемъ задорѣ, при всей испорченности ума своего и сердца, авторъ *роковой статьи*, самъ сознавалъ гнусность своей роли и болѣе казистыя тирады влагалъ въ уста поляка. Маневръ весьма неловкій, безчестный и дѣтскій! Натурально ли, чтобъ актеръ подсказывалъ суфлеру? Естествен-

но ли влагать въ уста поляку мысли и чувства, которыя никогда еще доселѣ не западали ни въ умъ его, ни въ сердце? [1]) Очевидно, что преступникъ *русскій* «украдкой мигаетъ лишь» на поляка, чтобъ отвлечь вниманіе судьи въ другую сторону, но поминутно забываетъ свою роль и постоянно обобщаетъ свое *я* съ *я* поляка, навязываетъ сему послѣднему свои личныя убѣжденія, за которыя всѣ поляки сказали автору: całuję nóżki. Поэтому мы оставимъ въ сторонѣ поляка и, при расчетѣ съ авторомъ Роковаго вопроса, будемъ имѣть дѣло съ русскимъ врагомъ Россіи, или точнѣе съ тѣми положеніями и выводами, которыми перебивается это уродливѣйшее изъ произведеній русскаго духа.

Хотя авторъ *роковой статьи* слишкомъ часто заявляетъ претензіи на логичность своего мышленія и послѣдовательность выводовъ, но тотъ допустилъ бы слишкомъ наивную довѣрчивость, кто сталъ бы искать этихъ качествъ въ названной статьѣ, кто принялъ бы выраженія ея автора: «изъ такихъ простыхъ и ясныхъ основаній мы легко и просто выводимъ надлежащія слѣдствія,—что изъ этого слѣдуетъ; попробуемъ вывести слѣдствія изъ предыдущаго,—мы выводили изъ положенія ихъ (поляковъ) справедливость ихъ притязаній,—сдѣлаемъ краткіе выводы изъ предыдущаго, изъ этого слѣдуетъ» и проч.,—за наличную монету,—кто по красивой вывѣскѣ захотѣлъ бы судить объ искуствѣ мастера. Благодаря Бога, ложь не можетъ имѣть твердыхъ основаній, изъ софизма и парадокса не могутъ быть выведены логично-истинныя заключенія. Отъ того и авторъ роковой статьи логиченъ только на словахъ, а на дѣлѣ изумляетъ зоркаго критика невыразимою путаницею представленій, пропусками среднихъ мыслей, повтореніями, оставленіемъ возраженій безъ надлежащихъ отвѣтовъ, варіированіемъ четырехъ положеній въ буквально лишь разнообразныхъ мотивахъ. Вотъ эти положенія:

1) поляки народъ цивилизованный;

2) русскіе-варвары;

3) католичество—святая вѣра;

4) православіе—схизма,—такъ что настоящая борьба поляковъ есть борьба цивилизаціи съ варварствомъ, святаго ка-

---

[1]) За исключеніемъ М. Грабовскаго.

толичества съ расколомъ. Заплатимъ должную дань каждой изъ этихъ нелѣпостей.

I.

Подъ именемъ цивилизаціи *должно* разумѣть нравственно-житейское развитіе человѣка, оправдываемое возможно большимъ улучшеніемъ быта извѣстнаго общества. Понятно, что степень этого улучшенія опредѣляетъ степень народнаго счастія, уровень развитія общества или его цивилизацію, и что считать ею одно теоритическое образованіе народа,—значитъ ловить призракъ, считать средство пригоднымъ и безъ цѣли, покровительствовать теорію, непримѣнимую или дурно примѣняемую къ практикѣ. Высокія истины, знаменитыя открытія настолько подняли славу людей геніальныхъ, насколько, выработанныя ими находки и выводы подняли уровень счастія извѣстнаго народа или всего человѣчества. Агрономъ высокой учености, у котораго урожай не покрываетъ затраченнаго капитала, въ глазахъ здравомыслящаго человѣка, ничтожнѣе неграмотнаго, практическаго земледѣльца-простолюдина, у котораго сѣмя даетъ самъ-15 и у котораго гумно полно скирдъ, а закромы—зерноваго хлѣба. Медикъ широкой науки, умѣющій прописывать своимъ паціентамъ только паспорты для безостановочнаго слѣдованія въ страну вѣчности, можетъ быть только врагомъ той среды, въ которой дѣйствуетъ. Многоученые fratres societatis Iesu только отравляли и отравляютъ своимъ ученьемъ и дѣятельностію жизнь человѣческихъ обществъ. Вообще—понятіе наше о цивилизаціи—непогрѣшимо. Думать объ ней иначе—значитъ возставать противъ того, что доселѣ считалось логичнымъ, истиннымъ, добрымъ.

Теперь на логической очереди становится вопросъ: въ какой мѣрѣ можно примѣнить идею объ истинной цивилизаціи къ полякамъ,—въ какой—скажемъ проще—степени Польша была *и есть* цивилизованною націею? Вопросъ, какъ видите, громоздкой. Отвѣчать на него—значитъ сперва преподать здѣсь исторію польской литературы, потомъ раскрыть ея вліяніе на жизнь Польши дѣйствительную. Обойдти эти пути къ рѣшенію вопроса было бы не логично и трусливо; пройдти ихъ отъ начала до конца—было бы утомительно и безполезно; поэтому мы вынуждены избрать средину между двумя крайностями и, сообразно условіямъ журнальной статьи, заявить болѣе крупныя

данныя, руководящія насъ на пути къ безпристрастному и вѣрному отысканію истины.

Польша, дѣйствительно, раньше другихъ славянскихъ племенъ познакомилась съ просвѣщеніемъ. Завистливый Западъ не позволилъ укорениться въ ней православію и, вмѣстѣ съ католицизмомъ, навязалъ Польшѣ, при Мечиславѣ, чуждую ей цивилизацію. Эта, сначала полуримская, потомъ полугерманская цивилизація не легко мирилась съ простотою, обычаями и преданіями славянъ. Нужны были вѣка, нужны были судорожныя усилія тысячи религіозно-политическихъ агитаторовъ и пропагандистовъ, чтобъ она привилась къ славянской натурѣ, создала поляка-католика, выдѣлила его изъ семьи славянской,— обособила его бытъ, его исторію. При всемъ томъ, эта цивилизація, какъ элементъ пришлый, не охотно принималась славяниномъ. Смѣло можно сказать, что Польша переняла отъ запада однѣ только элементарныя понятія его цивилизаціи и перебивалась ими почти въ теченіи 4 вѣковъ. Въ этотъ періодъ, просвѣщеніе ея не много отличалось отъ невѣжества, ученые— отъ грамотныхъ. Науки, искуства, торговля, политика, гражданственность находились въ младенческомъ состояніи. За исключеніемъ Коперника,[1]) исторія не оставила намъ и одной личности, которая выдвинулась бы изъ уровня самой безцвѣтной посредственности. Но слабость этой цивилизаціи—не въ одной ея элементарности. Слѣдуя непреложнымъ законамъ прогресса, эта цивилизація вышла бы изъ состоянія зародыша, еслибы ростъ ея не былъ стѣсняемъ и отсрочиваемъ враждебными ей наносными міазмами. Дѣло въ томъ, что бралось съ запада и переносилось не лучшее, а казистое, эгоистичное, питающее не умъ и сердце, а фантазію, задоръ, тщеславіе, корыстолюбіе,— вообще—сильныя страсти,—бралось, то есть, все худшее. Польша переполнилась донъ-кихотами, феодалами; явились толпы искателей приключеній, обоготворившихъ женщину, узаконившихъ право сильнаго, глумившихся надъ всякимъ другимъ правомъ, на живую нитку корчившихъ изъ себя средневѣковыхъ рыцарей. Эти экзальтаціи и аномаліи такъ понравились поляку, что изъ привычекъ обратились въ его природу,

[1]) И Коперникъ обязанъ своею славою отнюдь не Польшѣ, а Германіи, куда онъ прибылъ въ ранней молодости и Италіи, гдѣ получилъ образованіе.

въ особенную способность души польской, преемственно переходившую отъ предковъ къ потомкамъ и неприкосновенно сохранившуюся до настоящей минуты.

Эти экзальтаціи, этотъ произволъ феодаловъ еще въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка начинали приносить плоды по виду своему, начинали вносить элементы разъединенія въ суставы, изъ которыхъ слагалось цѣлое Польши. Изъ среды народной выдѣлились гордые магнаты—сарматы, надменные родовою спѣсью и богатствомъ, сильные толпами нахлѣбниковъ, промотавшихся пановъ и подпанковъ, полчищами *челяди*, дѣйствовавшей изъ подъ *канчука* или *изъ-за горѣлки* въ пользу своихъ пановъ *милостивыхъ*. Весь произволъ, вся алчность, мотовство и тщеславіе этого шляхетства и нешляхетства невыносимымъ бременемъ налегли на бѣднаго и беззащитнаго *кнехта*. Онъ задыхался подъ этимъ бременемъ, онъ стоналъ отъ давленія *милостивыхъ*, но стоны его были напрасны. Король націи, въ которой równość—niepodległość примѣнялись, *и то неравномѣрно*, къ однимъ только магнатамъ, ничего не могъ сдѣлать въ пользу несчастнаго народа, не рискуя собою, или покрайней мѣрѣ—не подвергая себя опасности получить названіе *короля хлопскаго*. Геній Стефана Баторія поставилъ, правда, довольно высоко въ мнѣніи націи и санъ короля, и значеніе народа; внѣшними войнами и славными побѣдами заставилъ на время панство забыть свое донкихотство, дрязги, безурядицы, и тѣснѣе сплотилъ разнородные элементы Польши въ стройное, дружное цѣлое; но, рядомъ съ этою гражданскою услугою, онъ записалъ въ свою біографію такой фактъ, зловредность котораго въ состояніи убить всякую славу, загрязнить всякія доблести. Мы здѣсь разумѣемъ нашествіе на Польшу іезуитовъ подъ предводительствомъ Гозія и ласковый пріемъ ихъ Стефаномъ Баторіемъ. Умный человѣкъ никогда не дѣлалъ большей ошибки. Эта ошибка была первое сѣмя паденія Польши. Съ этого злополучнаго для нея момента, среди ея поселилась нравственная чума, отравившая всѣ жизненныя силы націи. Явилась пропаганда, нестѣснявшаяся никакими насиліями. Фанатизмъ нетерпимости разорвалъ всѣ нити, связывавшія русскія области съ метрополіей; открылся безконечный рядъ самыхъ дикихъ стѣсненій совѣсти народной, самое безчеловѣчное сглаживанье народностей съ одной, и самое упругое отстаиванье всего до-

рогаго для народа—съ другой стороны. Ученикъ іезуитовъ—Сигизмундъ III-й довершаетъ это зло; является хамелеонъ, извѣстный подъ именемъ уніи религіозной; насилія со стороны религіозно-политической пропаганды польской усложняются, разнообразятся; выходитъ на политическую арену Хмѣльницкій; лѣвый берегъ Днѣпра отдыхаетъ отъ прежнихъ смутъ; родныя сестры, которыхъ на время разлучили злые люди, бросаются въ объятія другъ друга; но правый берегъ Днѣпра успокоивается не надолго; разные pacta conventa, большинство сеймовыхъ постановленій въ пользу русиновъ нарушены Рѣчью-посполитою; этотъ берегъ заливается огнемъ и кровью; гидра народной мести разразилась въ видѣ драмъ, извѣстныхъ подъ именемъ *коліевщины*, *паліевщины*, *гайдамащины*; все, что не русское, не православное попадаетъ подъ мечь и огонь народныхъ героевъ, подъ ноги ожесточеннаго народа. Страсти народныя, накипавшія въ теченіи вѣковъ, выбухнули вдругъ, и неумолимо расчитались съ врагомъ Россіи и православія за тяжкія и долгія обиды. Исходитъ изъ нѣдръ вѣчности незабвенный для Россіи сынъ времени, 1772 годъ; и она является въ древнемъ своемъ составѣ, за исключеніемъ одной прекрасной области.

Не случайно набросанъ этотъ бѣглый очеркъ былаго Польши. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, виденъ весь ея умъ, все сердце—вся цивилизація. Такая масса разнообразныхъ ошибокъ, такое упорное преслѣдованіе миража, такое дикое отношеніе поляка къ чистой совѣсти и святынямъ мирнаго, терпѣливаго, трудолюбиваго русина, такое глумленіе надъ правами божескими и человѣческими, надъ безсиліемъ слабаго и беззащитнаго, надъ закономъ и властію,—развѣ все это признаки цивилизаціи? Чтоже послѣ того можно назвать не цивилизаціей, варварствомъ? А между тѣмъ мы только намѣтили крупнѣйшіе факты неразумія поляковъ нравственнаго и политическаго, важнѣйшія заблужденія ума ихъ и сердца. Болѣе частными и повседневными эпизодами ихъ исторіи, болѣе подробнымъ описаніемъ безурядицъ, которыми поляки терзали и Польшу, и подчиненныя ей области русскія, дрязгъ, какія постоянно происходили между королями и подданными, столкновеній магнатовъ съ магнатами и народомъ, сдѣлокъ пановъ съ жидами, безпутныхъ самоправствъ, *фацецій*, *запъздовъ*, *конфедерацій*, проявленія

азіатской спѣси и разврата, продажности отечества, какою обезсмертили себя передовые поляки въ концѣ минувшаго столѣтія, самовольныхъ и безчестныхъ отношеній къ закону, правамъ и трактатамъ международнымъ,—мы могли бы исписать цѣлые томы. Всѣ эти—и большіе, и малые—подвиги безпутства—и теоритическаго и практическаго истерзали, изъѣли внутренность Польши, обезчестили ее со внѣ, вызвали противъ нея месть русскаго народа, обратили всѣхъ ея сосѣдей во враговъ, такъ что они *вынуждены были* раздѣлить ее, какъ движимое имущество, какъ вещь. Явленіе безпримѣрное въ исторіи! Развѣ это плоды цивилизаціи!

Мы ясно сознаемъ безсиліе автора Роковаго вопроса бороться на точкѣ зрѣнія практической съ нами, или точнѣе—съ непобѣдимой исторической истиной и массою фактовъ, на которые она опирается,—и даже предвидимъ со стороны его слѣдующее возраженіе: у поляковъ точно не доставало немного практической мудрости, но за то со стороны теоритической они были всегда народомъ въ высшей степени развитымъ, цивилизованнымъ. Если авторъ Роковаго вопроса такъ—а не иначе поставитъ это возраженіе, то мы скажемъ ему, что у поляковъ недоставало не *немного*, а *слишкомъ много* (какъ это видно изъ вышесказаннаго) практической мудрости, что цивилизація a priori, безъ примѣненія ея къ дѣйствительнымъ пользамъ общества,—безъ цивилизаціи a pesteriori, всегда равна нулю, что фальшъ, вредъ практическій всегда предполагаетъ фальшъ убѣжденій, аномалію ума, уродливость умозаключеній и тенденцій—словомъ, что уровень и качества мудрости теоретической опредѣляются фактическимъ отраженіемъ ихъ въ жизни дѣйствительной. Такимъ образомъ у поляковъ никогда не было *истинной* цивилизаціи, а только былъ рядъ заблужденій и выродившихся отъ нихъ нестроеній и несчастій, кончившихся политическою смертію организма, дошедшаго до самоубійства путемъ отчужденія отъ жизни окружавшаго его человѣчества и оскудѣнія всѣхъ элементовъ самобытной жизни. Теперь обратимъ хоть мимолетное вниманіе на теоритическую цивилизацію поляковъ.

Выше было сказано, что Польша, вмѣстѣ съ католичествомъ, переняла отъ Запада только элементарную часть просвѣщенія. Эта степень развитія есть только шагъ къ просвѣще-

нію, но не самое просвѣщеніе; а между тѣмъ на этой низшей ступени эрудиціи Польша стояла едвали не цѣлыхъ 5 вѣковъ. Эта эпоха такъ мало оставила намъ—такихъ слабыхъ фактовъ научнаго образованія поляковъ, что они не стоютъ намека. Первый лѣтописецъ Польши явился далеко позже св. Нестора; не многіе образчики тогдашней польской письменности—ниже всякой критики, ниже *всякой* идеи о цивилизаціи. Съ XV только вѣка являются польскіе историки, мало обращавшіе вниманія на историческую критику и правду, сдѣлавшіе своею задачею панегирикъ королей польскихъ и героевъ, изумляющіе насъ своею односторонностію, фанатизмомъ, пристрастіемъ, искаженіемъ фактовъ, узкостью міросозерцанія и другими недостатками, менѣе всего извинительными въ историкѣ. Рядомъ съ историческими, начинаютъ появляться теологическія или точнѣе—ультрамонтанскія сочиненія,—болѣе чѣмъ на половину полемическаго направленія. Самою собою—эта полемика была переполнена бранью и глумленіями надъ вѣрою православною, которая менѣе всякой другой вызывала этотъ антагонизмъ и заслуживала эти грязныя нападки и кощунство. По части другихъ наукъ и даже искуствъ, Польша всегда стояла, и даже теперь стоитъ, на самой низкой ступени развитія. Мы не можемъ указать ни одного имени польскаго, которое можно было бы не краснѣя записать въ исторію просвѣщенія славянъ. Единственная (кромѣ Коперника) міровая личность—Мицкевичь—принадлежитъ едвали не болѣе Россіи, нежели Польшѣ—и по мѣсту рожденія и образованія, и по вліянію на развитіе и ободреніе его генія со стороны Россіи и—генія Пушкина. Множество учебныхъ заведеній въ областяхъ Польши мало вліяло на просвѣщеніе націи, еще менѣе на образованіе знаменитыхъ ученыхъ и ровно нисколько—на просвѣщеніе народа. Большинство этихъ заведеній, заключенныхъ въ ревнивыхъ къ истинному свѣту науки стѣнахъ кляшторовъ, стояло внѣ всякаго прогресса, всякой цивилизаціи. Заправлявшіе этими заведеніями доминикане, францискане, особенно іезуиты (между уніатами базиліане), спутанные своею схоластикою, религіозною нетерпимостью, знакомые только съ ультрамонтанской пропагандой, казуистикой, ловкостью дрессировки и азбукою всевозможныхъ наукъ,—не могли дать того, чего сами не имѣли, не могли сообщить своимъ адептамъ ни глубины воззрѣнія, ни широты

знанія, ни высоты чувства. Даже знаменитый краковскій университетъ никогда почти не освобождался отъ стѣснявшихъ свободную мысль и благородное чувство аббатовъ, пріоровъ и другихъ посредственнаго ума и испорченнаго сердца патеровъ. Только въ царствованіе Александра I въ виленскомъ университетѣ и частію кременецкомъ лицеѣ просвѣщеніе польское отчасти сбросило съ себя оковы схоластики, іезуитизма и переступило границу посредственности и неподвижности.

Но и въ этихъ заведеніяхъ искало образованія едвали не одно среднее сословіе буржуазіи и шляхты, которое не могло сдѣлать себѣ карьеры ни происхожденіемъ, ни богатствомъ, и для котораго, потому, ученіе было синонимомъ средства къ жизни. Родовитый шляхтичъ, надменный своимъ богатствомъ и длиннымъ рядомъ предковъ генеалогія которыхъ терялась во временахъ доисторическихъ,—весьма рѣдко подвергалъ себя униженію сидѣть рядомъ на школьной скамьѣ съ плебеемъ, натуживать свой вельможный мозгъ научною работой. Онъ часто относился даже съ презрѣніемъ къ труженикамъ науки и серьозно думалъ, что она для него дѣло лишнее, что ею должны заниматься тѣ только несчастные, которымъ ѣсть нечего, которые должны работать сами на себя.[1]) Это фактъ историческій, что многіе магнаты гордились тѣмъ, что неумѣли подписать на документахъ своихъ фамилій. Извѣстный польскій публицистъ настоящаго вѣка (40 лѣтъ) Трентовскій такъ отзывается о цивилизаціи Польши и образованіи своихъ земляковъ: «религіозный фанатизмъ, іезуитизмъ, невнимательность къ послѣдствіямъ сдѣланныхъ поступковъ, непамятованье о будущемъ, крайній недостатокъ дипломатіи, *упадокъ просвѣщенія, очевидное неразуміе* водили отцовъ нашихъ за руку, пока не погубили отечества, *мы шли назадъ, когда все вокругъ насъ двигалось впередъ,* мы постояно были чужою машиною....... Поляки неимѣли даже понятія о политикѣ, дипломатіи, о состояніи европейскихъ народовъ, о духѣ времени, о политической экономіи. *Въ ихъ головахъ было темно, какъ въ бараньемъ рогѣ*...... Бурные и кровавые сеймы (польскіе) доселѣ служатъ посмѣтищемъ и пословицею для

[1]) См. 5 книж. Вѣстн. Отд. IV, ст. „Два-три слова о сочувствіи“ и проч. стр. 127, 128.

Европы...... Въ сто кратъ *нелѣпѣйшая* (сеймовъ) *конституція* наша (польская) имѣла въ виду не большинство голосовъ, а единогласіе...... Вездѣ, какъ на дрожжахъ, выростало просвѣщеніе, *а у насъ невѣжество.* Вездѣ развивалась народная литература, а у насъ (поляковъ) еще сильнѣй укоренилась латынь, которая мало-помалу измельчала до такъ называемыхъ *макаронизмовъ.* [1]) Только при Станиславѣ Августѣ начала появляться народная литература..... *Какъ Европа шла впередъ, такъ Польша назадъ,* и чѣмъ позднѣе, тѣмъ больше сходства у насъ съ средними вѣками. .... Каждый изъ нихъ (пановъ), считая совершенно лишнимъ имѣть свой взглядъ на что-бы то ни было, былъ оригиналъ или капризный человѣкъ, которому подобнаго едвали можно найти въ исторіи...... Они представляли собою копіи греческихъ-царьковъ (królików) временъ варварскихъ, только лишь испорченныхъ и оправленныхъ въ золотыя рамы.... *Возрастающее съ каждымъ днемъ, грубое невѣжество помрачало всѣ головы.* Магнатамъ нашимъ уже не удивлялись бы послы Генриха Валезія, потому что сами были такими неучами, какъ нѣкогда европейскіе рыцари. *Сеймовые послы не понимали даже ничтожной варшавской газеты.* Выбицкій, одинъ изъ способнѣйшихъ людей своего времени, по собственному признанію, *будучи уже сеймовымъ посломъ, началъ учиться географіи, хотя когда-то былъ въ іезуитской школѣ......* Вся Польша дышала фанатизмомъ, а между тѣмъ *не дала ни одного замѣчательнаго богослова. О философіи нѣтъ и помину.* Только въ Краковѣ изрѣдка шумятъ сторонники Аристотеля съ ѳомистами Настоящая схоластика! *О религіи самыя превратныя понятія. Предразсудки занимали мѣсто просвѣщенія и составляли предметъ вѣры.* Могла ли Европа, становившаяся съ каждымъ днемъ болѣе просвѣщенною, имѣть какое либо уваженіе къ Польшѣ? ... Мы своими

---

[1]) Подъ именемъ его, поляки разумѣли языкъ польскій, наполовину пересыпанный латинскими словами и оборотами, и бывшій во всеобщемъ употребленіи почти въ теченіи трехъ (XVI, XVII и XVIII) вѣковъ. При Станиславѣ Августѣ, поляки начали учиться писать и говорить чистымъ польскимъ языкомъ.

несчастіями преподали свѣту урокъ, какъ тяжко караетъ Богъ людей за ихъ неразуміе. Наши отцы (т. е. предки) не имѣли сознанія о собственномъ состояніи, *не знали самихъ себя.* За то хорошо знали ихъ сосѣдніе монархи и умѣли пользоваться этимъ знаніемъ. Вотъ для доказательства нѣсколько примѣровъ. Мобли говоритъ: я разговаривалъ съ самыми знаменитыми поляками, какихъ мнѣ представили, какъ сановниковъ. *Я нашелъ ихъ столь темными, испорченными, отуманенными такими предразсудками и суевѣріями*...... что нѣтъ уже никакого спасенія для Польши. *Глупость этого народа—всеобща и его неспособность къ мышленію заключается отчасти* въ его *нелѣпой конституціи, а отчасти въ неслыханномъ пьянствѣ.* Прибывши въ Польшу, я думалъ, что *нахожусь въ Татаріи*.... Польскій шляхтичъ болтаетъ, иногда даже довольно гладко, *но это пустая болтовня.* И этого, впрочемъ, достаточно для Польши, гдѣ *никто не умѣетъ оцѣнить способности мышленія*....... Вольтеръ (его цитуетъ Трентовскій) говоритъ: земледѣльцы въ Польшѣ—невольники, а шляхта—короли...... Еслибы польскіе конфедераты *имѣли въ головѣ сколько нибудь логики,* они не бунтовали бы собственнаго отечества.....» Въ Conversations lexicon (тоже цитата Трентовскаго) такъ аттестована Польша: «Польша чуть ли не единственная страна, которая въ теченіи своего тысячилѣтняго существованія не заслужила никакого уваженія. Она представляетъ въ Европѣ обширную равнину, на которой живетъ 12 милльоновъ невольниковъ, стенающихъ подъ игомъ 100 тысячъ мелкихъ (и крупныхъ—нужно прибавить) тирановъ. Плеть шляхтича составляетъ душу хозяйства. *Всякую мыслительность духа здѣсь убиваетъ жидъ своею водкой*..... Польша была *страною самыхъ непримиримыхъ противорѣчій,* и стада волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей были слабѣйшими ея врагами. Порядокъ, права и свобода собственника не могли процвѣтать здѣсь (въ Польшѣ), потому что политическая неурядица государства опиралась на мнѣніе, что только дворянинъ можетъ быть собственникомъ. Цѣль народной жизни никогда не была извѣстна *дикой, варварской аристократіи*»...... «Круглый годъ (говоритъ J. H. Bernardin de st. Pierre) работаетъ крестьянинъ на своихъ *варварскихъ владѣтелей,* имѣющихъ надъ

нимъ право жизни и смерти..... Историки польскіе (восклицаетъ Трентовскій подъ конецъ набросанной выше оцѣнки польской цивилизаціи), издайте исторію фанатизма нашей страны!.... Кто *отчаевается на счетъ польскаго ума*, тотъ можетъ сказать: тогда только блеснетъ надежда для нашего отечества, когда союзъ державъ запечатаетъ разъ навсегда средневѣковой источникъ гильдебрандизма .. Избѣгай (полякъ) близкихъ отношеній съ прелатами! Чѣмъ способнѣе кто изъ нихъ, тѣмъ опаснѣе. Онъ завертитъ буравомъ схоластики въ твоемъ почтенномъ мозгу, и ты потеряешь голову и останешься, подобно своимъ предкамъ, слѣпымъ оружіемъ іерархіи. [1]) Польскій народъ не понялъ своего назначенія...... и существовалъ для продолженія только существованія, какъ безвѣстная былинка какъ лѣтній, fruges consumere natus (рожденный поѣдать чужіе плоды,-какъ чужеядное, то есть,растеніе)..... Теперь *Россія* заняла наше мѣсто и ежедневно доказываетъ, что *поняла свое назначеніе.*» [2]) Извѣстный тоже публицистъ польскій Кубракевичъ, сказавъ много подобнаго тому, что выписано нами изъ Трентовскаго, прибавляетъ:«Польша, бывшая въ нѣкоторомъ родѣ республикою, *требовала людей просвѣщенныхъ* и должна была подумать о реформѣ панской религіи, главнымъ основаніемъ которой, въ концѣ среднихъ вѣковъ, *была тьма и помраченіе разума. Поляки не поняли этого* и Польша пала Іезуиты, правившіе польскою церковію, были врагами просвѣщенія; у насъ (поляковъ) не было церкви Христовой»...... Вотъ отзывы людей, не имѣющихъ, конечно, желанія унижать цивилизацію Польши; вотъ слова безпристрастныхъ поляковъ о степени и характерѣ просвѣщенія былой Польши! Не думаемъ, чтобы ав—

---

[1]) Золотой совѣтъ для настоящихъ революціонеровъ польскихъ, невидящихъ, въ своемъ нравственномъ опьяненіи, что патеры ведутъ ихъ, по старой дорожкѣ изувѣрствъ, безумія и заведутъ въ такую бездну, изъ которой нѣтъ исхода.

[2]) Въ отрывкѣ изъ Трентовскаго, помѣщенномъ во II отдѣлѣ 8 книжки Вѣстника, авторъ Роковаго вопроса найдетъ самую прямую критику насвою безумную статью,—критику тѣмъ болѣе славную, что она не сказала ни одной мысли голословной, безъ фактическихъ точекъ опоры, и что она написана полякомъ.

торъ Роковаго вопроса дошелъ до абсурда—уличать этихъ людей въ односторонности, невѣрности цитатъ, наблюденій и выводовъ. А между тѣмъ, не желая утомлять читателя разглагольствіемъ объ извѣстной всякому грамотному русскому неурядицѣ практической и ограниченности и уродливости развитія умственнаго поляковъ,—мы оставляемъ въ сторонѣ огромную массу фактовъ, цитатъ и выводовъ, на которыхъ опирается наше положеніе, и которыя мы могли бы выписать изъ сочиненій самыхъ добросовѣстныхъ поляковъ.

Въ подтвержденіе жалкой фантазіи, которою задался какой-то псевдо-***русскій***, представлена самая неудачная для того эпоха польской исторіи и самая блѣдная, хоть и одинокая и несостоятельная выдержка изъ русскаго писателя. Мы разумѣемъ эпоху Сигизмунда III и цитату изъ Кирѣевскаго. Могъ ли пріемышъ Польши, прозелитъ іезуитовъ—Сигизмундъ III заботиться о прогрессивномъ образованіи польской націи? Могъ ли этотъ послушникъ папы не быть фанатикомъ, изувѣромъ, смотрѣть безъ досады на счастіе подвластныхъ Польшѣ диссидентовъ, на ихъ развитіе и спокойное обладаніе правами человѣка? Это было выше силъ его—познавательныхъ и дѣятельныхъ. Правда, при немъ явилось много школъ, много грамотныхъ патеровъ; но далеко было бы лучше для Польши и человѣчества, еслибъ этихъ школъ и патеровъ не было въ мірѣ, а тѣмъ болѣе на почвѣ славянской! Эти школы внесли въ страну не свѣтъ, а тьму и горе. Заправлявшіе ими безконтрольно патеры-іезуиты исказили своими абсурдами умъ и вѣру—своею практикою развратили жизнь и доброе отъ природы сердце поляка. Поверхносность этого образованія была послѣднимъ его недостаткомъ. Оно на цѣлые вѣка—или лучше навсегда–окаменило развитіе Польши, повело ее по пути регресса, пустило ее съ размаха по крутой покатости въ бездну бездонную, безвыходную. Все, что составляетъ основы народнаго блага, высоту мысли, честность поступка было этимъ образованіемъ заторможено, изъѣдено, убито. Одного Гозія было достаточно для погибели Польши, а при Сигизмундѣ III явились въ этой несчастной странѣ сотни Гозіевъ. Іезуиты сдѣлали для просвѣщенія Польши то, что сдѣлалъ бы человѣкъ, захотѣвшій умѣрить мракъ ночи заревомъ пожара, что сдѣлалъ бы медикъ, отрѣзавшій голову своему паціенту, у котораго она болѣла. Нужно

быть варваромъ, врагомъ Бога и людей, чтобы восторгаться іезуитскимъ образованіемъ, завидовать цивилизаціи Польши вообще и при Сигизмундѣ III въ особенности.

А «711 извѣстныхъ литературныхъ именъ,» на которыя авторъ Роковаго вопроса (вмѣстѣ съ Кирѣевскимъ) оперся такъ торжественно,—развѣ этого мало для образованности Польши въ царствованіе Сигизмунда III? Не было бы много для націи въ 20 милльоновъ, еслибъ эти имена были извѣстныя, «литературныя.» Но въ томъ то и вся суть, что цифра этихъ именъ сомнительна, а права ихъ на извѣстность, ученость—и подавно. Въ этомъ счетѣ ученыхъ временъ Сигизмунда III, цифра 7 могла быть употребляема изъ уваженія къ священному для еврея числу седмиричному, или изъ почтенія къ 7 греческимъ мудрецамъ, а одинадцать прибавлено для сообщенія большаго вѣроятія итогу польскихъ ученыхъ. Замѣчено, что человѣкъ, желающій доказать что нибудь цифрами и употребляющій такія, которыя превышаютъ единицей цифру круглую, или въ которыхъ недостаетъ къ такой цифрѣ единицы,—не знаетъ точной цифры, и питаетъ себя надеждою увѣрить своего контрагента въ несомнѣнности счета. Кто говоритъ: я былъ окруженъ 29 или 101 мятежниками, тотъ невольно вызываетъ въ своемъ слушателѣ или читателѣ сомнѣніе въ точности его счета—одной его скрупулёзностью. Мы думаемъ, что и 711 ученыхъ, на которыхъ указываетъ какъ бы пальцемъ авторъ Роковаго вопроса, относятся къ той же категоріи цифръ сомнительныхъ и скрупулёзныхъ. Мы думаемъ, что въ такомъ темномъ дѣлѣ, какъ цифра ученыхъ въ теченіи продолжительнаго царствованія какого нибудь короля въ XVI вѣкѣ, не можетъ быть опредѣлена съ точностью, какъ по отдаленности эпохи, такъ и по слишкомъ субъективному понятію «объ извѣстныхъ литературныхъ именахъ,» и что въ подобномъ случаѣ была бы слишкомъ опредѣленна и фраза: «около 700.»

Но оставимъ и за авторомъ Роковаго вопроса, и за Кирѣевскимъ точность цифры (711) ученыхъ польскихъ въ царствованіе Сигизмунда III и спросимъ: какіе это ученые, какъ сильны права ихъ на это названіе и какой они народности принадлежали? Положительно знаемъ, что въ Польшѣ *собственно* не было тогда и сотни людей, которыхъ можно было бы назвать учеными, не краснѣя за ученость. И эти ученые—чѣмъ про-

славились, какую науку подвинули впередъ? Ровно ничѣмъ, ровно никакой! И эту небогатую цифру можно составить изъ плохихъ только переводчиковъ, посредственныхъ проповѣдниковъ, бездарныхъ памфлетчиковъ, грязныхъ полемистовъ, пристрастныхъ историковъ, фанатическихъ пропагандистовъ. Знаніемъ классиковъ, знаніемъ латыни, несравненно были богаче современные имъ русины, обучавшіеся въ Львовѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Луцкѣ. Не на счетъ ли этихъ русиновъ и составилась (если она вѣрна) цифра 711? Безъ всякаго сомнѣнія! Литва, Бѣлорусь, Украйна, Волынь и Подолія составляли тогда области польскія—и ученые ихъ, конечно, вошли (хоть и весьма напрасно) въ составъ этой цифры. Ужъ лучше бы авторъ Роковаго вопроса указалъ на эпоху Станислава Августа, какъ на время, въ которое Польша *хотѣла* сдѣлать шагъ къ усвоенію себѣ *теоретической* цивилизаціи запада. Но ему не годилась эта эпоха, какъ совпадавшая съ вѣкомъ Екатерины, въ царствованіе которой Россія сдѣлала громадный шагъ по пути прочной и истинной цивилизаціи, и записала въ исторіи нашей литературы, гражданственности и дипломатіи много такихъ именъ, равносильныхъ которымъ никогда не было въ Польшѣ. Изъ группы людей, носившихъ эти имена, быть можетъ, грозно выдвинулась въ пугливомъ воображеніи псевдо-*русскаго* личность Георгія Конисскаго, со всею массою его учености, со всею силою неподражаемаго краснорѣчія, съ дипломомъ въ могучей десницѣ на безсмертіе историческое. Быть можетъ, автору Роковаго вопроса не хотѣлось поставить эту колоссальную личность рядомъ съ пигмеями мелкой, польской учености, не хотѣлось припомнить намъ той аттестаціи учености великаго мужа, какую получилъ онъ предъ лицемъ всей Польши, на варшавскомъ сеймѣ, изъ устъ самаго Станислава Августа, который, выслушавъ извѣстную, переведенную на всѣ европейскіе языки, рѣчь Конисскаго въ защиту угнетеннаго поляками православія,—спросилъ: много ли у васъ на Руси такихъ образованныхъ мужей какъ вы, и получилъ въ отвѣтъ отъ смиреннаго архипастыря: я послѣдній изъ нихъ. Отвѣтъ Конисскаго точно былъ скроменъ, но во всякомъ случаѣ онъ же закрѣпляетъ снова ту истину историческую, что въ эпоху Станислава Августа, и кромѣ знаменитаго архипастыря бѣлорусскаго, въ Россіи много было людей замѣчательныхъ по разнымъ отрас-

лямъ знанія и дѣла, и что тогда приличнѣе было Польшѣ завидовать цивилизаціи Россіи, а не наоборотъ. Вообще авторъ Роковаго вопроса видимо избѣгаетъ сопоставленій, критическаго анализа, историческихъ фактовъ и выводовъ, и такъ жалко устроенъ, что считаетъ мишуру золотомъ, блудячіе огоньки—свѣтилами, букашки—слонами.

Но низость рѣдко бываетъ одинокою, она тянетъ весьма часто за собою цѣлую вереницу другихъ низостей. Этотъ аффоризмъ, какъ нельзя лучше, идетъ къ нашему псевдо-*русскому*. Мы разумѣемъ здѣсь недобросовѣстную выписку его изъ Кирѣевскаго. Вырвавъ изъ контекста, даже изъ грамматическаго смысла, только то, что нужно было для поддержанія своей нелѣпости, онъ нарочно выбросилъ изъ цитаты начало ея и конецъ, радикально противорѣчащія его уродливымъ и одинокимъ воззрѣніямъ и намѣреніямъ, и непобѣдимо стоящимъ за тѣ истины, которыя выше нами намѣчены и которыя наглядно убѣждаютъ всякое мыслящее существо въ томъ, что истинной цивилизаціи въ Польшѣ никогда не было, что это была нація абсурдовъ, что «отдѣленіе (магнатовъ отъ народа) остановило развитіе народнаго просвѣщенія, что польская литература исчезла почти безъ слѣда для образованности польской и совершенно безъ слѣда для просвѣщенія общечеловѣческаго» [1]). Вотъ цѣльное убѣжденіе Кирѣевскаго, а отрывокъ, выдернутый изъ отзыва его о цивилизаціи Польши, не имѣетъ полнаго содержанія, стоитъ въ нѣкоторомъ разладѣ съ недавно указанными убѣжденіями самаго же Кирѣевскаго, и вѣра въ истинность и непреувеличенность содержанія этого отрывка нисколько для насъ необязательна послѣ той массы фактовъ, цитатъ и выводовъ, которыя указаны выше. Мы знаемъ несомнѣнно, что родовитая шляхта не любила просвѣщенія сама, и обнаруживала полное равнодушіе, а нерѣдко и реакцію къ образованію другихъ. По большей части она получала отъ какого нибудь зашлаго французика или ловкаго іезуита кое-какое домашнее образованіе и дрессировку, при которыхъ нисколько не обращалось вниманія на научное просвѣщеніе, на воспитаніе человѣка, тогда какъ уроки самообожанія, разнузданности и презрѣнія всего не панскаго, не католическаго составляли глав-

---

[1]) Слова Кирѣевскаго.

ную програму домашняго обученія. Если немногія личности изъ порядочныхъ фамилій и удостоивали своего посѣщенія краковскій и позже виленскій университеты и кременецкій лицей, то они вынесли оттуда сносную только болтовню на французскомъ языкѣ, умѣнье танцовать, ловко держаться на лошади, соблазнять женщинъ, шли изъ класса въ классъ за деньги, занимали въ спискахъ студентовъ мѣста, сообразныя количеству хлопскихъ душъ, связямъ, титуляціи. генеалогіи—родителей, и выходили изъ школы или съ полнымъ научнымъ невѣжествомъ, или съ самыми поверхностными элементарными свѣденіями по части разныхъ отраслей человѣческаго вѣденія. Поговорите и теперь о чемъ угодно съ этими псевдо-цивилизаторами, и вы изумитесь ихъ невѣжеству, грубымъ заблужденіямъ, предразсудкамъ, легковѣрію, бѣдности познаній и въ тоже время безграничной самомнительности, презрѣнію бѣднѣйшаго собрата, и особенно русскаго, православнаго.

Говорить ли здѣсь о просвѣщеніи польскаго народа? Не думаемъ, чтобъ это было нужно. Кто не знаетъ, что польская шляхта не только считала дерзостью со стороны холопа посягательство на умственное развитіе и всѣмъ своимъ деспотизмомъ отталкивала отъ него своихъ рабовъ—мучениковъ, но и усиливалась убить въ нихъ здравый смыслъ и сознаніе своей человѣчности. Только въ половинѣ минувшаго столѣтія тамъ и здѣсь пріючены уніятскими ксендзами возлѣ костеловъ приходскія *школки*, въ которыхъ, не безъ хлопотъ и усилій со стороны учителей и родителей и не безъ прижимокъ и реакцій со стороны помѣщиковъ, учились иногда грамотѣ и дѣти крестьянъ русскихъ. Короче: Кирѣевскій слишкомъ преувеличилъ ***мимоходомъ*** степень развитія польской шляхты и безъ всякаго экзамена историческаго и фактическаго навязалъ ей такую цивилизацію, десятая доля которой сдѣлала бы ей слишкомъ много чести. Но пусть себѣ горсть шляхты будетъ развита до nec plus ultra, а если между ея развитіемъ и безпримѣрною дикостью средней и низшей части народности зіяетъ пропасть бездонная,—умѣстно ли трактовать о цивилизаціи всей націи?

2.

Приступаемъ къ очерку русской цивилизаціи—и приступаемъ безъ всякой предзанятой мысли. Мы не намѣрены пре-

даваться самоуслажденію и писать панегирики всему русскому потому только, что оно родное наше. Въ дѣлѣ цивилизаціи, Россія не могла стать выше вѣка и обстоятельствъ историческихъ. И она заплатила должную дань безурядицѣ и невѣжеству среднихъ вѣковъ; но ея безурядицы, ея ошибки и незнаніе были такъ своеобразны, такъ тихи и мелки, что ихъ скорѣе можно назвать опытами, которыми предки наши словно испытывали характеръ добра и зла, вырабатывали практическую мудрость. Была и у насъ безурядица, не чуждая варварскихъ эпизодовъ; но она формулировалась какимъ нибудь уложеніемъ, въ ней воплощалась какая нибудь идея, она дѣйствовала во имя какого нибудь принципа. Система, наприм., удѣловъ въ теченіи 3 вѣковъ раздиравшая наше отечество смутами междоусобицъ и доведшая насъ отъ порабощенія литовскаго—до ига татарскаго и потомъ давленія польскаго,—конечно было великое политическое зло; но въ сопоставленіи съ безпримѣрною безурядицею польскою или точнѣе шляхетскою, она была скорѣе благо, нежели зло. Самоволіе шляхты, въ союзѣ съ фанатизмомъ католической пропаганды, вело Польшу по прямой дорогѣ къ вѣрной и скорой погибели, тогда какъ наша система удѣловъ, преподавъ нашимъ предкамъ длинный, практическій урокъ несостоятельности принципа, изъ-за котораго они бились, слабости силъ разрозненныхъ и ослабленныхъ междоусобицами,—прямо вела къ сплоченію и единодушію всѣхъ сыновъ Россіи и породила Александровъ Невскихъ, Димитріевъ Донскихъ, Іоанновъ Грозныхъ, Мининыхъ, Пожарскихъ и другихъ незабвенныхъ сыновъ единой Россіи, а главнымъ образомъ научила забывать, въ минуту общей опасности, личныя, домашнія дрязги и возставать-какъ одинъ человѣкъ-на общаго врага и завистника Россіи. Было у насъ и крестьянство; но, кромѣ личнаго и умѣреннаго труда, оно ничѣмъ не жертвовало боярамъ. Оно не было ни узникомъ, ни мученикомъ; его не тиранилъ ни жидъ, ни панъ, ни ксендзъ, ни жолнеръ, ни панскій оффиціалистъ и служка. Въ случаѣ какихъ либо прижимокъ со стороны землевладѣльца, крестьянинъ могъ свободно переходить къ другому, болѣе снисходительному, предоставлявшему большія льготы своимъ поселенцамъ, а особенно-въ имѣнія церковныя, какъ болѣе льготныя. Крѣпостное право явилось на Руси не такъ давно и не принесло съ собою крестьянину

и половины тѣхъ насилій и несчастій, подъ гнетомъ которыхъ вотще стонало и плакало польское хлопство. Надъ русскимъ крестьяниномъ никто не имѣлъ права жизни и смерти, кромѣ закона и государя; его совѣсть, его убѣжденія не были насилованы. Общинная самоуправа его была крѣпка и de jure и de facto. Какъ скажетъ *міръ*, какъ порѣшится дѣло на *мірской сходкѣ*, такъ тому и быть. Мелкое чиновничество и сутяжничество, которыя такъ размножились было въ Польшѣ, не знакомы были древней Руси, не разоряли, не тиранили нашего селянина. Онъ спалъ покойно, не опасаясь ночью никакого *гвалта*, не дрожа за завтра; не тревожась за безопасность семьи, за личную свободу, за цѣлость имущества. Однажды въ два–пять лѣтъ нарушится обычная тишина, обыденный строй жизни какимъ нибудь государевымъ указомъ, и опять все вступаетъ въ повседневную колею жизни. Не много было въ старой Руси и законовъ; но тѣ, которые были, держались строго. Съ ними не смѣлъ шутить и *думный* бояринъ, и царскій стольникъ, и воевода. Нарушителямъ—одна кара, кто бы ни были эти нарушители. Законъ не былъ у насъ игрушкою шляхты, какъ въ былой Польшѣ. Его буква имѣла жизнь и силу, а главное—смыслъ и пользу общую. Чѣмъ древнѣе наше законодательство, тѣмъ крѣпче опиралось оно на законѣ Божіемъ, на номоканонахъ греческаго самодержавія и православія. Древнее законодательство русское мало различало человѣка–гражданина отъ человѣка–христіанина. Оно было не многосложно, потому—что прежній русскій человѣкъ не имѣлъ и понятія о тѣхъ противозаконностяхъ, которыя порождены цивилизаціей Запада и которыя должно было обуздывать законодательство Рима и цивилизованныхъ имъ націй. Извѣстно, что законъ вызывается фактомъ, что обиліе медиковъ объясняется обиліемъ больныхъ, и распложеніемъ болѣзней. Былъ у насъ и кнутъ—орудіе наказанія грубое и жестокое; но мы не видимъ въ немъ рѣзкаго отличія отъ польскаго *канчука, нагая, тройчатки*. Напротивъ, мы видимъ въ первомъ то громадное преимущество предъ послѣдними его собратіями, что кнутъ, по всей вѣроятности, есть fac simile канчука и проч., и что онъ казнилъ преступленіе, доказанное юридически, на основаніи законовъ, съ утвержденія царскаго; тогда какъ канчуки и другія орудія истязанія человѣческаго бичевали одвихъ только

слабѣйшихъ, всего чаще невинныхъ, православныхъ русскихъ,—бичевали безъ всякаго суда и права, по прихоти капризнаго и безчеловѣчнаго пана, комиссара, эконома, даже ксендза, лакея и жида. Была у насъ и пытка, но она прямое и самое блѣдное подражаніе пыткамъ инквизиціи, такъ что на нее можно смотрѣть, какъ на первое зерно, брошенное на русскую землю рукою европейской цивилизаціи. Были у насъ, наконецъ, самозванцы, Бироны, были бунты и смуты; но главнѣйшими изъ нихъ мы обязаны услугамъ запада, Польши и католичества, испоконъ-вѣку сурово и злобно глядѣвшихъ на громадность и православіе Россіи. Но зато у насъ вовсе не было ни королей-куколъ, ни магнатовъ-королей, ни самоправствъ шляхты, ни оо. іезуитовъ [1]), ни безчестнаго слова honoru, ни liberum veto, ни глумленія надъ закономъ и трактатами, ни заѣздовъ, ни конфедерацій, ни *рокошей*, *куриныхъ войнъ*, ни насилій ума и совѣсти. Свободно у насъ молились по своему въ костелахъ, киркахъ, синагогахъ, мечетяхъ и кумирняхъ. Временно только страдали на Руси раскольники, какъ домашніе измѣнники, какъ выдѣлившіеся изъ своей семьи и Вѣры русскіе, какъ люди, унизившіе и загрязнившіе православіе своими нелѣпыми и нерѣдко вредными для русской гражданственности—толками. Но это зло, ослабѣвая съ временемъ и развитіемъ націи, теперь уже составляетъ, вмѣстѣ съ другими злами, достояніе прошедшаго, смутно волнующее наши воспоминанія.

Говоря объ умственномъ развитіи Россіи, мы, конечно, избѣгаемъ той натяжки, что въ Россіи, въ данный моментъ прошедшаго, образованіе было и раньше и шире польскаго. Мы уже сказали, что Польша, благодаря католичеству, раньше другихъ славянъ, позаимствовалась просвѣщеніемъ сосѣдняго Запада. Мы безпристрастно оцѣнили объемъ и характеръ этого просвѣщенія; мы видѣли вліяніе его на судьбы Польши, и въ восторгѣ за наше любезное отечество, что оно осталось чуж-

---

[1]) Если заботливый Римъ и Польша и посылали иногда ихъ въ Россію, то они никогда тамъ не укоренялись и, по прошествіи всякой смуты, къ которой они привязывали и свою пропаганду, считали себя счастливыми, если не были растерзаны народомъ.

дымъ отъ увлеченія этою стороною западной цивилизаціи и ея результатовъ, что православіе наше отстояло нашу народность, что наша необразованность (по идеѣ запада) защитила насъ отъ софизмовъ, заблужденій и безурядицъ Польши. Въ научномъ отношеніи, мы, правда, стояли далеко ниже Запада, даже Польши; но мы не видимъ, чтобъ эта *отрицательность* прежней Россіи принесла ей какое нибудь *положительное*. зло. Наша неразвитость была такъ невинна, безвредна, безслѣдна, что мы не имѣемъ почти причинъ сожалѣть о необразованности нашихъ предковъ и даже имѣемъ причины радоваться, что культура запада не внесла сомнѣнія въ ихъ голову, порчи въ сердце, что она не видоизмѣнила ни народности, ни православія; а это непремѣнно случилось бы при большемъ развитіи нашихъ предковъ, при возможности неравносильнаго обмѣна идей, неутомимости, фанатизмѣ и ловкости разныхъ пропагандистовъ. Голословное и стойкое *нѣтъ* было несравненно удобнѣй и плодоноснѣе для нашихъ предковъ плохаго аргумента, который легко было опрокинуть діалектикѣ западника-іезуита. Мы знаемъ, что полусвѣтъ иногда несравненно безвреднѣе свѣта, произведеннаго блескомъ молніи или—еще точнѣе—заревомъ пожара. А предки наши именно и озарялись этимъ полусвѣтомъ—тихимъ, безвреднымъ для ихъ слабаго зрѣнія умственнаго. Но—что я сказалъ—полусвѣтъ! они озарялись тѣмъ свѣтомъ тихимъ, неоскудѣвающимъ, который даруетъ жизнь и счастіе, котораго не замѣнитъ никакое *просвѣщеніе* искусственное, человѣческое,—они озарялись свѣтомъ христіанства—*православнаго* христіанства. Этотъ благотворный свѣтъ озарялъ для нашихъ предковъ всѣ *тропинки* ихъ незатѣйливой жизни и предохранялъ ихъ отъ преткновеній, *заблужденій* и паденій. Любовь къ Вѣрѣ, жажда бесѣды *отъ божественнаго*, освѣженіе духа посредствомъ посѣщенія святынь русскихъ, живая и постоянная связь съ церковью, благословеніе и освященіе ею всѣхъ важнѣйшихъ моментовъ жизни, всѣхъ дѣлъ и начинаній, всѣхъ печалей и радостей, обращеніе во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ жизни—частной и общественной, духовной и физической—за совѣтомъ и наставленіемъ къ народному руководителю—пастырю духовному, религіозный взглядъ на всѣ явленія міра и жизни обыденной—были для нашихъ предковъ тою живою и постоянною школою, наука которой непогрѣшима,

просвѣщеніе которой чуждо мрака и разочарованія, образованіе которой, выше всякаго иного, ведетъ только къ истинѣ и добру. Ахъ, скажемъ мимоходомъ, какъ была бы счастлива Россія, еслибъ и всегда наукѣ православной были подчинены всѣ другія, еслибы наше просвѣщеніе озарялось свѣтомъ ученія Христова, отъ него исходило, имъ проникалось и къ нему руководило! Тогда мы были бы свободны отъ многихъ ошибокъ и нестроеній Запада, Польши и нашихъ собственныхъ.

Но свѣтъ православія не всегда былъ единственнымъ просвѣтительнымъ началомъ Россіи, она не вовсе чуждалась и науки человѣческой. Мы знаемъ, что просвѣтитель Россіи христіанствомъ--Равноапостольный Владиміръ, его преемники и православные іерархи русскіе заботились объ учрежденіи народныхъ школъ и заохочивали родителей къ обученію въ нихъ своихъ дѣтей. Школы эти, открытыя первоначально при церквахъ и монастыряхъ, конечно, были нравственно-религіознаго характера и направленія, и не выходили изъ предѣловъ славянской грамотности. Отъ эпохи открытія этихъ школъ ничего больше нельзя требовать. Но съ теченіемъ времени, особенно въ эпоху дѣйствія на западѣ Россіи братствъ, вызванныхъ реакціей западной пропагандѣ, русскія школы являются уже съ болѣе широкою программой и разностороннимъ развитіемъ. Братскія школы въ Кіевѣ, Львовѣ, Вильнѣ (и другихъ мѣстахъ) не уступаютъ уже со стороны предметной краковскому университету и образуютъ безчисленное множество дѣятелей на разныхъ поприщахъ общественнаго служенія. Многіе изъ этихъ дѣятелей стояли неизмѣримо выше на лѣстницѣ образованія современныхъ имъ ученыхъ польскихъ и записали имена свои въ исторію. Не думаемъ, чтобъ авторъ даже Роковаго вопроса осмѣлился причислить эти личности къ итогу людей, составлявшихъ интеллигенцію Польши—потому только, что русскія школы и области, въ которыхъ образовались эти личности, временно стонали тогда подъ деспотіею Польши. Въ ихъ образованіи-чисто-русскомъ, православномъ—не только не было никакихъ примѣтъ цивилизаціи поляковъ, но даже много было признаковъ реакціи этой цивилизаціи, борьбы съ насиліями и затѣями латинопольской пропаганды, вызвавшей эти школы и запечатлѣвшей ихъ ученую дѣятельность особымъ характеромъ,—полемикой съ католицизмомъ, уніею и отстаиваньемъ элемен-

товъ русекой народности предъ натискомъ ксендзовъ и пановъ, всѣми средствами старавшихся ассимилировать ее народности польской. Московская Словено-греко-латинская академія также образовала множество людей, съ честью и пользою послуживших дѣлу нашей Вѣры и отечества.

Мы нисколько не попротиворѣчимъ себѣ, если къ вышесказанному прибавимъ и то обстоятельство, что цивилизація Россіи заторможена была сперва системою удѣловъ, потомъ борьбою съ татарами и Литвой, стоившею Россіи временной утраты западныхъ областей русскихъ, и наконецъ, игомъ татарскимъ. Безъ этихъ остановокъ Россія, сдѣлала бы несравненно больше шаговъ на пути къ разумной и прочной цивилизаціи, нежели ея неразумная сосѣдка, растратившая свои силы въ излишествахъ, фанатизмѣ, путаницѣ и всевозможныхъ безурядицахъ. Сѣмя ученія, посѣянное еще св. Владиміромъ и Михаиломъ, въ теченіи вѣковъ, при пособіи такихъ учителей, каковы были греческіе іерархи; первые просвѣтители Россіи,— дало бы богатые плоды просвѣщенія, еслибы симптомы и ощущенія внѣшней боли не развлекали ея вниманія, не уклоняли ея мыслей и желаній отъ удобствъ и роскоши жизни къ потребностямъ политическимъ, къ сверженію ига чужеземнаго— хоть и легкаго, но все-таки ига. Говоримъ легкаго, потому что Литва, а особенно ханы татарскіе, довольствовались только внѣшнимъ преобладаніемъ надъ Россіею, нисколько не задѣвая, подобно Польшѣ, народнаго чувства, не насилуя вѣры, языка— вообще элементовъ русской народности.

3.

Назвавъ «католичество святымъ», авторъ Роковаго вопроса обнаружилъ самое грѣшное понятіе о святости, самое непростительное незнаніе католичества. Мы не станемъ обсуждать здѣсь догматическихъ и обрядовыхъ отступленій католичества отъ христіанства апостоловъ, первыхъ 9 вѣковъ и первыхъ 7 вселенскихъ соборовъ; эти отступленія ниже всякой критики; онѣ такъ непобѣдимо обличены и опровергнуты православными богословами Греціи и Россіи, что расчетъ съ ними мы признаемъ рѣшительно оконченнымъ, и что на католичество теперь можно смотрѣть, въ догматическо-каноническомъ отношеніи, не

иначе, какъ на религію, въ которой христіанское ученіе смѣшалось съ выдумками и заблужденіями ума и сердца человѣческаго, съ узаконеніемъ страстей, радикально противоположныхъ прямому смыслу заповѣдей Христовыхъ о смиреніи, незлобіи, любви къ ближнему,-ко врагу и проч. Поэтому мы можемъ теперь бросить бѣглый взглядъ на внѣшній только характеръ католичества и отношенія его къ своимъ прозелитамъ и исповѣдникамъ.

Человѣку захотѣлось стать *на мѣстѣ* Христа, усвоить себѣ непогрѣшность—свойство приличное единому Богу, —и явилось католичество. Такимъ образомъ въ основѣ католичества такъ же лежитъ гордость, какъ въ основѣ ученія *смирившаго себя до смерти крестной* Христа—смиреніе. Разномысліе догматическое было для епископа римскаго только поводомъ *къ расколу* отъ церкви восточной, апостольской, вселенской. Христосъ сказалъ: *я глава церкви,* но при всемъ томъ *царство мое не отъ міра сего, кто хочетъ быть первымъ, да будетъ изъ всѣхъ* (васъ-апостоловъ) *послѣднимъ и всѣмъ слугою,* а папа сказалъ: я глава церкви, я владыка земной, всѣ епископы вселенской церкви стоятъ ко мнѣ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находились апостолы ко Христу, всѣ цари христіанскіе-мои вассалы, всѣ христіане-мои подданные. Это главный догматъ *Гильдебрандовъ,* которому его пропагандисты весьма часто жертвовали многими другими догматами христіанства. Такая внѣшняя или точнѣе земляная цѣль, лежащая въ основѣ *папства,* естественно требовала усилій меча и плоти къ ея достиженію. Рѣдко оно укоренялось тѣми средствами, какія завѣщаны христіанской миссіи Христомъ и Апостолами. Лукавство и обманъ, золото и происки, мечь и угнетеніе были его миссіонерами,-политическіе виды папы и тѣхъ, которые пожинали плоды его земнаго величія, были главными цѣлями пропаганды католической. Изъ крови, на пролитіе которой вліяло папство посредственно, или непосредственно, собранной въ одинъ бассейнъ, могло бы образоваться море, шире и глубже Чернаго. Изъ людей, истребленныхъ имъ, можно было бы составить государство побольше Италіи. Всѣ почти замѣчательнѣйшія кровопролитія, насилія, жестокости и варварства, осквернившія новѣйшую исторію, такъ или иначе, обязаны папству или своей инициативой, продолженіемъ, усиліемъ, или ре-

зультатами. И крестовые походы, и 30 лѣтняя и 7 лѣтняя войны, и священная лига, и война альбигойцевъ, и рѣзня испанская, изгнаніе мавровъ, истребленіе евреевъ, ужасы инквизиціи, разныя вареоломеевскія ночи–все это плоды то посѣянные, то вырощенные и пожатые миссіонерами папства. И настоящая рѣзня польскихъ революціонеровъ, звѣрская профессія отравителей, вѣшателей, неслыханныя глумленія надъ всѣми правами божескими и человѣческими — возбуждены, усилены, освящены людьми, смѣющими называть себя священниками христіанскими. Но эпизодическая сторона папской пропаганды въ буквальномъ смыслѣ неописанна. Довольно указать на римскій кварталъ евреевъ, на выстрѣлъ ксендза съ каеедры церковной, на похищеніе въ прошломъ мѣсяцѣ еврейской дѣвушки въ Римѣ и насильственное крещеніе ея вопреки протесту родителей, заявленному самому папѣ,–чтобы составить понятіе о тѣхъ *мирныхъ* средствахъ, о характерѣ той *вѣротерпимости, свободы*, о методѣ убѣжденія, какими пользовалось большинство папскихъ миссіонеровъ. Гдѣжъ вы, г. авторъ Роковаго вопроса, нашли ту святость, которую такъ дерзко осмѣлились нѣсколько разъ усвоить католичеству? Въ одной вѣрѣ во Христа, въ нѣсколькихъ догматахъ христіанства, неискаженныхъ папствомъ? Но знаете ли, что *вѣра познается отъ дѣланія*, что *она безъ дѣлъ–мертва*, а съ дѣлами гордости, ненависти, жестокости—богомерзка, анти–Христова. А святость–то именно и усвояется кому либо или отрицается на основаніи дѣлъ святыхъ или грѣшныхъ; и *бѣсы вѣруютъ*, а много ли это прибавило имъ святости? Ужели вы осмѣлитесь сказать, что вѣра кровопійцъ, вѣшателей, большинства настоящихъ польскихъ ксендзовъ—свята? Ужъ не понимаете ли вы вѣру, какъ идею отвлеченную, безъ людей, безъ дѣлъ, безъ жизни? Но едвали вы что либо понимаете въ дѣлѣ вѣры вообще и католической въ частности.

4.

Теперь, прости мнѣ, божественное православіе, что я дерзну сопоставить святость твою со святостью католичества! Ты исповѣдуешь вѣру Христову такъ, какъ Онъ Самъ передалъ ее людямъ, какъ возвѣстили ее міру Его апостолы, какъ уяс-

нили и одогматизировали ее вселенскіе соборы, безчисленный сонмъ святыхъ, великихъ учителей первыхъ 9 вѣковъ христіанства, какъ держала ее церковь вселенская. Въ тебѣ все свято, все духовно; никакой наростъ суетной мысли человѣческой, ни какая страсть грѣховная не сквернятъ чистоты твоего ученія, твоей миссіи. Мирно и тихо озаряло ты умы и сердца всѣхъ приходившихъ къ тебѣ и соприкасавшихся съ тобою. Ни одной капли крови не потребовало ты отъ своихъ прозелитовъ за блаженство принадлежать къ избранному стаду Христову. Тогда какъ иное вѣрованіе шло съ мечемъ и разрушеніемъ въ среду чуждую, ты несло съ собою только миръ и любовь къ пріемлющимъ и состраданіе къ упорнымъ. Ни Христосъ, ни Апостолы, ни равноапостольный Константинъ, ни равноапостольный Владиміръ, ни Кириллъ и Меѳодій, ни всѣ другіе просвѣтители невѣрныхъ, возвѣщавшіе міру православное ученіе, не обагрили своихъ чистыхъ рукъ, святости своихъ подвиговъ и одною каплею крови человѣческой. Однажды только апостолъ Петръ извлекъ мечъ; но и это онъ сдѣлалъ для отраженія насилія, а не для успѣха проповѣди. А *намѣстники* Христа, а *преемники* Петра изъ всего богатаго наслѣдія Петрова, едвали не воспользовались въ дѣлѣ миссіи однимъ его мечемъ. Нѣтъ въ тебѣ, святое православіе той напыщенности, аффектаціи, той суеты, тѣхъ внѣшнихъ приманокъ, льстящихъ оку и слуху, потакающихъ уму и сердцу человѣка, которымъ, послѣ прямаго насилія, едвали не обязано католичество большинствомъ своихъ прозелитовъ; но это потому, что ты *горняя мудрствуешь, а не земная*, что эти грѣшныя приманки противны характеру и дѣятельности твоего небеснаго Учителя, что *красота* твоей церкви, какъ *дщери царевой, внутрь*, что ты считаешь оскорбленіемъ святыни, глумленіемъ надъ христіанствомъ всякое земное попеченіе, всякое страстное движеніе, святотаинственно вносимое неразуміемъ или прихотью человѣка въ духовное отишіе славословія христіанскаго, которое можетъ быть богато содержаніемъ и безъ казистости формы, можетъ проникать и питать душу безъ расчета на пріятное щекотаніе и питаніе внѣшняго человѣка.

Эти два средства—насиліе и приманка внѣшняя,—конечно, и были причиною того, что католичество насчитываетъ въ числѣ своихъ прозелитовъ около 60 милльоновъ больше цифры

православныхъ. Пусть себѣ католичество восторгается громадностью своей цифры; православіе не будетъ ему завидовать. Оно сожалѣетъ какъ о прозелитахъ по неволѣ, такъ и о христіанахъ титулярныхъ, но не ищетъ ихъ. Оно вѣритъ, что рано или поздно на землѣ будетъ едино стадо и единъ пастырь и что этотъ пастырь не будетъ княземъ *отъ міра сего*. Иначе не было-бы на небѣ Христа, изрекшаго эти слова и положившаго смиреніе въ основу своей Вѣры, въ попраніе діавола, погубившаго насъ гордостью.

Назвавъ, по этому, православіе *схизмою*, псевдо-*русскій* допустилъ не только фальшь литературную, но и грѣхъ нравственный, изрекъ хулу на Духа Святаго, самъ себѣ произнесъ анаѳему отъ истинной церкви Христовой, — отсѣченіе отъ сонма вѣрующихъ. Въ такихъ важныхъ дѣлахъ, какъ судъ надъ христіанствомъ, разсуждающій не можетъ извиняться невѣденіемъ его; никто не мѣшаетъ этому разсуждающему не говорить, особенно не говорить дерзко и хульно, о томъ, чего онъ незнаетъ, никто не мѣшаетъ предварять свои приговоры изученіемъ предмета. Авторъ Роковаго вопроса и погрѣшилъ именно противъ этого правила здраваго смысла,—онъ доказалъ наглядно, что не только не понимаетъ христіанства, не знаетъ его исторіи, догматики, но даже не понимаетъ и значенія словъ, которыя употребляетъ по наслышкѣ. *Схизма* значитъ расколъ, отдѣленіе. Это названіе столько же прилично католичеству, сколько богохульно въ примѣненіи къ православію. Мы уже замѣтили, что Церковь православная держитъ Вѣру Христову такъ, какъ научилъ самъ Христосъ, апостолы, вселенскіе соборы, какъ держало ее, въ теченіи 9 вѣковъ, все христіанство. Въ X вѣкѣ началось отдѣленіе епископовъ римскихъ отъ церкви восточной, истинной, вселенской—и догматикой, и каноникой и обрядностью. Они исказили догматъ христіанства объ исхожденіи святаго Духа, внесли много противныхъ практикѣ христіанской ученій, толкованій и обрядностей, они поставили *на мѣстѣ* Христа папу. Послѣдній догматъ, какъ внушенный гордостью и страстью господства, былъ исходною точкою схизмы [1]), такъ какъ рим-

---

[1]) Схизма слово греческое—отдѣленіе, расколъ. Въ первый разъ употреблено греками относительно римской церкви, оконча-

скіе епископы, и послѣ отпаденія отъ церкви вселенской, еще долго держали символъ никейскій и только въ XII вѣкѣ окончательно внесли въ свой символъ Filioque, быть можетъ, для извиненія только себя въ расколѣ и въ подтвержденіе того мнѣнія, что римская церковь отдѣляется не изъ одного только желанія первенства и власти надъ другими церквами, но и по разномыслію догматическому. Послѣдующее накопленіе въ католической догматикѣ и практикѣ мнѣній произвольныхъ, толкованій превратныхъ, правилъ антихристіанскихъ,—торговлю грѣхами человѣческими (индульгенціи), легкія правила для безбрачнаго духовенства, вмѣшательство духовенства въ дѣла политическія, кощунственное извиненіе порожденія страстей человѣческихъ примѣрами и превратнымъ толкованіемъ слова Божія и многія другія своеволія,—мы проходимъ молчаніемъ, по причинѣ ихъ безчисленности. Мы увѣрены, что и сказанного весьма достаточно для того, чтобы рѣшить безошибочно вопросъ: что схизма—католичество или православіе; гдѣ схизма—въ той ли Церкви, которая неизмѣнно содержитъ ученіе Христово и доселѣ, или въ той, которая, начиная съ X вѣка вносила и вноситъ до нашихъ временъ въ ученіе Церкви вселенской бездну мнѣній частныхъ, ошибочныхъ, внушенныхъ незнаніемъ, упорствомъ, страстями человѣческими?

Набрасывая очеркъ явленій и характера польской цивилизаціи, мы по преимуществу бросали взглядъ на прошедшее Польши, становились, то есть, на той точкѣ зрѣнія, какую указывалъ намъ авторъ Роковаго вопроса. Съ этой точки зрѣнія польская цивилизація представлялась для здороваго зрѣнія въ такомъ жалкомъ, такомъ уродливомъ видѣ, что мы были бы въ восторгѣ отъ окончанія непріятнаго зрѣлища, если бы

тельно отдѣлившейся отъ единства церкви вселенской въ XI вѣкѣ, но ловкіе іезуиты въ Польшѣ незамѣтно прозвали этимъ греческимъ словомъ, совершенно свойственнымъ латинянамъ, православныхъ жителей западной Россіи, бывшихъ подъ властью Польши и несогласившихся принять унію.

необходимость не ставила насъ на другой точкѣ зрѣнія, съ которой польская цивилизація производитъ на душу зрителя еще болѣе тяжкое и безотрадное впечатлѣніе. Мы разумѣемъ настоящую цивилизацію польскую и спрашиваемъ какой урокъ изъ безумія и безурядицы предковъ извлекли современные намъ потомки шляхты? Подвинулась ли цивилизація ихъ впередъ? Видны ли въ явленіяхъ настоящей рѣзни поляковъ признаки борьбы цивилизованнаго народа? Вопросы эти становятся на очереди по силѣ логической послѣдовательности. Мы думаемъ, что авторъ роковаго вопроса, говоря, что «съ одной стороны борется народъ цивилизованнный, а съ другой варвары, что поляки исполняютъ миссію народа цивилизованнаго среди варваровъ,»—самъ переносилъ вниманіе съ прошедшаго на настоящее, съ предковъ на потомковъ. Мы весьма благодарны ему за этотъ поворотъ зрѣнія какъ потому, что онъ даетъ намъ возможность обозрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ, прослѣдить эпизоды явленія отъ начала до конца, такъ и потому, что изъ отдаленной точки зрѣнія исторической, на которой возможны недосмотры и болѣе или менѣе состоятельная полемика,—онъ переводитъ насъ въ область фактовъ, недавно совершившихся и теперь совершающихся предъ нашими глазами. Чтожъ намъ говорятъ эти наглядные факты?

По мѣрѣ того какъ Польша, парализованная неразуміемъ своихъ передовыхъ и судьбами историческими, двигалась назадъ, Россія широкими шагами летѣла впередъ. Интеллигенція польская, никогда не выходившая изъ предѣловъ самой дикой интеллигенціи шляхетской, никогда не проникавшая въ массы народныя,—въ послѣднее время до того съузилась, что изъ 2 миллъоновъ шляхты мы не можемъ назвать и одного имени равносильнаго въ научномъ образованіи десяткамъ поляковъ временъ Станислава Августа. Даже магнаты польскіе перебиваются самыми сбивчивыми и элементарными свѣдѣніями, самыми своеобразными и отсталыми идейками о различныхъ предметахъ человѣческаго знанія. Теперь въ полякахъ болѣе чѣмъ когда либо притупилась охота къ усидчивымъ занятіямъ наукой, болѣе чѣмъ когда либо усилилось отвращеніе отъ умственныхъ занятій. Листокъ газеты, изрѣдка французскій романъ,—составляютъ весь репертуаръ панскаго чтенія, всю умственную дѣятельность вельможнаго. Учится

сколько нибудь серьезно только бѣдная шляхта, и то большею частію для того лишь, чтобы выдержать экзаменъ, получить мѣсто и служить Россіи, большею частію въ духѣ догматовъ польскаго катихизиса. Этотъ застой умственный есть неизбѣжный результатъ политической судьбы народа, отжившаго свой вѣкъ. Если, съ утратой политической самостоятельности, пало просвѣщеніе Аѳинъ и Рима, то что сказать о просвѣщеніи Польши, которому и некуда было падать—по причинѣ, заключающейся въ латинскомъ афоризмѣ: qui humi sedet, non habet ubi cadat. Народъ, сошедшій съ поля исторіи, мелчаетъ, какъ бы ошеломляется, притупляется ударомъ своего паденія. Пришедши въ себя и опомнившись отъ ушиба, онъ прежде всего ощущаетъ чувство боли и судорожно ищетъ не уничтоженія не возвратныхъ причинъ, а всевозможныхъ средствъ къ излеченію отъ послѣдствій ушиба. Въ примѣненіи къ полякамъ эти наблюденія усложняются и получаютъ новые, индивидуальные и разнообразные оттѣнки. Полякъ не только утратилъ политическую самобытность, но и много другихъ внѣшнихъ благъ, безъ которыхъ жизнь для него хуже смерти. Ему не до науки, когда у него нѣтъ ни короля, ни отчизны, когда у него вырвали изъ рукъ его холопа и жида арендаря, и толпу челяди, когда законы порядка и прогресса не позволяютъ ему разныхъ средневѣковыхъ *фацецій*, когда эти законы защитили диссидента, положили конецъ разной пропагандѣ и всѣмъ проявленіямъ дикаго произвола. При такомъ накопленіи золъ, учиться некогда,—нужно интриговать у сильныхъ земли, лгать и клеветать по всему свѣту на мнимыхъ враговъ, обдумывать средства къ сверженію воображаемаго ига, бродить по всему лицу земли, пѣть Лазаря предъ разными національностями, умолять о подачѣ политической милостыни, сѣять ковы, затѣвать бунты противъ Россіи, подущать къ возстанію противъ нея русскій народъ, войско, православное духовенство, даже семинаристовъ, костюмироваться, пѣть пѣсни, потомъ колоть, рѣзать, мучить, вѣшать,—ну словомъ—теряться въ разнообразіи неотложныхъ занятій, не оставляющихъ для какихъ либо другихъ занятій ни свободной головы, ни лишней минуты. 15 лѣтъ понадобилось для этихъ занятій однажды, болѣе 30 лѣтъ въ другой разъ, и вотъ цѣлая половина столѣтія прошла въ обученіи себя и другихъ бунтовать противъ Россіи.

Переходить ли отъ цивилизиции мысли, къ цивилизаціи дѣла польскаго? Едвали это необходимо. Этой цивилизаціи—бытовой, которая собственно и есть цивилизація, такъ мало у поляковъ, какъ ни у какого народа, ни въ какой націи. Торговля, фабричность, агрономія, удобства путей сообщенія—почти неизвѣстны были въ самостоятельной Польшѣ. Въ рукахъ жидовъ были всѣ капиталы, всѣ денежныя операціи. Единственная машина, которою умѣли владѣть руки шляхетскія,—это плеть и экономъ. Ими онъ выжималъ изъ мучениковъ—холоповъ изолото и любимыя наслажденія жизни. Въ случаѣ оскудѣнія перваго, являлся *панъ арендаръ* съ предложеніемъ своихъ услугъ подъ кондиціей адскихъ процентовъ. Только винокуренные заводы, самаго жалкаго устройства, были неизмѣнною принадлежностью оседлищъ панскихъ,—какъ производители того элексира, въ которомъ отчаяніе холопа находило источникъ своихъ, достойныхъ плача, радостей—или точнѣе—минутное забвеніе своего горя, нищету, окончательное помраченіе смысла человѣческаго, болѣзнь и смерть преждевременную. Если въ послѣднее время и пробудилась нѣсколько коммерческая дѣятельность Польши, тамъ и здѣсь явились разные заводы, то этимъ улучшеніемъ она обязана русскому законодательству, тарифу, инициативѣ и поощренію. Но, сколько ни дѣлало въ этомъ родѣ льготъ и пособій русское правительство, польскіе помѣщики не сьумѣли воспользоваться, какъ слѣдуетъ, его благодѣтельной опекой. Лишенные отъ природы оборотно—финансовой сметливости, они дѣйствовали чужимъ умомъ и руками, а менторы—аферисты, подмѣтивъ ихъ меркантильную ограниченность, весьма легко и очень скоро прибрали къ рукамъ ихъ капиталы, поставляли въ необходимость надѣлать *тратъ*, превышающихъ стоимость недвижимаго имѣнія и выпускали своихъ вѣрителей изъ рукъ легкими, какъ воздухъ, или, какъ выразился одинъ полякъ, przez dwa *ł*, gołłymi (нищими).

Если на чемъ, то на имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ напечатлѣны слѣды ихъ *цивилизаціи*—прошедшей и настоящей. Не сравниваемъ этихъ имѣній съ помѣстьями русскихъ дворянъ; онѣ внѣ всякаго сравненія. Все что можетъ быть создано самымъ сильнымъ воображеніемъ бѣднаго, грязнаго, отсталаго—все это далеко будетъ выше нищеты, неопрятности, дикости лачуги несчастнаго холопа, его самаго, его быта домашняго. Въ югозапа-

дной Россіи злополученіе этой шляхетской жертвы не такъ еще поразительно: тамъ паны смутно припоминаютъ Гонтъ, Желѣзняковъ, и другія не совсѣмъ любезныя личности, при воспоминаніи которыхъ проходитъ морозъ по кожѣ панской; тамъ мѣстность болѣе открыта, болѣе доступна для блюстителей порядка и закона. Но въ Литвѣ, особенно Бѣлоруси, гнетъ польской *цивилизаціи* всею своею тяжестью обрушился на беззащитный и безмолвный народъ. Когда своротишь съ почтовой дороги, ѣдешь чрезъ тамошнія оседлища и посмотришь вокругъ себя, сердце зжимается отъ боли, при видѣ окружающей путника неописанной пустоты и дикости. Какъ будто гнѣвъ Божій прошелъ по этой злополучной мѣстности, какъ будто назадъ тому тысячу лѣтъ окаменѣли эти люди, эти оседлища дикарей. Закоптѣлыя отъ дыма, полуистлѣвшія отъ времени и другихъ причинъ—избы кажутся издали большими муравейниками, выходящіе изъ нихъ люди—схудалыми орангутанами, дѣти—обезьянами. Домашнее животное—рѣдкость, даже собака дика, тоща, безобразна. На всякомъ шагу признаки самаго безотраднаго бытія—безъ счастья, безъ радостей, безъ надежды, безъ довольства и охоты къ существованію. Не увидите вы ни службъ, ни скирдъ. Человѣкъ не знакомъ съ хлѣбомъ, онъ отъ Покрова до новаго хлѣба питается корою, грибами и разными сырыми продуктами природы, причиняющими повальныя болѣзни и уносящими преждевременнно въ могилу $^1/_5$ народонаселенія. *) Плывущіе въ Ригу судовщики и ѣдущіе по почтовымъ дорогамъ каждое лѣто видятъ людей—призраковъ, стоящихъ по обѣ стороны Двины и кланяющихся въ землю. Это они просятъ у судовщиковъ и проѣзжихъ хлѣба, и когда его получатъ, то грызутся за ломоть съ остервененіемъ голодныхъ

*) Въ витебской губерніи самый зажиточный, по тамошнему понятію, крестьянинъ не знаетъ другаго хлѣба, кромѣ *пущного*, т. е. пополамъ съ мякиною, а бѣдные запасаются такимъ хлѣбомъ только къ пасхѣ (и то не всѣ)который называютъ пирогомъ; мясною же пищею лакомятся только (и то весьма не многіе) осенью, да въ Рождественскіе праздники, по огромное большинство изъ нихъ въ Пасху разговляется только вышесказаннымъ пирогомъ, да яйцомъ.

собакъ, грызущихся за брошенную имъ кость. Вотъ вы стоите на берегу Днѣпра, Припети, Березины, Двины, Нѣмана и видите какъ какія то животныя, по допотопной системѣ судоходства, съ ужасною натугой, толкаютъ длинными шестами противъ теченія тяжеловѣсное, непослушное, будто стоящее на одномъ мѣстѣ, судно: это литвины и бѣлорусцы, нанятые судовщиками по контракту у помѣщиковъ на весь сезонъ судоходства, разлученные на 8 мѣсяцевъ съ семьями, осужденные на работу тяжелѣ каторжной, беззащитные отъ всѣхъ суровостей и непостоянствъ погоды, спящіе не болѣе 5 часовъ на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ. Если вы подумаете что эти люди—машины принесутъ по крайней мѣрѣ на зиму голодной семьѣ на ея нужды 20–30 рублей,—вы сдѣлаете слишкомъ торопливое заключеніе. Все, что выработаетъ несчастный тяжелымъ трудомъ и лишеніями, безъ раздѣла поступитъ въ кассу панскую; благо, если *милостивый* панъ заплатитъ подушный окладъ за труженика, и это случается очень рѣдко. Вотъ вы проѣзжаете сосновымъ лѣсомъ; издали замѣчаете густые клубы дыма, плавающіе надъ боромъ; приближаетесь къ дымовищу и замѣчаете громадную насыпь, изъ средины которой, какъ изъ жерла сопки, валитъ густой дымъ, замѣченный вами издали. Вотъ изъ земли поминутно выбѣгаютъ или исчезаютъ подъ землею какія-то черныя привидѣнія. Если вы не имѣете никакого понятія о содержаніи этой сцены и ея декораціи и если вы владѣете пламеннымъ воображеніемъ, вы можете думать, что подъѣхали къ аду и лицемъ къ лицу познакомитесь съ чертями; между тѣмъ это—просто смоляной заводъ— съ его, правда, немножко адской обстановкой,—смолой, дымомъ и муками. Въ этомъ аду—или, пожалуй смоляномъ заводѣ—холопъ можетъ отстрадать какое угодно прегрѣшеніе. Большей, продолжительнѣйшей пытки человѣка сочинить невозможно. На суднѣ порядочнаго хозяина, *погонщикъ* будетъ, покрайней мѣрѣ, накормленъ такъ, какъ онъ никогда не кормится дома; а на смоляномъ заводѣ поддерживаютъ пищей жизнь и силы работника въ такой лишь мѣрѣ, чтобы не умерли рабочія руки. Но можно ли въ журнальной статьѣ исчислить,—тѣмъ болѣе описать всѣ пытки, лишенія, униженія, отъ которыхъ еще такъ недавно страдалъ холопъ панскій! Эпизоды эти могутъ быть исчерпаны только фоліантами, описаны перомъ—краснорѣчивѣе и досужѣе нашего.—Въ

Польшѣ жилось народу нелучше, чѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруси. И тамъ и здѣсь онъ равно страдалъ отъ пановъ жидовъ и подпанковъ.

Быть можетъ въ этомъ злополучіи литовскаго и бѣлорусскаго холопа принимаетъ участіе безплодіе тамошней почвы и неблагодарность земледѣльческихъ занятій? Отчасти принимаетъ, но не настолько, чтобы ему можно было приписать хоть $1/_{10}$ злополучія земледѣльца. Еслибъ его трудъ и время принадлежали ему хоть на половину, онъ могъ бы жить привольнѣй и счастливѣе малоросса. Онъ могъ бы заняться и въ погонщики судна, но только на одинъ какой нибудь рейсъ, работалъ бы на себя, работалъ безъ отчаянія и возвратился бы домой безъ увѣчья и съ достаткомъ. Онъ могъ бы заняться извозомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ, выдѣлкою холста, охотой, рыбною ловлей, собираніемъ ягодъ, грибовъ и другими промыслами, для которыхъ представляетъ столько благопріятныхъ шансовъ разнообразіе окружающей его природы. Это доказывается тѣмъ, что рядомъ съ нищими, умирающими съ голоду идіотами—крестьянами помѣщичьими, извѣстные намъ казенные крестьяне и жители многихъ мѣстечекъ живутъ такъ богато и счастливо, какъ не живутъ нигдѣ простолюдины въ малороссіи.

Даже инвентарное положеніе нисколько не могло защитить тамошняго крестьянина отъ произвола панскаго. Во многихъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруси крестьяне не знали даже объ его существованіи до 19 февраля 1861 года, когда имъ было сказано и растолковано что временно обязанные крестьяне должны состоять два года въ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ, указанныхъ инвентарнымъ положеніемъ. Свои люди–земская полиція не считали нужнымъ раскрывать глаза народу и принимать сторону слабѣйшихъ и беднѣйшихъ. При первомъ стонѣ и воплѣ жертвы, у нея на незажившихъ ранахъ отъ экономскихъ *канчуковъ*, ложились раны отъ чиновничьихъ розокъ. чувствительныхъ если не качествомъ, то количествомъ. Вообще нужно быть слѣпцомъ или идіотомъ, чтобы не видѣть фактовъ, подтверждающихъ ту истину, что большинство (исключенія есть, но онѣ рѣдки) современной намъ шляхты не воспользовалось опытами прошедшаго и не сдѣлалось, въ отношеніи къ своимъ холопамъ, ни умнѣе, ни терпеливѣе, ни гуманнѣе.

Далѣе: если «съ одной стороны борется народъ цивилизованный, съ другой варвары;» то и пріемы борьбы съ первой *стороны* должны быть достойны народа цивилизованнаго. Таковы ли пріемы борьбы поляковъ, которыхъ авторъ Роковаго вопроса, конечно, относитъ къ первой категоріи—къ группѣ народовъ цивилизованныхъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ едвали было бы нужно, еслибы псевдо-*Русскій* не вызвалъ насъ на эту грустную необходимость. Въ полякахъ, взбунтовавшихся противъ законной власти, не только не видно людей цивилизованныхъ, но даже не видно почти *людей*. Это скорѣе стадо кровожадныхъ животныхъ, одержимыхъ водобоязнью. Въ ихъ звѣрствѣ нѣтъ признаковъ ни мысли человѣческой, ни чувства. Вся способность мышленія какъ будто расходуется на изобрѣтательность пытокъ и казней, которымъ эти животныя подвергаютъ лучшихъ изъ людей—честныхъ патріотовъ, христіанъ. Еслибы бунтующіе поляки были цивилизованные люди, еслибъ они были хоть просто-люди, они бъ уважали въ другомъ честное исполненіе долга, присяги, не насиловали бы чужихъ убѣжденій, уважительно относились бы къ свободѣ, во имя которой они совершаютъ не бывалыя въ исторіи насилія. А между тѣмъ, какую грустную картину рисуетъ предъ нами борьба этихъ цивилизаторовъ! Среди Европы будто появилась шайка дикарей, превзошедшихъ всѣхъ дикихъ жаждою крови, оригинальностью истребленія, звѣрскимъ глумленіемъ надъ тѣломъ человѣческимъ, усладою предсмертными страданіями человѣка. Этихъ дикарей ничто не удержало отъ исполненія ихъ гнусныхъ намѣреній: ни здравый смыслъ, ни совѣсть христіанская, ни слезы женъ, матерей, младенцевъ, ни мольбы цѣлыхъ обществъ, ни видъ истерзаннаго, изуродованнаго, покрытаго висящими кусками мяса, тѣла обреченной на мученическую кончину жертвы. Вотъ они вѣшаютъ человѣка на его кишкахъ, глумятся надъ благороднымъ трупомъ безоружнаго, русскаго генерала, бьютъ, терзаютъ, потомъ вѣшаютъ нашихъ плѣнныхъ героевъ,—раненныхъ солдатъ и офицеровъ, священниковъ безчисленное множество мирныхъ гражданъ [1]); вотъ они приби-

[1]) По нашему мнѣнію самое законное и раціональное средство къ ослабленію польскаго террора, къ наказанію за варварство и къ защитѣ мирныхъ гражданъ и плѣнныхъ героевъ рус-

ваютъ къ груди четырьмя гвоздями паспортъ мученика и вѣшаютъ его, другаго, съ отрубленными пальцами на рукахъ и ногахъ, водятъ нагимъ по селу, сѣкутъ его тѣло сабельными ударами, потомъ вѣшаютъ за ноги, иного вѣшаютъ за руки и ноги грудью внизъ; вотъ они разрываютъ беременную женщину порохомъ, другую беременную вѣшаютъ, и когда она, въ предсмертныхъ судорогахъ, ронила младенца, вѣшаютъ его рядомъ съ матерью. Еслибъ эти факты не были заявлены оффиціально мы бы подумали, что намъ пригрезился страшный сонъ, что этотъ сонъ перенесъ насъ въ мрачныя подземелья инквизиціи, въ страну людоѣдовъ временъ давно прошедшихъ. Закроемъ глаза, чтобы не видѣть этихъ страшныхъ и безобразныхъ эпизодовъ изступленія польскихъ разбойниковъ, до какихъ не унижались ни какіе другіе; заткнемъ уши, чтобы не слыхать этихъ раздирающихъ сердце предсмертныхъ воплей жертвъ польскаго умоизступленія, дикаго изувѣрства варваровъ, извѣстныхъ подъ именемъ ксендзовъ; этихъ жертвъ тысячи. Это ли война людей цивилизованныхъ, христіанъ, европейцовъ половины XIX вѣка, это ли война людей! А между тѣмъ никто не смѣетъ сказать, чтобъ этой отвратительной профессіей занималось меньшинство дикарей—безъ сознанія и чувства. Смертные приговоры формулируются какимъ-то адскимъ, подземнымъ правительствомъ, неслыханныя варварства совершаются почти ежедневно во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля осквернена присутствіемъ мятежниковъ,—предъ глазами толпы злодѣевъ, по приказамъ ея предводителей. Если присовокупить къ этому душегубству грабежъ, казнокрадство, поджоги, ложъ, обманъ, клятвопреступленіе; то составится полная характеристика борьбы *цивилизованной* Польши съ *варварскою* Россіей. Вотъ какова, г. псевдо-*Русскій*, борьба тѣхъ людей, которыхъ вы, въ какомъ-то умопомраченіи, назвали цивилизованными и цивилизующими.

скихъ отъ звѣрства бунтовщиковъ состоитъ въ томъ, чтобы за всякаго убитаго мятежниками плѣннаго солдата русскаго было повѣшено 2 болѣе преступныхъ бунтовщика, за мирнаго гражданина и стражника 3, за офицера и священника 4. Эта мѣра и радикальна, и законна, въ отношеніи къ тройнымъ преступникамъ,—а главное—ее требуетъ чувство народнаго негодованія.

Обратимъ медаль на другую сторону и посмотримъ на *варварство* русскихъ. Со времени Алексѣя Михайловича, Россія является если не съ блистательною цивилизацією Запада, то скромною, но надежною цивилизацією православнаго общества, съ прочнымъ государственнымъ строемъ, крѣпкимъ законодательствомъ, замѣчательнымъ, судя по времени, административнымъ механизмомъ, замѣтнымъ вліяніемъ на дѣла Польши и другихъ сосѣднихъ державъ, возвратомъ югозападной сестры Россіи въ семью родную. Великій Петръ круто повернулъ Россію къ цивилизаціи Запада и насколько оказалъ услугъ нашему отечеству ознакомленіемъ его съ внѣшнею стороною цивилизаціи сосѣдей, на столько уменьшилъ эти заслуги упорнымъ сглаживаньемъ нѣкоторыхъ нашихъ, чисто—національныхъ идіотизмовъ, между которыми не всѣ были безусловно отвратительны и заслуживали казнь жертвоприношенія и предпочтенія чуждымъ наростамъ, не всегда красивымъ и удобно развивающимся на неудобной для нихъ почвѣ. Но во всякомъ случаѣ царствованіе великаго героя полтавскаго, предъ которымъ трепетала Швеція и Польша, которому удивлялась Европа, есть такое царствованіе, которому подобнаго не можетъ противопоставить дикая и безпутная цивилизація Польши. Но вотъ, послѣ темныхъ пятенъ, брошенныхъ на нашу исторію нѣкоторыми временщиками, исходитъ на поприще историческей дѣятельности Екатерина II. Не даромъ потомство усвоило ей названіе великой. Въ продолжительное и мудрое ея царствованіе Россія окрѣпла внутри, сдѣлалась если не любезною, то хоть страшною для сосѣдей. Славныя побѣды надъ врагами, великолѣпные трактаты, присоединеніе къ своему цѣлому оторванныхъ въ смутную для Россіи годину ея частей, пріобрѣтеніе Крыма и прекраснаго уголка, вошедшаго въ составъ подольской губерніи, народное богатство, непобѣдимая армія, прочное законодательство, мудрая дипломатія и администрація, высокая степень просвѣщенія, великолѣпнѣйшій въ Европѣ дворъ—все это дѣлало царствованіе Великой одною изъ блистательнѣйшихъ эпохъ русской исторіи. Славныя имена Суворова, Орлова, Потемкина, Румянцева, Разумовскаго, Бецкаго, Конисскаго, Державина и многихъ другихъ незабвенныхъ дѣятелей на поприщѣ гражданскомъ, церковномъ и ученомъ—составляютъ дивную группу мужей толпящихся возлѣ престола Вели-

кой, словно звѣздъ вокругъ луны. А *цивилизованная* Польша—и словомъ и дѣломъ—говорила въ эту эпоху Россіи и ея повелительницѣ: całuę nóżki, трепетала предъ ея силой и цивилизаціей, продавала ей свою *ойчизну* и, не краснѣя, расписывалась въ нашемъ посольствѣ по французски въ полученіи горсточки русскаго золота, сообразной вѣсу и вліянію на дѣла такаго или другаго пана. Еслибъ у Александра I былъ одинъ только—1812 годъ царствованія, и тогда оно было бы безпримѣрнымъ въ исторіи. Прогнать изъ Россіи Европу, умиротворить ея крамолы, низложить исполина, предъ которымъ она колѣно-преклонялась,—все это подвиги, доставшіеся въ удѣлъ *варварской* Россіи. Безпримѣрно величава незабвенна была бы эта страница нашей исторіи, если бы тотъ, кто вписывалъ въ нее міровыя дѣянія, былъ умѣреннѣе въ своемъ великодушіи и предусмотрительнѣе въ оцѣнкѣ личностей, на которыхъ безразлично изливалась его благость. Мы разумѣемъ конституцію 1815 года, дарованную полякамъ Александромъ I, противную мысли державъ, принимавшихъ участіе въ вѣнскомъ конгрессѣ и потому ни одною изъ нихъ не гарантированную,—едва не подчинившую другой разъ Польшѣ областей русскихъ, породившую 30 годъ,—вообще,—допустившую ту ошибку, что поляки умѣютъ цѣнить милость и незлобіе Россіи, что ихъ можно держать въ предѣлахъ порядка и чести безъ репрессивныхъ мѣръ, что они народъ здравомыслящій, гуманный, цивилизованный, дружелюбный. Австрія и Пруссія избѣжали этой ошибки, раціональнѣе воспользовались статьею вѣнскаго трактата (*дать раздѣленнымъ частямъ Польши такую форму политическаго бытія, какую найдетъ полезнымъ* (конечно, не для несуществующей Польши) *и приличнымъ* (convenable) *признать за ними каждое изъ предержащихъ правительствъ*),—а потому, кромѣ *пассивной въ отношеніи къ полякамъ* галиційской сцены 46 г., въ нихъ ничего не было похожаго на 30, 31, 62 и 63 годы. Не говоримъ о другихъ правахъ вѣка Александра I на названіе его блестящей эпохой цивилизаціи *Русской,*—на безчисленное множество сподвижниковъ Благословеннаго на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, цвѣтущую литературу, мудрое законодательство, величіе и неприкосновенность Россіи со внѣ, внушенную 12 годомъ, замѣтное процвѣтаніе торговли, фа-

брикацiи, народнаго богатства, отразившееся и на злополучной, разоренной смутами и безурядицей шляхты, нищей Польшѣ [1]).

Твердое, русское царствованiе Николая I сдѣлало Россiю могучею, страшною для враговъ, спокойною внутри, богатою, побѣдоносною. Славныя побѣды въ Персiи, Турцiи, усмиренiе польскихъ скопищъ, поглумившихся надъ великодушiемъ Россiи въ 30 г., разгромъ Варшавы, погашенiе венгерской революцiи, которой обще-европейскiй характеръ и услуга оказанная Николаемъ I Европѣ оцѣнены по достоинству не многими лишь дальновидными умами, 11-мѣсячная защита Севастополя, осажденнаго 4 великими державами,—все это дѣянiя не обыденныя, не случайно доставшiяся въ удѣлъ народу *варварскому* среди цивилизованной Европы. Но это одна только страница исторiи незабвеннаго *Русскаго* Монарха,—другiя не менѣе грандiозны и богаты содержанiемъ. Процвѣтанiе наукъ и искуствъ, торговли внѣшней и внутренней, приведенiе въ систему русскихъ законовъ незабвеннымъ въ русской исторiи Сперанскимъ, улучшенiе путей сообщенiя, устройство городовъ, украшенiе ихъ монументальными зданiями и безчисленныя другiя общественныя работы, улучшенiя—составляютъ славные эпизоды царствованiя Николая I [2]).

Чего не сдѣлалъ Отецъ, то окончилъ Сынъ. Задачей Николая I была крѣпость и богатство Россiи, заботой нынѣ царствующаго Императора Всероссiйскаго Александра II—ея счастiе и благоразумная свобода. Мы не смѣемъ быть историками современнаго намъ Повелителя Россiи; но мы увѣрены, что Его имя будетъ озарено въ исторiи и памяти русскихъ такимъ ореоломъ величiя, такою вѣчною признательностью, какiя едвали доставались въ удѣлъ кому либо изъ вѣнценосцевъ. Къ чему говорить о повседневныхъ улучшенiяхъ, преобразованiяхъ, совершающихся предъ нами, о начатыхъ и продолжающихся

---

[1]) Царствованiе Александра I составляютъ эпоху начала и развитiя искуствъ, торговли, промышленности, художествъ просвѣщенiя и фабричности въ Польшѣ.

[2]) Полный обзоръ дѣятельности императора Николая I можно найдти въ статьѣ г. Новицкаго: „Голосъ служиваго и проч."— помѣщенной въ 7 кн. Вѣстника II отд. стр. 1—26.

прогрессивныхъ работахъ, не забывшихъ ни одного сословія, объемлющихъ всѣ отрасли общественной жизни,—когда мы можемъ съ гордостью и признательностью указать на такія дѣла Александра II, каковы свобода крестьянъ, просвѣщеніе народа, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, введеніе гласнаго судопроизводства, опыты общиннаго управленія, выборнаго начала и проч.

Что касается современнаго просвѣщенія Россіи, намъ совѣстно даже сопоставить его съ невѣжествомъ Польши. Кромѣ военно-учебныхъ заведеній и спеціальныхъ школъ, въ Россіи 8 высшихъ общеобразовательныхъ—свѣтскихъ и 5 духовныхъ заведеній. Среднеучебныхъ заведеній въ каждой губерніи не менѣе двухъ; а во многихъ далеко больше, уѣздныя училища и приходскія можно найдти во всякомъ городѣ, сельскія школы—въ всякомъ почти селѣ, даже многихъ деревушкахъ. Кромѣ того сколько военныхъ учебныхъ заведеній! Нѣсколько высшихъ, 12 корпусовъ, цѣлые десятки военныхъ сухопутныхъ и морскихъ школъ и въ каждомъ батальонѣ школа грамотности для солдатъ. А сколько заведеній спеціальныхъ, подвѣдомственныхъ разнымъ министерствамъ!! Въ Россіи издается около 300 періодическихъ изданій,—въ одномъ Кіевѣ 9 и въ томъ числѣ при двухъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 4. Если авторъ Роковаго вопроса насчиталъ при Сигизмундѣ III въ Польшѣ 711 «извѣстныхъ литературныхъ именъ;» то мы можемъ насчитать теперь въ Россіи 71,100 людей, которые могли бы быть учителями польскимъ ученымъ [1]). Современная намъ Россія не только не боится ученаго соперничества съ любой изъ европейскихъ націй, но и можетъ послужить для нихъ образцомъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ *общечеловѣческаго* знанія. Мы думаемъ, напр., что въ Европѣ нѣтъ богослововъ, равносильныхъ нашимъ, что изъ славянскихъ націй, въ числѣ которыхъ мы разумѣемъ и Польшу [2]), ни одна не занимается

[1]) Смотри каталогъ русскихъ книгъ въ Спб. публичной библіотекѣ. Въ сравненіи съ числомъ названій русскихъ книгъ и брошюръ, напечатанныхъ по настоящее время, весь итогъ польской литтературы равняется почти 0.

[2]) У поляковъ вовсе нѣтъ и исторіи, потому что ослѣпленные патріотизмомъ ихъ писатели боятся заглянуть въ источники,

такъ серьозно, такъ повсемѣственно собраніемъ и разработкою своихъ историческихъ матеріаловъ, какъ Россія, что едвали въ какой либо изъ нихъ есть (какъ у насъ) во всякомъ второстепенномъ (нашемъ губернскомъ) городѣ по 2 полуоффиціальныхъ періодическихъ изданій. Правда, мы слабѣе другихъ по части наукъ точныхъ, естественныхъ, по части фабрикаціи различныхъ предметовъ роскоши; но это потому, что наше вниманіе устремлено на изученіе предметовъ *первой* потребности, что Россія есть нація мирныхъ и скромныхъ земледѣльцевъ, которая не чувствуетъ особенной привязанности къ игрушкамъ моды, не охотно перековываетъ серпы на мечи. Но когда кто либо *заставитъ* насъ сдѣлать это, мы скоро докажемъ *практически*, что если не пристрастны къ роли учителей военной науки, то съумѣемъ быть понятливыми и прилежными учениками. Вотъ мы 7 лѣтъ не знали рекрутской повинности, спокойно занимались мирнымъ улучшеніемъ своего быта, вовсе упустили изъ виду жалкое искуство человѣкоистребленія, но если кто вызоветъ насъ на необходимость самозащищенія, мы съумѣемъ вооружиться поголовно и докажемъ нашимъ супостатамъ, что мы не боимся ихъ числа, безстрашно смотримъ на ихъ кровожадное искуство. Мы не пѣняемъ себя за недостатокъ желѣзныхъ дорогъ, мы знаемъ, что это недостатокъ и восполнимый и относительный. У насъ и теперь есть этихъ дорогъ столько, что ихъ стало бы на всю Францію, на 20 германскихъ княжествъ. А наша дипломатія, кажется, дала порядочный урокъ здравомыслія и честности цивилизованной Европѣ. При такомъ состояніи умственнаго развитія современной намъ Россіи, мы весьма основательно можемъ смотрѣть на поляковъ, какъ на варваровъ [1]).

зная напередъ, что они не въ пользу ихъ національной пропаганды. Пресловутый ихъ Лелевель, когда заговоритъ о Россіи, всегдѣ поражаетъ читателя грубымъ незнаніемъ источниковъ исторіи этаго государства и плететъ, что ни попало,

[1]) Въ настоящее время народъ въ Польшѣ несравненно необразованнѣй и безграмотнѣе не только велико-русскаго, но и мало и бѣло-русскаго.

Эта истина дѣлается еще нагляднѣе при сравненіи быта народнаго *цивилизованной* Польши и *варварской* Россіи. Въ Польшѣ назадъ тому только около года, народъ получилъ, благодаря человѣколюбію настоящаго своего Короля, нѣкоторое различіе отъ средне-вѣковыхъ холоповъ. Даже въ областяхъ русскихъ, временно-страдавшихъ отъ произвола панскаго, видна и доселѣ какая-то дикость и запуганность народа, апатія ко всякой предпріимчивости и перемѣнѣ къ лучшему. Рѣдкій малороссъ поѣдетъ въ Крымъ, на Донъ, за солью, соленой рыбой. Этимъ промысломъ и ограничивается вся его меркантильность, а кубышкою *карбованцовъ*, закопанною въ землю и нерѣдко невѣдомою потомству—все народное богатство. Никакая мелочная торговля не внесла доселѣ въ его домашній бытъ никакихъ почти удобствъ и улучшеній. «На що воно для мужика» отвѣтитъ вамъ малороссъ и бѣлороссъ, когда вы ему укажете на какое нибудь неряшество въ его обстановкѣ и самое незатѣйливое удобство и улучшеніе его быта. Онъ считаетъ преступленіемъ исходъ изъ состоянія той дикости, съ которою познакомили его *милостивые*. Такъ велика сила привычки! Но лишь только вы очутитесь по лѣвую сторону Днѣпра, какъ перемѣна декораціи поразитъ ваши чувства; вы готовы подумать, что попали въ другое полушаріе. Вмѣсто гадкой, жидовской корчмы, съ отвратительнѣйшею *стодолой*, (конюшня) и рѣдкимъ неряшествомъ, вамъ привѣтливо улыбнется веселый, опрятный, постоялый дворъ, гдѣ васъ не обсчитаютъ, не обмѣрятъ, не обвѣсятъ, не подадутъ увѣчнаго, покрытаго мѣдянкой самовара. Люди смотрятъ веселѣе, внѣшность ихъ опрятнѣе; сознаніе довольства и самобытности сквозитъ въ ихъ взорахъ и манерѣ. Кое-гдѣ у вольнаго козака вы подмѣтите и самоваръ. Изба бѣла, чиста-внутри и снаружи. Ослѣпительной бѣлизны постройки весело выглядываютъ сквозь зелень черешенъ, яблонь и вишень. Отразу видно, что этотъ народъ далеко раньше своихъ сосѣдей разстался съ польской цивилизаціей. Чѣмъ дальше подвигаетесь вы въ Россію (великую), тѣмъ декорація дѣлается роскошнѣе, народъ богаче, веселѣе. Мужичокъ калужскій, ярославскій уже смотритъ бариномъ. Его позвоночный хребетъ держитъ прямую линію,—онъ не привыкъ изгибаться. Бойкость и сметливость виднѣются въ его голубыхъ глазахъ, въ его физіономіи. Избы крыты тесомъ,

въ избахъ чисто, просторно; на лежанкѣ самоваръ горитъ золотомъ, въ кутку грозно выглядываютъ старинные лики святыхъ изъ-подъ серебрянныхъ окладовъ. Села цвѣтущи и многолюдны; посреди ихъ великолѣпные храмы (индѣ два-три и болѣе) Божіе. Есть села великолѣпнѣй и многолюднѣй Радома [1]). а въ этихъ селахъ есть весьма много мужичковъ первогильдейныхъ, ведущихъ обороты на милльоны. Едвали не цѣлая треть великороссовъ—люди коммерческіе, ремесленные, фабричные. Въ домахъ этихъ людей живетъ довольство и радость. Стоитъ полюбоваться этимъ народомъ въ Божій праздникъ, когда онъ, съ сіяющими отъ умиленія лицами, въ лучшей одеждѣ, густою толпою повалитъ изъ дома Божія въ свои домы—«полные, какъ чаша, всякой *благодати,*» и усядется самъ 15–20 вокругъ длиннаго стола за огромною, жирною *кулебякой*, или когда парни и дѣвицы цвѣтною гирляндой начнутъ послѣ обѣда извиваться по селу, по площади въ рѣзвомъ и шумномъ хороводѣ, когда воздухъ дрожитъ отъ звонкихъ и восторженныхъ пѣсень ликующей молодости. Какъ тяжело переноситься даже мыслію, не только фактически, изъ этихъ счастливыхъ селъ, отъ этихъ блаженныхъ людей въ села бѣлорусскія, истерзанныя жадностью, эгоизмомъ *цивилизованныхъ* пановъ, къ людямъ, въ которыхъ чуть-чуть не убитъ образъ Божій самоволіемъ *ясневельможныхъ*!

Любопытно теперь посмотрѣть, какъ борется *варварская* Россія съ *цивилизованною* Польшей. Мы ни на іоту не погрѣшимъ противъ опытной истины, или скажемъ: Россія такъ усмиряетъ бунтующихъ поляковъ, какъ не усмиряла своихъ бунтовщиковъ, какъ не поступала при столкованіи даже съ небунтовщиками, ни одна изъ тѣхъ націй, которыя такъ наивно трактуютъ съ нами объ угнетеніи Польши. Мы бы могли здѣсь вспомнить, что сдѣлала Австрія въ 49 г. съ тѣми венгерцами, которые сдались на честное слово русскимъ, какъ поступила Франція съ жителями Парижа въ 48 году, какъ обошлась въ Неаполѣ Италія въ 60 г. съ военнопленными, защищавшими права своего законнаго государя, мы моглибы вспомнить многое,—но это многое не исчислимо, не описанно, такъ

[1]) Губернскаго города въ Польшѣ.

лучше посмотримъ на самихъ себя. Тогда какъ *цивилизованные* поляки теряются въ изобрѣтеніи пытокъ и казней честныхъ людей русскихъ плѣнныхъ, [1]) мирныхъ гражданъ, духовныхъ лицъ, мы казнили смертію нѣсколько лишь десятковъ коноводовъ бунта, душегубцевъ и измѣнниковъ долгу и присягѣ, состоявшихъ въ русской-военной службѣ поляковъ, а тысячи бунтовщиковъ которые во всякой *гуманной* націи попали бы на петлю или подъ пулю, пустили на свободу съ поручительствомъ или даже безъ поручительства и тѣмъ заохотили ихъ испытывать нашу гуманность до безконечности. Тогда какъ въ гуманной Галиціи и Познани существуетъ законъ—не принимать на коронную службу ни одного поляка, у насъ *даже теперь,*—въ эпоху звѣрскаго террора революціонеровъ, страна переполнена чиновниками—поляками, служащими Россіи въ духѣ польскаго катехизиса, мировыми посредниками и волостными писарями, оттачивающими ножи на наши шеи, парализующими всѣ мѣры правительства къ успокоенію народа, къ открытію крамольниковъ, ихъ затѣй и пакостей. Тогда какъ правительство австрійское на галиційскую рѣзню 46 г. посмотрѣло сквозь пальцы, съ худо скрытой улыбкою, мы сдерживаемъ нашихъ крестьянъ отъ эпизодовъ самоволія въ отношеніи къ землевладѣльцамъ, довольно энергично заставляемъ ихъ исполнять статьи *самоправныхъ* уставныхъ грамотъ, нисколько почти не облегчившихъ участи древняго холопа, и работать по 3 и 4 дня въ недѣлю на людей, которые ранили ихъ въ стычкахъ и которые всѣ плоды трудовъ ихъ безъ остатка принесутъ въ офяру ойчизнѣ. Тогда какъ бунтовщики наводняютъ

[1]) Въ настоящее время весьма немногіе дикіе поступаютъ такъ съ плѣнными, какъ польскіе разбойники. И дикіе горцы предлагаютъ выкупъ за плѣнныхъ; мы думаемъ, что и Россія не поскупилась бы на подобный выкупъ или даже (какъ это ни былобъ обидно для нея) на обмѣнъ плѣнныхъ, какъ это принято между образованными народами. Но Польша безошибочно разсчитала на благородство Россіи, предположивъ, что русскіе и безъ того освободятъ многихъ бунтовщиковъ, тогда какъ она сокращаетъ русскихъ патріотовъ путемъ душегубства.

русскую територію возмутительными произведеніями подпольной литературы, мы не смѣемъ сражаться съ ними равнымъ оружіемъ и даже невѣжливо относиться къ польскимъ рѣзунамъ и клятвопреступникамъ въ открытой журнальной статьѣ. Тогда, наконецъ, какъ люди, рѣжущіе насъ во имя свободы, познакомили насъ со всѣми видами насилія, мы истощаемъ нашу мысль и чувство на заявленіе опытовъ незлобія, гуманности и миролюбія. — на объясненія въ любви, на панегирики польскому патріотизму, на поддержаніе той *любезной* нелѣности, что поляки народъ цивилизованный, мы варвары, католичество—святая религія, православіе—схизма и проч. Еще ли мало правъ съ нашей стороны на званіе насъ людьми цивилизованными! Еще ли кто либо (о полякахъ и говорить нечего) можетъ держать съ нами конкурсъ по части гуманности!....

Изъ всего сказаннаго видно осязательно, что борьба поляковъ съ Россіею, точно есть борьба цивилизаціи съ варварствомъ, святой религіи съ схизмой, только лишь въ обратномъ смыслѣ, т. е., что варвары поляки рѣжутся съ цивилизованною Россіей, католическая схизма съ русскимъ православіемъ. Частности этой рѣзни могутъ быть выражены такимъ образомъ: теперь борется умоизступленіе съ здравымъ смысломъ, изувѣрство и фанатизмъ съ терпимостью и христіанствомъ, дикари съ европейцами, безурядица и безчеловѣчіе съ порядкомъ и гуманностію, крѣпостное право съ освобожденіемъ народа, самоправство и насиліе съ закономъ и свободой, самообольщеніе и кровожадность съ незлобіемъ и смиреніемъ православія, ложь и обманъ съ истиной и чистой совѣстью, трусость и пырокъ изъ за угла съ честнымъ и открытымъ боемъ, разбой, варварство, всѣ страсти и низости съ добродѣтелями и спокойствіемъ душевнымъ—вообще: зло съ добромъ, ложная цивилизація съ истинной. Не зачѣмъ и говорить, что всѣ исчисленныя здѣсь отрицательности, очевидно, приходятся на дѣло *цивилизованныхъ* поляковъ, а положительности на долю *варварской* Россіи.

Изъ сказаннаго же видно и то, что поляки рѣжутся не за «идею равноправности народовъ,» какъ говоритъ авторъ Роковаго вопроса, а за самоправство шляхты, за отнятіе у нея холопа, за дарованіе ему Россіею *равноправностия*,—что поло-

ковъ нельзя назвать «*народомъ* (?) образованнымъ«,— «что «Польша отъ начала (какого?) шла (куда?) на равнѣ (какъ это?) съ остальною Европою,»—что воображенiе наше не такъ пламенно, чтобы мы могли «причислить поляковъ къ великому (не дряхлому ли?) з(З)ападу,»—что не отвергая, вмѣстѣ съ псевдо—*русскимъ*, «высокомѣрiя и надмѣнiя поляковъ, дошедшаго до послѣдней возможной границы,» мы все таки не видимъ въ нихъ ничего кромѣ пустоты людей тщеславныхъ, ослѣпляемыхъ самомнительностью, мы все—таки «въ борьбѣ ихъ и усилiяхъ» ясно видимъ не «безконечно—героическiй,» а безконечно—варварскiй, не европейскiй, не христiанскiй «характеръ,»—что «высокая культура» поляковъ, которою такъ часто бредитъ нашъ *русскiй* лунатикъ, есть химера, созданная больнымъ воображенiемъ, есть idea fixa, которой ничто не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности,—что причиною разныхъ льготъ и привиллегiй, которыми пользовались у насъ инородцы, было не «чувствуемое (кѣмъ?) превосходство« ихъ предъ нами, а черта славянскаго гостепрiимства и мудрая и въ тоже время гуманная, чисто—христiанская, мѣра гражданственная, способствующая къ приласканiю и объединенiю разныхъ нацiональностей, прилипшихъ къ тѣлу Россiи,—что желанiе поляковъ «удовлетворить» свое высокомѣрiе и надмѣнiе «только на счетъ нашъ» не дѣлаетъ этого заносчиваго желанiя ни болѣе обязательнымъ для насъ, ни менѣе безразсуднымъ въ самомъ себѣ,—что такiя дѣянiя, какiя *совершены окончательно* въ послѣднее царствованiе, вовсе—не »зародыши, зачатки, не первичныя формы,» а *факты* совершившiеся, на зло цивилизованной и Польши и Европы,—что русскiй элементъ отнесся съ сознательнымъ и глубокимъ упорствомъ» не «къ этой (польской) цивилизацiи,» а къ латино польской пропагандѣ, ея изувѣрству, сумбуру, самоправству, варварскимъ насилiямъ и посягательству на попранiе всего святаго для русскаго, православнаго человѣка, — что «возлагать надежды на возможность своеобразной, русской цивилизацiи»—отнюдь не «мечта,» а несомнѣнное убѣжденiе всего русскаго духа, чующаго вокругъ себя вѣянiе иной, невѣдомой Европѣ, православно-русской жизни, полной неодолимыхъ силъ, которыя—рано или поздо—дадутъ себя почувствовать всѣмъ, сомнѣвающимся въ ихъ качествѣ и количествѣ.

Изъ сказаннаго же видно, что самъ по себѣ Роковой вопросъ не стоилъ отвѣта, особенно столь обстоятельнаго, каковъ настоящій, и что если мы сдѣлали ему такъ *много* чести, то потому только, что онъ поднялъ другіе, довольно широкіе вопросы, что онъ поглумился надъ истиной, надъ народнымъ русскимъ сознаніемъ и чувствомъ, а главное потому, что Роковой вопросъ подписанъ (если можно вѣрить подписи) ***Русскимъ*** и что эта вывѣска даетъ богатую тэму для разыхъ мотивовъ, какіе начнуть разыгривать предъ нами скрипачи польскіе,—и сильное, по ихъ мнѣнію, пораженіе насъ proprio gladio.

Чтожъ мы теперь должны сказать объ авторѣ Роковаго вопроса,—что онъ такое? Признаемся, что на этотъ вопросъ отвѣчать не совсѣмъ-то легко. Нѣкоторые сравниваютъ псевдо-*русскаго* съ Іудой, иные съ Хамомъ, другіе съ Геростратомъ. Мы находимъ, что всѣ эти сопоставленія, вѣрныя въ принципѣ, не вѣрны и не точны въ оконечностяхъ. Іуда продалъ Іисуса Христа іудеямъ, Хамъ посмѣялся наготѣ своего отца, Герострать сжегъ храмъ Діаны, а нашъ ***Русскій*** обнаружилъ только сильное желаніе сдѣлать все это и оказался не состоятельнымъ на всѣ эти подвиги: хотѣлъ продать Россію ея врагамъ, подмѣтить срамоту своей *матери*, сжечь святыню нашего народнаго духа—и только лишь напрасно копировалъ Іуду, не получивъ даже (быть можетъ) польскихъ *серебренниковъ*, осрамился самъ, надѣлалъ копоти вмѣсто пожара, въ которой ни сколько не потускла наша святыня, а только лишь угорѣлъ нашъ Геростратъ и нѣкоторые изъ стоявшихъ вблизи его клевретовъ. Ктожъ онъ такой? *русскій* ли онъ? Можетъ быть и русскій по имени, но уродъ въ семьѣ русской, доказавшій на опытѣ меткость русскаго афоризма: »въ семьѣ не безъ урода«. Быть можетъ онъ—остатокъ той фаланги нигилистовъ, которая назадъ тому два года, почти вычеркнула было изъ своего лексикона слово *да* и которая недостатокъ здраваго смысла и научныхъ познаній хотѣла замѣнить дерзостью отрицанія и кощунствомъ надъ всѣмъ, что дорого уму и сердцу православнаго-русскаго? Быть можетъ этотъ духъ отрицанія, духъ сомнѣнья задыхался отъ злости, при видѣ блестящей побѣды свободы надъ своеволіемъ, истины надъ любимыми его софизмами и парадоксами, строя общественнаго надъ анархіей и буйствомъ

страстей,—нашелъ въ исторіи Польши, въ борьбѣ поляковъ съ правомъ божескимъ и человѣческимъ отображеніе своихъ личныхъ убѣжденій и тенденцій и симпатизировалъ имъ потому же, почему симпатизируетъ пьяница пьяницѣ, воръ вору, разбойникъ разбойнику и такъ далѣе? Быть можетъ псевдо-*русскій* заблуждался по неволѣ, принялъ, какъ мы выше выразились, мишуру за золото, низкопоклонство знакомыхъ ему поляковъ, за вѣжливость, служеніе ихъ Россіи по инструкціи польскаго катихизиса за усердіе,—дикія насилія чужихъ убѣжденій и совѣсти, съ ножемъ и петлей у горла, за отстаиванье либеральныхъ тенденцій, безустанную болтовню и своеобразную салонную дрессировку за «высокую культуру,» не съумѣлъ подмѣтить подъ казистою формой пустоты содержанія, не изучалъ польской исторіи, литературы, видѣлъ «страну святыхъ чудесъ» и современную рѣзню польскихъ дикарей издали, зналъ со словъ своихъ *пріятелей*, поймавшихъ русскаго (какъ они поймали многихъ въ Европѣ) на польскую удочку? Быть можетъ *Русскій* не имѣетъ яснаго понятія ни о католичествѣ, ни о православіи, не знаетъ пріемовъ, какими пользовалась миссія того и другаго, не знаетъ варварствъ и насилій, которыя католичество оправдываетъ святостію цѣли и которыя въ настоящее время доведены польскими ксендзами до послѣдней степени антихристіанства, не знаетъ того, что православіе служитъ для католичества нѣмымъ обличителемъ, своею древнею чистотою вызывающимъ на реакцію сіе послѣднее, какъ догму полу-божественную,—не знаетъ того, что характеръ православія кладетъ печать особой цивилизаціи на своихъ исповѣдникахъ, что православное ученіе Христово не совсѣмъ снисходительно смотритъ на многія частности западной цивилизаціи, которыми восторгаются космополиты, индеферентисты, что наше единодержавіе, прямота, братолюбіе, безискуственность, незлобіе, самоотверженіе составляютъ условія нашего быта семейнаго и общественнаго, основанныя на заповѣдяхъ Христовыхъ, обособляющія насъ отъ исповѣдниковъ всякаго другаго вѣроученія и условливающія нашу народную крѣпость, счастье, жизнь и долговѣчность? Быть можетъ псевдо-*русскій* не съумѣлъ оцѣнить по надлежащему того факта, что варварская Русь не даромъ же владѣетъ цивилизованной Польшею, что первая ростетъ, крѣпнетъ и обѣщаетъ долгую жизнь, тогда

какъ послѣдняя, изъѣденная разными недугами своей псевдо-цивилизаціи, проявляетъ бытіе свое только посмертными судорогами физическихъ насилій, въ которыхъ, какъ въ движеніяхъ трупа, немыслимо сознаніе и чувство? Все это можетъ быть. Есть же люди, которые дѣйствуютъ подъ увлеченіемъ страсти, судятъ и рядятъ о томъ, о чемъ не имѣютъ правильнаго—или даже вовсе никакого—понятія. Но могло случиться и такъ, что кому либо понадобилось только имя русскаго, взятое на прокатъ, съ обоюднаго согласія. Въ Роковомъ вопросѣ мы встрѣчаемся съ парадоксами и преувеличеніями, высказанными недавно г. Грабовскимъ,—встрѣчаемся съ такими оборотами, которымъ законнѣе можетъ быть усвоено названіе полонизмовъ, чѣмъ неграмотностей. Къ этимъ оборотамъ мы относимъ: «Польша отъ начала шла наравнѣ съ...... Европою; какой взглядъ естественно вытекалъ изъ его (поляка) убѣжденія?; они (поляки) составляютъ для насъ обиду; что касается до насъ—русскихъ; что касается до поляковъ; какая неизмѣримая тяжесть заключается въ этихъ (вышесказанныхъ) словахъ, которыя такъ просто выговорить; внѣшній исходъ для этого дѣла» и проч. Читая эти и подобныя имъ фразы, крѣпко хочется видѣть въ нихъ неудачный, подстрочный переводъ съ польскаго или по крайней мѣрѣ—предположить въ авторѣ Роковаго вопроса большее знакомство съ грамотностью польскою, нежели русскою. Еслижъ это предположеніе не имѣетъ фактической вѣрности, то мы утѣшимъ себя тѣмъ, что, кромѣ трехъ-четырехъ *изверженностей* земли русской, кромѣ трехъ-четырехъ выродковъ, выдѣлившихся изъ нашей семьи и заклейменныхъ *все-россійскимъ* презрѣніемъ, едвали найдется между 53 милльонами русскихъ и 5 уродовъ, которые *сполна* раздѣляютъ убѣжденія автора Роковаго вопроса, прикрывшаго свою безчестную личность честнымъ именемъ *русскаго*. Причина этой трусости понятна. *Псевдо*-русскій думалъ, что за безпримѣрное преступленіе онъ можетъ подвергнуться примѣрному наказанію. Онъ думалъ, вѣроятно, что *русскіе* соберутся, какъ одинъ человѣкъ, въ одно мѣсто, привяжутъ его къ позорному столбу, что каждый русскій подойдетъ къ нему, плюнетъ ему съ проклятіемъ въ лицо, и онъ утонетъ, наконецъ, въ лужѣ *русской* слюны. Мы думаемъ, что трусъ преувеличилъ идею о русской мести и слишкомъ пластично представилъ

въ больномъ воображеніи способъ ея проявленія; мы думаемъ, что всѣ русскіе отворотились бы отъ него съ презрѣніемъ и сказали: ты не нашъ, у насъ нѣтъ ничего общаго съ тобою,— будь ты анаѳема!

Русскіе.

ЗАМѢТКА

на замѣтку г. Ал. Лазаревскаго, помѣщенную въ Черниговскомъ Листкѣ. (№ 9-й, 1863 г.)

Г. Ал. Лазаревскій, въ замѣткѣ своей на письмо мое къ издателямъ «*Московскихъ Вѣдомостей,*» (1863 г. № 124), выражаетъ свое недоумѣніе, «какъ это зараждающаяся у насъ малоросеійская литература вноситъ чуждый намъ *латинопольскій элементъ* въ народное руеское образованіе,» и замѣчаетъ, для нашего успокоенія, «что въ предполагаемыхъ къ изданію для народнаго обученія малороссійскихъ книгахъ не будетъ *уродливаго* языка ни Лазаря Барановича, ни Галятовскаго, но что это будетъ *живой малороссійскій языкъ, которымъ и теперь говоритъ народъ, языкъ Кулиша и Шевченка.*»

Удивительно, право, какъ это г. Лазаревскій не понимаетъ, или только притворяется непонимающимъ, что мы хотимъ сказать, и чего желаемъ отъ издателей малороссійскихъ книгъ, гг. *Кулиша* и *Костомарова* съ ихъ сотрудниками. Объяснимся пожалуй.

Дѣло въ томъ, г. Лазаревскій, что какъ языкъ Барановича и Галятовскаго, (по своему времени впрочемъ довольно естественный и можетъ быть даже необходимый), такъ и языкъ малороссійскихъ сочиненій Кулиша и Шевченка, (болѣе или менѣе искуственный, подражательный и въ настоящее время въ литературѣ нашей совершенно излишній), равно какъ и всякій *мѣстный* живой языкъ *простонародный*, имѣетъ свои недостатки, зависящіе отъ мѣстности, и недостатки эти, собственно въ малороссійскомъ нарѣчіи, состоятъ главнымъ образомъ именно въ *полонизмахъ*, которыми существенно отличается малороссійское наше нарѣчіе отъ чистаго языка русскаго, и которые дѣлаютъ чистую нашу русскую рѣчь *дѣйствительно уродливою*. Дѣло въ томъ, что въ высшей степени

странно, если не предполагать никакой задней мысли, *обособлять* теперь малороссійскую литературу и писать въ настоящее время сочиненія на *испорченномъ польскимъ и латинскимъ вліяніемъ*, а потому и *уродливомъ*, малороссійскомъ нарѣчіи, и обучать на немъ наше простонародье, тогда—какъ мы имѣемъ у себя подъ рукою, выработанный временемъ, образованнѣйшимъ классомъ русскаго народа и даровитѣйшими его писателями, чистый и общепонятный языкъ общерусскій. Дѣло въ томъ, что ни у Кулиша и Шевченка, ни въ живомъ языкѣ малороссовъ—простолюдиновъ, вы не найдете словъ для выраженія *понятій научныхъ*, а потому поневолѣ будете брать ихъ не только у Лазаря Барановича и Галятовскаго, но и у другихъ, болѣе посредственныхъ, старинныхъ писателей юго-западной Руси, будете заимствовать давно отжившее, вышедшее изъ употребленія и теперь вовсе намъ ненужное, или будете ковать, пожалуй, по этимъ образцамъ новыя, *еще болѣе уродливыя* слова, что, по нашему мнѣнію, значитъ ни болѣе ни менѣе, какъ только *портить, современный намъ, чистый русскій языкъ*, возвращаться назадъ, а не идти впередъ. Дѣло въ томъ, что въ малороссійскихъ книгахъ и книжечкахъ вашихъ, самаго послѣдняго изданія [1]), въ разсказахъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, мы встрѣчаемъ у васъ, какъ и ожидали, слова: *оповідаия*, *зложивъ*, *перший*, *шукати*, *поховати*, *побачити*, *освита*, *рослина*, *коханий*,

---

[1]) Чит., напр., книжечку: „*Оповідаия зъ* святого писания. *Зложивъ* священникъ Стефанъ Опатовичъ. Выпускъ *перший*. Церковъ *Божа* патриархальна. Спб. 1863. Видано Николаемъ Костомаровимъ на громадські гроши, *шчо* зносються для народнеї освиті. Ціна пъять копіекъ сер.“ Каковъ языкъ и правописаніе!! *Честь изобрѣтенія* послѣдняго принадлежитъ г. *Кулишу*.... Все это, извольте видѣть, *основано* на *федеративномъ началѣ Руси*, поясненія котораго можете спросить у *Основы* и у г. профессора русской исторіи Николая *Костомарова*.... Никакого нѣтъ сомнѣнія, что при помощи такого, *вновь изобрѣтаемаго нашими просвѣтителями*, языка и правописанія русскіе скоро съ трудомъ будутъ понимать другъ—друга. Но вѣдь этого-то именно и хотятъ достигнуть наши гг. издатели малороссійскихъ книгъ....

ласкавий, шановный и т. д., слова, какъ видите, не наши, а *польскія,* невольно напоминающія русскому народу извѣстной мѣстности ненавистную ему римскую унію и столько-же ненавистное польское владычество, слова, у простонародья нашего теперь малоупотребительныя, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи даже совершенно вышедшія изъ употребленія. Дѣло въ томъ, что простой русскій народъ Украины, какъ и всякой другой мѣстности Россійской Имперіи, желаетъ учиться *чистому языку русскому* и церковно-славянскому, какъ онъ и учился у насъ всегда до настоящаго времени, *а не испорченному малороссійскому нарѣчію,* которое онъ самъ лучше васъ знаетъ, и самъ, какъ видно, лучше васъ недостатки его понимаетъ;—что этотъ народъ, отлично понимая чистый общерусскій языкъ, какъ свой родной, никогда не имѣлъ, а тѣмъ болѣе теперь не имѣетъ рѣшительно никакой надобности въ малороссійскихъ вашихъ книгахъ вообще и учебныхъ въ-особенности;—что этой надобности онъ никогда вамъ не заявлялъ, а вы сами сочинили ее и сами насильно навязались народу съ вашими услугами;—что, напротивъ, простой народъ нашъ, такъ много имѣющій чистаго здраваго смысла и вѣрнаго чутья, сколько я знаю, отлично смекаетъ—въ чемъ дѣло, и потому покорнѣйше проситъ всѣхъ васъ, своихъ печальниковъ, (начиная съ *покойнаго батька вашего Тараса* до гг. *Кулиша* и *Костомарова* включительно), оставить его въ покоѣ, не морочить его, не сбивать съ толку, не обращать вновь насильно въ польскую и латинскую унію, не унижать исключеніемъ отъ изученія съ малолѣтства чистаго языка общерусскаго, однимъ словомъ, избавить его отъ вашей опеки и предоставить ее людямъ болѣе васъ въ этомъ дѣлѣ свѣдущимъ и благонамѣреннымъ. Дѣло въ томъ, что вашими малороссійскими книгами, вашими періодическими изданіями, (*Черниговскій Листокъ, Основа*), Богъ васъ знаетъ—сознательно или безсознательно, вы помогаете на самомъ дѣлѣ вовсе не землякамъ своимъ, не намъ, русскимъ и православнымъ, а врагамъ нашимъ, полякамъ и католикамъ.... Ужели въ самомъ дѣлѣ вы не слыхали и не знаете, *кто* на вашей родинѣ интересовался всегда и теперь интересуется малороссійскою литературою? Ужели не знаете, *кто,* годъ съ-лишнимъ тому назадъ, заявлялъ публично, будто простонародье подольской губерніи не

понимаетъ чистаго языка общерусскаго, и требовалъ, чтобъ распоряженія правительства переводимы были на малороссійское нарѣчіе [1])? Ужели не знаете, *кто* переодѣвался потомъ въ малороссійскія свитки и забирался въ хату нашего простолюдина, чтобъ учить его, извѣстно чему, по малороссійскимъ книгамъ? Ужели не знаете, *кто* предлагалъ затѣмъ нашему народу на малороссійскомъ нарѣчіи *золотыя грамоты*? Ужели не знаете, наконецъ, *кто* оказались авторами большей части написанныхъ у насъ въ послѣднее время малороссійскихъ сочиненій [2])? А если вы все это знаете, то должны понять, почему мы малороссійскую литературу вашу считаемъ одною изъ самыхъ крупныхъ у насъ несовременностей; почему утверждаемъ, что она вноситъ не только чуждый, но и враждебный намъ *латино-польскій элементъ* въ народное русское образованіе; и почему настаиваемъ на томъ, что *затѣя ваша*, обучать на малороссійскомъ нарѣчіи наше простонародье, *положительно вредна* для нашего отечества.

Вы совѣтуете намъ, г. Лазаревскій, ознакомиться ближе съ новѣйшими вашими малороссійскими произведеніями, особенно сочиненіями Кулиша и Шевченка. Сочиненія этихъ господъ, корифеевъ вашихъ, намъ давно извѣстны; знаемъ очень хорошо и всѣ позднѣйшія произведенія малороссійской вашей письменности; понимаемъ, какимъ духомъ вѣетъ отъ нихъ, а потому-то именно и просимъ васъ, не распространять ихъ въ нашемъ народѣ.

Нѣжинъ, **Ам. Добротворскій.**
23 іюля 1863 года.

---

[1]) Поляки—помѣщики под. губ. брацл. уѣз. на мировомъ съѣздѣ 6-го марта 1862 г. Сын. От. 79-й № 1862 г.

[2]) Въ книж. Вѣст. 1863 г. № 10, о книжной литер. дѣятельности г. Кіева за 1862 г. читаемъ слѣдующее: „Поступило на разсмотрѣніе цензуры рукоп. на *малорос.* языкѣ 39. Изъ нихъ напечатано 0. Большинство авторовъ *малорус.* рукописей *были поляки.*“

IV.

НА КАКОМЪ ЯЗЫКѢ СЛѢДУЕТЪ ОБУЧАТЬ ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ? [1])

Такъ спрашиваютъ теперь иногда охотники до самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, забывающіе между тѣмъ одинъ изъ нихъ,—самый существенный въ настоящемъ случаѣ, а именно, нуженъ ли самый-то вопросъ, когда жизнь уже рѣшила его?— Всѣ мы сколько нибудь образованные и мыслимъ, и пишемъ по русски, и отнять у насъ русскій языкъ также не возможно, какъ отнять жизнь. Въ сельскихъ школахъ, какія только существовали у насъ до сихъ поръ и существуютъ теперь, всегда обучали по церковно-славянскимъ и русскимъ элементарнымъ книгамъ. Къ чему же всѣ эти вопросы отъ нечего дѣлать, къ чему эти попытки остановить грандіозный потокъ русскаго слова, и затѣмъ, разумѣется, такъ или иначе, и русской жизни?—Никто ни на одной инстанціи нашего обуче-

---

[1]). Эта статья была напечатана въ Кіевскомъ Телеграфѣ и Московскихъ Вѣдомостахъ и мы съ удовольствіемъ перепечатываемъ ее въ нашемъ журналѣ, находя ее вполнѣ вѣрною по отвѣту на вопросъ. Ред.

нія не можетъ (и не смѣетъ) отрывать отъ насъ русскихъ книгъ, русскаго языка; и однакожъ вопросъ, былъ поставленъ охотниками до вопросовъ; не обошлось по этому и безъ отвѣтовъ. Въ этихъ немногихъ отвѣтахъ высказано уже такъ много, что дальнѣйшее разсужденіе о предметѣ спора, по крайней мѣрѣ по нашему мнѣнію, излишне. Если мы рѣшаемся присовокупить еще нѣсколько примѣчаній, то единственно съ тѣмъ, чтобы разъяснить его преимущественно въ отношеніи къ юго-западной части Россіи. И здѣсь, съ какой бы стороны мы ни разсматривали смѣшныя усилія къ устраненію нынѣшнихъ русскихъ элементарныхъ книгъ въ сельскихъ школахъ, къ замѣнѣ ихъ книгами на областномъ малорусскомъ нарѣчіи, не найдемъ имъ разумнаго основанія, и будемъ только понапрасну запутывать великое дѣло народнаго образованія и мѣшать ему.

На что въ самомъ дѣлѣ можно бы ссылаться, настаивая на замѣну нашихъ русскихъ элементарныхъ книгъ предполагаемыми малорусскими?

Едвали не самое главное основаніе, на которое иногда ссылаются въ толкахъ объ этой замѣнѣ, это то, будто нашъ народъ ничего не пойметъ въ русскихъ элементарныхъ книгахъ какъ напр., въ катихизисѣ, въ священной исторіи. Что отвѣчать на этотъ аргументъ? Скажемъ откровенно, что онъ ложенъ. Прежде всего должно замѣтить, что нашъ русскій языкъ не есть какой-нибудь иностранный для жителя нашей югозападной Россіи, которому нужно было бы трудиться, чтобы понимать его въ этихъ начальныхъ книгахъ, какъ трудятся, наприм., надъ предварительнымъ изученіемъ словъ и правилъ языка латинскаго, для пониманія на немъ самыхъ простыхъ предложеній. Очень часто мы говоримъ съ деревенскими жителями нашего юго-запада на общемъ русскомъ языкѣ и, гдѣ предметъ разговора не выступаетъ изъ круга ихъ умственнаго развитія, они всегда насъ поймутъ почти также, какъ и мы понимаемъ другъ друга.

Но не слѣдуетъ еще смѣшивать разговорнаго русскаго языка, а тѣмъ болѣе какого нибудь областнаго съ книжнымъ, и, притомъ, въ элементарныхъ учебныхъ книгахъ и, пользуясь этимъ смѣшеніемъ, говорить о нѣкоторой непонятности какого-нибудь великорусскаго областнаго языка, когда дѣло идетъ о самомъ простомъ, общемъ русскомъ языкѣ въ

элементарныхъ книгахъ, въ которыхъ онъ рѣшительно почти ничего не представляетъ непонятнаго, если только мы не будемъ смѣшивать съ нимъ самаго содержанія. Русскій языкъ въ книгахъ не есть какой-нибудь областной, съ какими нибудь идіомами въ словахъ, фразахъ, оборотахъ, но общій русскій, и при томъ, въ элементарныхъ книгахъ до того простой, что не только при помощи объясненій, но не рѣдко и безъ нихъ, послѣ пяти, шести уроковъ, его будетъ понимать дитя малорусское также, какъ и великорусское. Такъ напр., что можетъ быть не понятно въ слѣдующихъ словахъ: *Богъ сотворилъ все изъ ничего словомъ своимъ; въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю. Прежде человѣка Богъ сотворилъ невидимую разумную тварь духовъ, которые называются Ангелами*: или, *какое ученіе самое нужное для всякаго человѣка? Ученіе христіанское, потому что оно ведетъ къ Богу, къ вѣчному спасенію*.... Тутъ все такъ просто и понятно, что только по охотѣ къ противорѣчіямъ можно утверждать противное; иначе и быть не можетъ потому, что по большей части нашъ южнорусскій ученикъ, еслибы даже захотѣлъ передать какой нибудь текстъ изъ элементарной книги, катихизиса, или священной исторіи, по своему, то онъ долженъ бы ограничиться почти только инаковымъ произношеніемъ; слова же и самую конструкцію оставить тѣже самыя: вмѣсто того, чтобы сказать: *Богъ сотворилъ все изъ ничего словомъ своимъ; въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю*.... онъ пожалуй произнесетъ *Богъ сотворывъ всэ изъ ничого словомъ своимъ; въ начали Богъ сотворывъ нэбо и землю* и такъ далѣе; но что же непонятнаго привноситъ эта инаковость произношенія? Автору случалось иногда присутствовать при обученіи малолѣтнихъ дѣтей изъ малороссіянъ и великороссіянъ; признаемся откровенно, что мы не только не замѣтили, чтобы только послѣдніе понимали эту простую русскую рѣчь, но даже случалось иногда наоборотъ,—что первые лучше и скорѣе понимали смыслъ этой рѣчи. Приведемъ впрочемъ примѣръ еще въ другомъ родѣ. Къ одному помѣщику кіевскаго уѣзда, явился однажды волостной старшина съ какимъ то циркуляромъ, который, неизвѣстно для чего, былъ написанъ съ одной стороны по русски; съ другой—помалороссійски. Помѣщикъ, увидѣвши въ первый разъ это двойство, спросилъ,

для чего это написано на двухъ языкахъ? А кто его знаетъ!— отвѣчалъ старшина; кто не пойметъ *одного* (т. е. по русски), тотъ не пойметъ и *другаго* (по малороссійски). Вотъ отвѣтъ простаго человѣка, не знакомаго ни съ какими задними мыслями.

Встрѣчается, конечно, и въ самомъ простомъ языкѣ элементарныхъ русскихъ книгъ иной разъ, что нибудь непонятное для ученика изъ малороссіянъ; но безъ непонятнаго не обойдется и для ученика изъ великороссіянъ. Въ такомъ случаѣ поможетъ объясненіе; для того же и существуетъ обученіе. Что мы совершенно правы, не полагаясь на искренность увѣреній со стороны желающихъ устраненія руссскихъ элементарныхъ книгъ, будто бы по непонятности ихъ, это рѣшительно доказывается безчисленными примѣрами Дѣти сельскихъ священниковъ и причетниковъ весьма часто говорятъ сначала только по малорусски, и однако же обучаются потомъ на общемъ русскомъ языкѣ съ такимъ же точно успѣхомъ,—а иногда и съ большимъ,—какъ и дѣти священниковъ и причетниковъ въ великой Россіи,—и благодаря только этому обученію на русскомъ языкѣ, они получаютъ возможность ровнаго дальнѣйшаго образованія, не перепутываемаго никакими чуждыми вмѣшательствами. Безъ этого условія оно былобы не мыслимо. Это-громадный и неоспоримый фактъ, который самъ за себя говоритъ. Да и къ чему всѣ эти усилія доказать непонятность языка въ элементарныхъ русскихъ книгахъ, когда ни чѣмъ нельзя доказать, что языкъ областной или пожалуй малорусскій въ учебныхъ книгахъ былъ бы понятнѣе? Намъ кажется, что онъ ни сколько не былъ бы понятнѣе уже и потому, что необходимо же было бы употреблять въ нихъ множество новыхъ выраженій, неизвѣстныхъ еще не только простому, необученному народу, но и грамотнымъ. Если слова—*падежъ, склоненіе* не будутъ понятны начинающему учиться изъ малороссіянъ; то развѣ ему будетъ понятные смыслъ новыхъ выраженій, если вы придумаете термины другіе, лишь бы уклониться отъ нашей русской рѣчи. Если, кромѣ того, и другое обстояснльство, которое до такой степени перепутало бы и затруднило обученіе по какимъ-то предполагаемымъ нѣкоторыми печальниками нашего образованія южнорусскимъ учебникамъ, что не было бы возможности успѣшно двинуть народное образованіе. Малороссійскій языкъ до такой степени сходенъ въ разныхъ полосахъ нашего юга и юго—

запада, что написавши на языкѣ одной полосы не всегда будемъ поняты въ другой. И такъ, опять нужно изобрѣтать какой-то общій южнорусскій языкъ и обучать ему. Сколько новыхъ препятствій къ изобрѣтенію и развитію такого языка стало быть и самому развитію народа, тогда какъ тутъ же рядомъ всестороннее развитіе другихъ, пользующихся богатымъ и изящнымъ общимъ русскимъ языкомъ, будетъ непрерывно подвигаться впередъ.

Кромѣ объясненій, сопровождающихъ процессъ обученія, самое распространіе грамотности будетъ постепенно уменшать и тѣ немногія препятствія къ пониманію книжнаго русскаго языка, которыя существуютъ теперь какъ для малороссіянъ и бѣлоруссовъ, такъ и для великороссіянъ, и такъ преувеличиваются, Богъ вѣсть для чего нѣкоторыми изъ нашихъ земляковъ. Бѣлоруссъ, или великоруссъ можетъ пожалуй, подумать, что и, въ самомъ дѣлѣ намъ при началѣ обученія непонятна русская рѣчь въ элементарныхъ книгахъ; но мы очень хорошо знаемъ по собственному опыту, что эти препятствія просто ничтожны. Даже и теперь, когда уже такъ много дѣтей изъ среды нашего народа обучено по элементарнымъ русскимъ книгамъ, когда всѣ сколько-нибудь образованные въ нашей средѣ, не только понимаютъ, но пишутъ, мыслятъ и говорятъ на немъ, такъ легко, такъ естественно будетъ распространяться образованіе на нашемъ общемъ русскомъ языкѣ, что говорить о какихъ—то неодолимыхъ препятствіяхъ для учениковъ въ сельскихъ школахъ къ пониманію элементарныхъ русскихъ книгъ, значило бы только питать парціальныя желанія объ отчужденіи нашего югозопада отъ русскаго языка и русской литературы, которое для насъ и дико. и противоестественно; значило бы, утѣшаться отсталыми фантазіями въ родѣ виговщины и мазепщины, для которыхъ конецъ одинъ-новое потрясеніе и пораженіе югозападной Руси. Но нашему убѣжденію единственное условіе прочнаго развитія и благосостоянія всей югозападной Россіи—это гармоническое образованіе ея съ цѣлою русскою землею на одномъ языкѣ и въ неразрывной связи съ нею; безъ этого условія она не избѣгнетъ новыхъ и уже болѣе гибельныхъ для нея потрясеній.

Насъ обольщаетъ то, что русскіе галичане и учатся, и пишутъ только на своемъ галицко русскомъ нарѣчи-

какъ будьто мы непременно должны только подражать другимъ. Тамъ совершенно естественно потому что всемъ имъ и образованнымъ и необразованнымъ недоступенъ нашъ изящный, богатый литературными произведеніями языкъ, а между тѣмъ, общій оффиціальный языкъ у нихъ—иностранный, нѣмецкій, и кромѣ того, въ образованной средѣ даже русиновъ и примыкающемъ къ ней народонаселеніи господствуетъ языкъ польскій. Что же остается имъ дѣлать, чтобы хотя сколько нибудь гарантировать развитіе своего народа отъ стихіи съ одной стороны совершенно чуждой, иностранной, а съ другой— хотя и славянской, но совершенно противоположной имъ по тенденціямъ латиногерманскимъ къ церковному и шляхетскому абсолютизму, какъ не обучаться всѣмъ по крайней мѣрѣ на своемъ галицко-русскомъ нарѣчіи, не смотря на всю его несостоятельность. Иначе тамъ и быть не можетъ; потому, что употребленіе нашего уже выработаннаго русскаго языка у нихъ не возможно. Вспомните, какая участь постигла газету, которую въ венгерской Руси вздумали когда-то издавать на языкѣ, очень близкомъ къ нашему? Что же показываетъ этотъ фактъ предпріятія газеты на нашемъ русскомъ языкѣ и запрещенія ея? Очень много: что угорскіе русскіе жители, или по крайней мѣрѣ образованнѣйшіе изъ нихъ поняли, гдѣ они могли бы почерпнуть дѣйствительную, несокрушимую для себя внутреннюю силу, и потому-то именно, чтобы не дать имъ этой силы, имъ не позволено и пользоваться нашимъ русскимъ языкомъ.

Съ какой-же стати намъ отрывать нашъ народъ отъ нашего образованнаго языка, выработавшагося общими трудами великороссіянъ и малороссіянъ, за который другіе заплатили бы быть можетъ, дорогою цѣною. Не дико ли намъ отказываться отъ собственной силы, отказываться отъ языка, который для насъ—тотъ-же природный, и для простонародья, особенно въ элементарныхъ книгахъ, совсѣмъ не то, что для русскаго галичанина—нѣмецкій? Букварь, въ которомъ нашъ поселянинъ долженъ-бы читать: am Anfang schuf Gott Himmel und Erde, далеко не то, что букварь, гдѣ читается: *въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю.* Не странно-ли было бы изъ-за того только, что въ бѣдствующей Галиціи не учатся на нашемъ развитомъ русскомъ языкѣ, намъ еще употреблять усиліе, чтобы привести и себя въ такое же жалкое состояніе ли-

шенія и внутренняго безсилія, отнимать у народа, а за тѣмъ разумѣется и у себя, нашъ прекрасный готовый русскій языкъ и гоняться за языкомъ, котораго въ смыслѣ общаго литературнаго нѣтъ? Мы хотѣли бы представить себѣ и другимъ, какъ что-то очень заманчивое, что русскіе галичане не выступаютъ за предѣлы своего простонароднаго нарѣчія; но въ этой картинѣ воображенія не закрываемъ ли мы той огромной пустоты и внутренняго безсилія, которыя происходятъ у нихъ именно отъ того, что ихъ письменность и обученіе не могутъ выступить изъ предѣловъ просторѣчія? Мы воображаемъ, что ихъ языкъ и литература составляютъ для нихъ крѣпкую внутреннюю силу, какъ непосредственно народныя; но на дѣлѣ далеко нетакъ; сами русскіе галичане это чувствуютъ, и ихъ внутреннее безсиліе на дѣлѣ рѣшительно выражается въ образованной и даже сколько нибудь образованной средѣ: сами же они, не только въ сношеніи съ нѣмцами и поляками, но даже между собою, когда разговоръ касается науки, или вообще принимаетъ сколько нибудь образованный характеръ, невольно пользуются языкомъ польскимъ или даже нѣмецкимъ. Ихъ нарѣчіе все таки остается такъ безсильнымъ въ сравненіи съ этими языками, что они могутъ имъ пользоваться только, какъ единственнымъ средствомъ хотя для какой нибудь охраны своенароднаго развитія; но на самомъ дѣлѣ оно не имѣетъ возможности противостоять имъ. И все это именно происходитъ отъ того, что у нихъ нѣтъ языка выработаннаго, богатаго умственными произведеніями, и что нарѣчіе, на которомъ они говорятъ и пишутъ до такой степени носитъ на себѣ признаки польскаго жаргона, что, неприблизившись къ нашему русскому языку, имъ не предстоитъ никакой возможности создать свою самостоятельную литературу въ собственномъ смыслѣ слова. Къ чему же, повторяемъ, намъ непремѣнно приводить себя въ подобное бѣдственное состояніе галичанъ? Нашъ народъ не требовалъ и не требуетъ замѣны нынѣшнихъ русскихъ букварей малорусскими. Если нѣкоторые украино—филы ссылаются на народъ, на его требованія, то они напрасно это дѣлаютъ. Можно народу внушать эти желанія, какъ можно внушать ему и многое другое; но наврядъ ли онъ согласится разстаться съ нынѣшними элементарными русскими книгами? Недавно въ одной сельской школѣ помѣщикъ, что бы испытать желаніе учениковъ и ихъ родителей, началъ

давать иногда въ своей школѣ малорусскія книги, вмѣсто русскихъ. Что же вышло? Изъ восемнадцати учениковъ шесьнадцать перестали ходить въ школу.

Мы положительно знаемъ, что народъ будетъ даже довольнѣе, если будутъ по прежнему продолжать обученіе дѣтей по общимъ русскимъ книгамъ; само собою разумѣется, что никто не мѣшаетъ, если прочитанное не совсѣмъ понятно, объяснять и по малорусски. Перемѣняя вдругъ ни съ того, ни съ сего однѣ книги на другія, мы привели бы его только въ недоумѣніе; онъ счелъ бы для себя за оскорбленіе, если бы мы предоставили себѣ право выключить изъ круга первоначальнаго обученія нынѣшнія книги русскія. За чѣмъ, подумаетъ онъ невольно, учатъ его только на малорусскомъ языкѣ, а не на томъ, на которомъ мыслятъ и пишутъ всѣ мало-мальски образованные изъ насъ же малороссіянъ и на которомъ очень часто и мы говоримъ съ народомъ. Напрасно увѣряютъ, будто это недовольство происходило бы у народа только отъ обыкновеннаго желанія сравниться съ привиллегированными классами, положеніе которыхъ ему кажется такъ заманчивымъ и которымъ онъ желалъ бы подражать. Это явленіе объясняется гораздо проще и благороднѣе, а именно, самимъ достоинствомъ нашего русскаго языка, его цвѣтущаго состоянія, отъ успѣховъ умственнаго развитія и гражданственности. Въ образованномъ языкѣ проявляется внутреннее богатство умственной жизни, какъ въ выпуклостяхъ черепа—выпуклости мозга, и вотъ причина, почему каждый самый простой, но смыслящій человѣкъ невольно, по инстикту, не захочетъ разстаться съ образованнымъ русскимъ языкомъ и предпочтетъ его грубому областному языку, не имѣющему литературнаго достоинства.

Также неосновательно поступаютъ, когда для замѣны русскихъ элементарныхъ книгъ малорусскими, увѣряютъ, будто начальнымъ обученіемъ по русскимъ книгамъ вселяется, съ одной стороны, презорчивость въ обучившихся къ необученнымъ, съ другой—надменность въ волостныхъ писаряхъ и старшинахъ, читающихъ книги на нашемъ литературномъ языкѣ, въ обращеніи съ поселянами; подобные примѣры обращенія происходятъ отъ другихъ причинъ; прежде всего, отъ грубыхъ нравовъ. Гораздо основательнѣе думать, что именно исключеніемъ изъ круга элементарнаго обученія русскихъ книгъ мы

будемъ поддерживать это рѣзкое раздѣленіе между образованными и не образованными, тогда, какъ знакомя всѣхъ съ нашимъ русскимъ языкомъ въ самомъ началѣ, мы отклонимъ неблагопріятныя послѣдствія этого раздѣленія; потому что тогда однимъ не чѣмъ будетъ гордиться предъ другими.

Но, въ то время, когда мы разсуждаемъ о сельскихъ школахъ, намъ говорятъ (въ Кіевѣ!) уже вообще, что обученіе на *великорусскомъ языкѣ* у насъ есть *нелѣпый опытъ*. Фраза, какъ видите, сказана такъ смѣло и вмѣстѣ не опредѣленно, что иного, по крайней мѣрѣ на первый разъ, она можетъ озадачить; но разберите ее, и она окажется ловкимъ пуфомъ, разсчитаннымъ на эффектъ. Припомнимъ только то, что мы отчасти успѣли высказать, и несостоятельность ея будетъ очевидна. Прежде всего надобно знать, что слова *великорусскй языкъ* неопредѣленны и сбивчивы, и даютъ возможность, судя по ходу полемики, вносить въ нихъ такой, или иной смыслъ; можно разумѣть подъ ними великорусскій языкъ разговорный, и при томъ областной съ его идіомами, и общій, образованный русскій языкъ; можно слово *великорусскій языкъ* понимать еще или въ томъ смыслѣ, что онъ образовался преимущественно на почвѣ великорусской, или что русскій языкъ будто бы принадлежитъ только великороссіянамъ. А потому, кто хочетъ говорить точно, тотъ долженъ бы употреблять въ этомъ случаѣ слово *русскій языкъ*, а не прибѣгать къ двусмысленностямъ, когда дѣло у насъ идетъ именно о книжномъ общемъ языкѣ. Тогда только можно точнѣе опредѣлить и степень основательности самой фразы. Вѣдь не говоримъ же мы *великорусская грамматика*, *великорусская словесность*, а просто *русская грамматика*, и такъ далѣе; почему же и въ этомъ случаѣ авторъ не говоритъ просто: *русскій языкъ?* Теперь можно бы спросить автора: *гдѣ* именно это обученіе у насъ на русскомъ языкѣ онъ считаетъ нелѣпымъ опытомъ, и почему онъ называетъ это обученіе *опытомъ*? Если въ городахъ и городкахъ, и особенно въ Кіевѣ—то мы не считаемъ нужнымъ распространяться съ опроверженіями. Русскій языкъ для всѣхъ насъ, сколько нибудь образованныхъ до такой степени *нашъ*, что отнять его у насъ не могутъ ни какія силы, даже при исполинской помощи автора фразы. Но быть можетъ, употребивши не опредѣленное выраженіе *великорусскій языкъ*,

авторъ скажетъ, что онъ разумѣлъ только обученіе простаго народа въ сельскихъ школахъ. Разберемъ фразу и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Прежде всего и это обученіе, опровергаемое авторомъ, нельзя назвать *опытомъ*, какъ будто въ самомъ дѣлѣ оно началось только вчера, или сегодня: не только въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, наприм., хотя бы духовныхъ, но и во всѣхъ, какія только существовали у насъ, сельскихъ школахъ, всегда, давнымъ—давно обучаютъ по букварямъ церковнославянскимъ и русскимъ; значитъ, это обученіе не есть опытъ, а давній фактъ, выросшій изъ потребностей жизни,—разница не маловажная; на опытъ посягать легко; но не такъ легко на фактъ, котораго требовала и теперь требуетъ наша жизнь. Посмотримъ же имѣетъ ли основаніе достойное уваженія, самый этотъ фактъ, или онъ точно, какъ позволяетъ себѣ авторъ не кстати выражаться, нелѣпъ? Отношеніе наше къ языку, на которомъ насъ обучаютъ, можетъ быть различное, болѣе или менѣе близкое, и чтобы судить о самомъ обученіи на немъ, непремѣнно нужно, какъ можно точнѣе, взвѣсить всѣ оттѣнки этого отношенія; тогда только мы въ состояніи произнести прочное сужденіе и неподдаться увлеченію страсти, или приманкамъ задней мысли. Языкъ, на которомъ обучаютъ насъ, можетъ быть или иностранный, чуждый и совершенно непонятный, или онъ можетъ быть сродный нашему областному языку и потому понятный. Далѣе, и въ этомъ второмъ случаѣ можетъ быть много другихъ обстоятельствъ, частію зависящихъ отъ самыхъ языковъ, областнаго и сроднаго ему общаго, на которымъ учимся, частію иныхъ, опредѣляемыхъ жизнію, которыя до такой степени сближаютъ съ ними общій языкъ и доставляютъ столько выгодъ самому обученію на немъ, что даже при нѣкоторой долѣ размышленія, нельзя назвать его нелѣпымъ, не подвергаясь самому опасности впасть въ нелѣпость. Всмотримся же теперь въ отношеніе русскаго языка къ нашему малорусскому или областному. Будь русскій языкъ для насъ и нашего народа языкомъ иностраннымъ, подобно латинскому, или нѣмецкому, никто не сталъ бы и спорить съ авторомъ. Если бы даже этотъ языкъ при своемъ сродствѣ и понятности угрожалъ какимъ нибудь раздѣленіемъ вѣрѣ, государству и тому подобными опасностями, то и тогда можно бы оставить взглядъ автора безъ возраженія. Но русскій языкъ у насъ не есть ино-

странный. Мы даже очень мало сказали бы, ограничивавшись только тѣмъ, что онъ сроденъ малорусскому и бѣлорусскому. Къ сродству мы должны непремѣнно прибавить еще много другихъ обстоятельствъ, увеличивающихъ его близость къ намъ и понятность до такой степени, что отправляясь отъ обученія по русскимъ букварямъ, мы не встрѣчаемъ ровно никакихъ препятствій продолжать потомъ непосредственное чтеніе книгъ какъ на общемъ русскомъ языкѣ, такъ и на областномъ, малорусскомъ. На эти обстоятельства мы отчасти указывали выше. Одно изъ первыхъ то, что всѣ изъ насъ сколько-нибудь образованные мыслятъ, говорятъ и пишутъ на русскомъ языкѣ, что этотъ языкъ *нашъ* въ самомъ глубокомъ смыслѣ слова, и что по этому и для простаго народа вездѣ будутъ средства, облегчающія ему пониманіе этого языка. Далѣе, имѣя постоянно административныя отношенія, слушая церковныя бесѣды и поученія на общемъ русскомъ языкѣ, онъ еще болѣе сближенъ съ нимъ, и многое не только само собою становится для него яснымъ, но и усвоено уже, какъ его собственное. Тутъ близость и понятность происходятъ уже не отъ одного сродства, но и отъ самой жизни. Прибавьте же теперь еще и то, какъ мы выше сказали, что въ элементарныхъ книгахъ, напр., въ катихизисѣ, или въ священной исторіи, русскій языкъ очень простъ, однообразенъ и близокъ къ церковнославянскому и малорусскому, что алфавитъ у насъ одинъ, что всѣ выраженія относящіяся къ церковности и вѣроученію у насъ одни, что они уже усвоены народомъ, что онъ уже читалъ и теперь читаетъ эти книги, что, послѣ русскаго букваря и первоначальныхъ русскихъ статей для чтенія, ученики сельскихъ школъ рѣшительно никакихъ препятствій не встрѣтятъ къ чтенію популярныхъ книжечекъ малорусскихъ, какъ и мы сами иногда читаемъ эти книги, хотя рѣшительно не занимались спеціально изученіемъ малорусскаго нарѣчія, что, наконецъ, подготовка учениковъ русскими букварями, нисколько не мѣшая переходу отъ этихъ букварей къ малорусскимъ книжкамъ, дѣлаетъ ихъ уже нѣсколько способнѣе къ продолженію своего дальнѣйшаго образованія въ случаѣ возможности,—примите, повторяемъ, во вниманіе всѣ эти обстоятельства, и тогда нельзя будетъ не убѣдиться, что обученіе въ сельскихъ школахъ по русскимъ элементарнымъ книгамъ не требуетъ употребленія какого ни-

будь областнаго великорусскаго языка, что оно не есть опытъ, а данный фактъ, созданный жизнію, и что этотъ способъ обученія было бы болѣе, нежели нелѣпо, называтъ нелѣпымъ. Чтобы еще полнѣе выяснить крайнюю ограниченность автора фразы въ понимании нашего вопроса, нужно знать и помнить, что этотъ давній фактъ обученія по русскимъ (разумѣется и церковнославянскимъ) книгамъ и употребленія русскаго языка не составлялъ и не составляетъ для насъ какой-нибудь странной новости. Въ немъ совершилось только возстановленіе у насъ русскаго языка, когда-то, не смотря на наши протесты, попраннаго Рѣчью-посполитою (см, Вст. стат , г. Иванишева къ изд. Арх. ком. 1861 г.). Теперь нѣкоторымъ любителямъ пустыхъ оригинальностей хотѣлось бы, на перекоръ исторіи, ограничить насъ названіями *Украина, украинскій*; но что же выражается въ этомъ усиліи ихъ, кромѣ безсилія лжи? Кто-же не знаетъ, что не только въ древнія, но и въ позднѣйшія времена нашей исторіи, для нашей страны, языка, народа существовали названія *Русь, русскій*, а не Украина, украинскій. Любители оригинальностей и благожелатели наши обыкновенно прибѣгаютъ еще къ одной уловкѣ и пытаются оторвать насъ отъ нашего образованнаго русскаго языка убѣжденіями, что нынѣшній нашъ образованный русскій языкъ—не тотъ самый, которымъ, пользовались мы въ прежнія времена. Но развѣ и въ сѣверной Россіи книжный русскій языкъ былъ тотъ же прежде, что теперь. Съ развитіемъ жизни измѣняется и языкъ; измѣнялся и развивался и русскій языкъ, пока недостигъ нынѣшняго совершенства. Но въ которой изъ трехъ великихъ полосъ русской земли—сѣвернорусской, бѣлорусской или южнорусской этотъ языкъ не получилъ бы совершеннѣйшаго развитія,—это для насъ все равно; мы пользуемся этимъ развитіемъ общимъ русскимъ языкомъ, какъ нашимъ, и никто не имѣетъ права отнимать его ни у насъ, ни у нашего народа, не только въ продолженіи, но и въ самомъ началѣ обученія.

Мы высказали причины, по которымъ у насъ никакъ не слѣдуетъ устранять русскаго языка изъ круга элементарнаго обученія въ сельскихъ школахъ. Если теперь обратимъ вниманіе на нѣкоторыя особенныя обстоятельства нашего югозападнаго края, то еще болѣе убѣдимся, что не только нельзя устранять русскаго языка и русскихъ элементарныхъ книгъ

изъ круга обученія въ сельскихъ школахъ, но, напротивъ, нужно всѣми добрыми средствами способствовать распространенію въ народѣ русскихъ книгъ.

Первая и очень важная выгода употребленія русскихъ элементарныхъ книгъ въ самомъ началѣ обученія въ сельскихъ школахъ состоитъ въ томъ, что это *единое для всѣхъ начало* будетъ питать въ нашемъ народѣ сознаніе его единства съ племенемъ великорусскимъ и съ цѣлою землею русскою; а въ этомъ единствѣ вся крѣпость нашего югозапада и залогъ его дальнѣйшаго преуспѣянія. Напрасно нѣкоторые господа усиливаются создать изъ ничего вражду среди насъ къ великорусскому племени: всякое изолированное положеніе нашего югозапада отъ великой Россіи не обошлось бы безъ большихъ для насъ бѣдствій въ будущемъ. Нашъ югозападный народъ, вслѣдствіе долговременнаго господства речи — посполитой, утратилъ много нравственныхъ силъ; онъ не имѣетъ и силъ матеріальныхъ: земля большею частію въ рукахъ враждебныхъ ему; капиталовъ у него нѣтъ, образованія и литературы онъ не имѣетъ. Какимъ же образомъ, при такомъ жалкомъ положеніи, онъ можетъ въ будущемъ удержаться предъ окружающимъ его напоромъ западнаго сосѣдняго языка, образованія и литературы, поддерживаемыхъ силою шляхетскихъ внушеній и всѣми матеріальными средствами,—предъ авторитетомъ того элемента, отъ котораго онъ находится до сихъ поръ, и долго еще будетъ, въ самой разнообразной зависимости? — Остается покрайней мѣрѣ животворить его силы развитіемъ и укрѣпленіемъ въ немъ сознанія о единствѣ его съ общерусскою жизнію; а для того, однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для насъ и для всего нашего народа служитъ, между прочимъ, и нашъ общій русскій языкъ — на первыхъ же порахъ обученія. Это одна изъ самыхъ живоносныхъ артерій, которая будетъ проводить въ него новыя силы и укрѣпитъ его для дальнѣйшей жизни и противудѣйствія какому бы то ни было западному народу. Къ чему же въ угожденіе теоріямъ, годность которыхъ еще не доказана, отнимать у нашего народа, въ югозападной части Россіи, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ его развитія, спутывать его сознаніе, и спорами о не нужныхъ вещахъ только замедлять его дальнѣйшее образованіе. Во—сто кратъ лучше было бы, если бы послѣдователи южнорусскихъ

теорій совершенно отступились отъ нашего югозапада и предоставили у насъ все дѣло народнаго образованія здравому смыслу сельскихъ общинъ, духовенству и правительству. При недостаткѣ у насъ общественной силы, помощь и руководство духовенства и правительства для нашего края такъ важны, что оспаривать ихъ можно только опять по охотѣ къ спорамъ, или по незнанію положенія южнорусскаго народа въ нашей югозападной полосѣ.

Не отрицаемъ, что люди, которымъ хотѣлось бы вытѣснить изъ приходскихъ школъ элементарныя русскія книги и ронять все русское въ глазахъ народа, желали бы играть роль народолюбцевъ, народныхъ героевъ. Но что это за народолюбство? Просторъ для личной дѣятельности, наставшій послѣ системы опекунства, привелъ у насъ много прекраснаго; но за то не обошелся безъ — не то смѣшныхъ, не то жалкихъ — крайностей, въ родѣ донкихотства. Являются закулисные дѣятели, хлопочущіе собственно только о томъ, какъ бы взобраться на пьедесталъ, попоказнѣе порисоваться въ роли народныхъ героевъ, но не о томъ, точно ли изъ того выйдутъ благопріятныя послѣдствія для самаго народа. Едва ли не эта наклонность къ особаго рода геройству, превратившаяся въ недугъ нашего времени, главною причиною странныхъ затѣй нѣкоторыхъ господъ о языкѣ въ сельскихъ школахъ. Иначе, даже при нѣкоторой долѣ размышленія, они не могли бы не убѣдиться покрайней мѣрѣ въ томъ, что несоглашающіеся съ ними въ системѣ элементарнаго обученія, руководствуются не произволами, но самыми основательными соображеніями. Хладнокровно принявши въ соображеніе всѣ обстоятельства нашего югозапада, быть можетъ они поняли бы, что ихъ-то именно стремленіями, если бы они удались, можно только опять изолировать нашъ народъ, довести его опять до безпомощнаго состоянія и въ будущемъ приготовить изъ него удобную ловитву для тѣхъ господъ, которые только и ждутъ мутной воды, что-бы потомъ удобнѣе ловить рыбу. Вотъ почему многіе изъ представителей латино-германскаго или западнаго элемента всячески желали бы поддержать среди насъ эти гибельныя стремленія къ сепаратизму въ языкѣ (а за тѣмъ, разумѣется, и въ остальномъ) и даже, если можно, изгнать, какъ мы сказали, самыя выраженія ***Русь, русскій*** и замѣнить ихъ словами ***Украина,***

украинскій, хотя — эти слова,—позднѣйшія, и обозначаютъ не всю южную Русь, а только одну полосу ея. Тутъ шансы очевидны. Если бы имъ удалось не допустить нашего народа ознакомиться съ самаго начала съ русскимъ языкомъ въ элементарныхъ книгахъ, еслибы къ тому они недопустили и распространенія въ народѣ полезныхъ русскихъ книгъ, то это пособило бы имъ, какъ нельзя лучше, достигнуть чего нибудь одного изъ двухъ: или удержать его только въ рукѣ его холопскаго языка, что для многихъ очень желательно (на что, говорятъ, мужикови, рускій языкъ), или втянуть его въ кругъ своихъ украинскихъ абетниковъ, сблизить его съ своими книгами, съ своимъ языкомъ, а за тѣмъ вести туда, куда чуть-чуть они не успѣли завести его послѣ того, какъ Выговскій и Мазепа такъ безсовѣстно портили на западѣ направленіе, данное южной Россіи Богданомъ Хмельницкимъ Наше призваніе должно бы состоять въ томъ, что бы весь нашъ русскій западъ и югозападъ высвобождать отъ латино-германскаго абсолютизма, такъ давившаго ихъ церковною и шляхетскою гордынею въ періодъ своего разлива на востокъ и не встрѣчавшаго препоны по неразвитости нашей жизни, а съ нею и самаго языка. Теперь у насъ есть одно изъ сильнѣйшихъ орудій для противодѣйствія:-это русскій языкъ; и что же? Мы хотимъ, чтобы нашъ народъ не зналъ, и не слышалъ его въ сельскихъ школахъ? Что же это такое? Безуміе, или зложелательство? Не значитъ ли это въ самомъ дѣлѣ желать, чтобы уровенъ нашего прежняго жалкаго самосознанія оставался неизмѣннымъ, покрайней мѣрѣ въ девяти десятыхъ всей массы, обучающейся въ сельскихъ школахъ, такъ-какъ едвали болѣе одной десятой доли изъ нея поступитъ въ какія-нибудь дальнѣйшія училища, гдѣ они услышатъ уже общій, русскій языкъ. Быть можетъ, мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что авось образуются малорусскій языкъ и богатѣйшая малорусская литература, и замѣнятъ собою нынѣшній русскій языкъ, Но кто же въ такихъ великихъ вопросахъ, какъ исправленіе вѣковой участи народа, дѣйствуетъ на авось? Чѣмъ доказать. что образуется малорусскій языкъ, создастся на немъ литература въ собственнымъ смыслѣ? А безъ того, не возможно поднять и уровня народнаго самосознанія. За чѣмъ же, въ предположеніяхъ неизвѣстнаго, рисуемаго воображеніемъ, опять надолго, а быть можетъ и на всегда, снова

удерживать несчастный народъ на прежнемъ уровнѣ его убитаго самосознанія, недавая ему возможности знакомиться съ богатымъ русскимъ языкомъ на первыхъ же порахъ сельскаго обученія? Вотъ почему мы, съ своей стороны, желали бы, что бы правительство и добрые люди не пожалѣли средствъ для снабженія по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ на первый разъ сельскихъ школъ, какъ можно большимъ количествомъ полезныхъ русскихъ книгъ. Это будетъ однимъ изъ сильнѣйшихъ предохранительныхъ средствъ отъ повторенія тѣхъ несчастій, которыя испыталъ уже нашъ край въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Наконецъ, необходимо по прежнему продолжать обученіе народа въ сельскихъ школахъ по русскимъ элементарнымъ книгамъ, еще и потому, что въ противномъ случаѣ мы поведемъ нашъ югозападъ къ разстройству, и по другимъ причинамъ. Если, ни съ сего ни съ того, станемъ искоренять теперь первоначальное обученіе по элементарнымъ русскимъ книгамъ и начинать только на областномъ языкѣ и по книгамъ на этомъ языкѣ, то нужно будетъ учиться на томъ же языкѣ и учителямъ, и тѣмъ, кто будетъ готовить этихъ учителей. Не говоримъ уже, что это невозможно; такъ-какъ нѣтъ ни единства въ малорусскомъ языкѣ, ни литературы,—и излишнее; потому что всѣ сколько-нибудь образованные у насъ и мыслятъ и пишутъ на общемъ русскомъ языкѣ; но какой хаосъ мы внесли бы во всю систему обученія, во всѣ учебныя заведенія подобными нововведеніями? Вводя въ школу, вмѣсто одного общаго книжнаго языка, областной языкъ, мы не въ состояніи потомъ установить предѣлъ, до котораго онъ долженъ простираться въ школьномъ обученіи. Къ чему же перепутывать обученіе въ самомъ началѣ, приводить въ немъ смѣшанность, колебаніе, споры, и затѣмъ — разстройство, когда дальнѣйшее обученіе можетъ происходить только на общемъ образованномъ языкѣ русскомъ! Когда и низсшее обученіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, напр. хотя бы духовныхъ, можетъ быть только на общемъ русскомъ языкѣ. Или быть можетъ, изъ любви къ намъ, желали бы и оттуда изгнать русскій языкъ?? Не лучше ли же во стократъ, чтобы все обученіе въ сельскихъ школахъ происходило по прежнему, по обыкновеннымъ русскимъ книгамъ съ объясненіями въ слу-

чаѣ нужды, на областномъ нарѣчіи; популярными же малорусскими книжками пользоваться только, какъ пособіемъ для народнаго образованія, предоставляя употребленіе ихъ самимъ общинамъ и семействамъ?*)

Не слѣдуетъ забывать еще, что, отмѣняя русскія элементарныя книги въ сельскихъ школахъ и, значитъ, затрудняя для народа средства къ ознакомленію съ русскимъ образованнымъ языкомъ, мы потомъ безъ всякой нужды затруднили бы для народа употребленіе русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ и также, безъ всякой нужды, ввели бы какую-то многоязычность въ области суда и администраціи. Она умѣстна была бы тамъ, гдѣ оффиціальный языкъ иностранный; но какое основаніе намъ подражать этому дробленію въ языкѣ, когда мы рѣшительно можемъ обойтись безъ него, кода намъ нужно больше усилій для введенія, нежели для избѣжанія его. И теперь у насъ вездѣ все дѣлопроизводство, на всѣхъ инстанціяхъ, пишется по русски и нѣтъ недостатка въ умѣніи писать по-русски; современемъ же оно сдѣлается рѣшительно всеобщимъ; но, съ ограниченіемъ элементарнаго обученія малороссійскими книгами, у насъ только снова произведется хаосъ въ языкахъ, отъ котораго мы кое-какъ начали освобождаться, благодаря заботливости правительства; говоримъ—правительства, потому что мы въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ до сихъ поръ утѣшаемся не содѣйствіемъ, а помѣхою; изъ желанія не отставать многоразличнымъ видамъ западныхъ оппозицій правительствамъ, мы вносимъ ее у себя нерѣдко даже тамъ, гдѣ она не имѣетъ смысла и, по нашему мнѣнію, положительно вредна. Этого мало. При такомъ хаосѣ и другой языкъ, какъ образованный, литературный, не смотря на значительное меньшинство употребляющихъ его, потребуетъ себѣ мѣста въ судахъ и въ администраціи нашего запада и югозапада: что же изъ этого выйдетъ? Ни больше, ни меньше, какъ облегченіе пути чуждымъ стремленіямъ къ владычеству надъ нашимъ югозападомъ; потому

*) Намъ достовѣрно извѣстно, что и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ мѣстному мужицкому жаргону, потому, что образованная, общерусская рѣчь хорошо понятна для всѣхъ русскихъ: великихъ, малыхъ, бѣлыхъ, черныхъ, и червоныхъ. Ред.

что грубый, не имѣющій литературы языкъ неминуемо долженъ уступить мѣсто языку другому, образованному по мѣрѣ распространенія образованія отъ высшихъ сферъ народонаселенія къ нисшимъ, а съ языкомъ должны будутъ водвориться и чуждыя намъ стихіи латинскія. Только тотъ можетъ обольщаться невозможностію подобнаго результата при дробленіи русскаго языка въ учебномъ употребленіи, кто не знаетъ, или скрываетъ положеніе югозападной части Россіи.

Заключимъ же все, сказанное нами, въ немногихъ словахъ: въ сельскихъ школахъ по прежнему должно обучать по русскимъ элементарнымъ книгамъ. При объясненіяхъ, если нужно, не мѣшаетъ на первыхъ порахъ употреблять и областное южнорусское нарѣчіе. Говоримъ, *если нужно;* потому что не вездѣ и не всегда объясненіе на малорусскомъ нарѣчіи необходимо; намъ это положительно извѣстно. Когда ученики будутъ свободно читать по русски, тогда съ продолженіемъ школьнаго обученія на томъ же русскомъ языкѣ, они могутъ непосредственно безъ всякихъ затрудненій читать не только русскія, но, если *захотятъ* и малорусскія популярныя книги; но вмѣнять имъ чтеніе малорусскихъ книгъ въ непремѣнную обязанность нѣтъ нужды. При такой системѣ обученія, они ровно ничего не теряютъ въ отношеніи къ своему областному нарѣчію, такъ-какъ по единству русскаго и малорусскаго алфавита, они и безъ всякой спеціальной подготовки могутъ читать малорусскія популярныя книжонки, самое же нарѣчіе имъ извѣстно уже изъ употребленія. За то ученики много выигриваютъ въ отношеніи къ дальнѣйшему развитію; они будутъ подготовлены къ чтенію книгъ русскихъ и къ продолженію своего образованія, общему ли то или спеціальному, техническому.

Какіе бы кто, по этому, ни рисовалъ себѣ идеалы общаго народнаго развитія въ предѣлахъ нашего югозапада, во всякомъ случаѣ самымъ лучшимъ для того средствомъ будетъ обученіе и въ сельскихъ школахъ по русскимъ книгамъ, какъ это дѣлалось у насъ и до сихъ поръ. Отъ замѣны же русскихъ учебныхъ книгъ какими-то малорусскими нельзя было бы ничего ожидать, кромѣ самыхъ вредныхъ послѣдствій— для самаго же народа. Уровень его самосознанія, когда-то такъ понизившагося предъ напоромъ латино-польской жизни, никогда не поднимется; въ развитіи его произойдетъ крайняя

смѣшанность и запутанность, затѣмъ, и вся жизнь его снова утратитъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ точекъ опоры.

Догадаемся ли мы, наконецъ, что того-то именно и хотѣли бы многіе изъ прикидающихся нашими искреннѣйшими благожелателями? Когда-то лиса уговаривала ворону отличиться своимъ вороньимъ голосомъ. Послушалась ворона лисы и каркнула во все воронье горло. Что же вышло? Вороній сыръ достался въ собственность лисѣ.

С. Гогоцкій.

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О ПОЛЬСКОМЪ КАТИХИЗИСѢ.

Прочитавъ документъ извѣстный подъ именемъ польскаго катихизиса, поневолѣ воскликнешь »да расточатся врази наша!« За что же такая адская, глубокая, непримиримая ненависть? Чѣмъ нашъ добрый, простой, благодушный народъ русскій оскорбилъ и обидилъ народъ польскій, чтобы вызвать такое съ его стороны ожесточеніе и желаніе смести насъ съ лица земли? Оглянитесь добрые люди на всѣ четыре стороны и подивитесь, какъ живетъ полякъ на нашей западно-русской землѣ? Кто на него работаетъ въ потѣ лица съ утра до ночи? Какимъ путемъ онъ нажилъ свое богатство и занялъ видное мѣсто въ обществѣ, какъ помѣщикъ, какъ представитель высшаго, *въ нравственномъ отношеніи* сословія, какъ привилегированный членъ русской земли и кореннаго русскаго населенія. На эти вопросы отвѣчаетъ польскій катихизисъ, взятый съ улицы—сынъ повара, конюха, эконома, нищаго канцеляриста, обмытый, одѣтый, воспитанный на русскія деньги, поставленный на ноги русскимъ правительствомъ, пристроенный къ *скромному мѣстечку*—шляхтичъ нашъ, ползкомъ—ничкомъ проходя служебное поприще—то въ званіи строителя, то хранителя казеннаго имущества, то надсмотрщика государственнаго добра, то блюстителя интерессовъ казны, постоянно прибавляетъ десятки къ сотнямъ, сотни къ тысячамъ, и потомъ, оперившись порядочно, вдругъ проникается сознаніемъ своего вѣса и самобытности, бастуетъ и оставляетъ службу. Получивши отставку, онъ немедленно, изъ *преданнаго* слуги нашего правительства, обращается въ »godnego obywatela« ругаетъ »azyatyckie rządy«, примыкаетъ къ враждебной правительству и русской народности партіи, совершая такимъ образомъ обрядъ омовенія предъ глазами окружающей его среды »Polskich Obywateli i Magnatow«, которые со слезами умиленія, открываютъ объятія новому члену, входящему въ ихъ общество въ качествѣ блуднаго сына, возвращающагося въ родительскій домъ въ званіи исповѣдника, исполняющаго *весь законъ* польскаго катихизиса.

Но польскій катихизисъ, при всемъ богатствѣ своего содержанія, не представляетъ еще документа въ такой степени полнаго, чтобы изложенною въ немъ исторіею можно было измѣрить дьявольскую, закоренѣлую ненависть поляковъ къ русскому народу. Заграничная польская литература могла бы служить дополненіемъ этой грустной и мрачной картины. Къ несчастію русское общество, по незнанію польскаго языка и затрудненію добывать враждебныя намъ сочиненія, не имѣетъ о ней почти никакого понятія, а выдержки изъ нея, которыя въ послѣднее время стали помѣщать въ нѣкоторыхъ журалахъ, составляютъ слабый и тусклый призракъ этой стоглавой гидры, которая растетъ и мужаетъ на пагубу русской земли и русскаго человѣка. Много причинъ этой ненависти—историческихъ, но главныя–двѣ. Читайте лекціи Духинскаго, которыя съ такимъ восторгомъ слушала въ прошломъ году польская и французская публика въ парижской академіи, читайте краковскій »Czas«, львовскую газету »Gazeta Narodowa«, *) тысячи брошюръ и сочиненій о Россіи, которыми переполнены заграничныя книжныя лавки,—и тогда вы убѣдитесь, что не русское правительство, не форма нашего правленія, но русскій народъ и православная вѣра составляютъ предметы глубокой, непримиримой ненависти къ намъ Польши—этого ксендза Іезуита, пьянаго и буйнаго шляхтича съ плетью въ рукахъ,—Польши, которая не гнушается ни какими средствами, не брезгаетъ никакими мѣрами, чтобы не только исключить насъ изъ списка европейскихъ государствъ, но изгладить всѣ слѣды нашего бытія, лишить насъ честнаго, родоваго имени. Если ближе всмотрѣться въ явленія этой вражды, то нельзя не изумиться искуству и безпримѣрной настойчивости, съ которыми друзья наши ведутъ свое дѣло, дѣйствуютъ въ теченіи столькихъ лѣтъ, не тѣряя ни энергіи, ни надежды достигнуть своей цѣли.

Но скажутъ, быть можетъ, если бы Польша дѣйствительно съ такимъ усердіемъ и съ такимъ искуствомъ дѣйствовала въ ущербъ нашихъ интерессовъ, какъ мы думаемъ, то при своемъ знаніи дѣла и сноровкѣ, которую она пріобрѣла отъ постоянной практики, она тщательно скрывала бы свою къ намъ

---

*) Не говоримъ ужео извѣстной варшавской подпольной журналистикѣ, которой лжи нѣтъ предѣловъ.

ненависть и давала нам чувствовать, что она ведетъ тяжбу только съ правительствомъ нашимъ, а не съ народомъ, боясь чтобы народъ, подмѣтивши ея умыселъ, не пришелъ въ ожесточеніе, слѣдствіемъ котораго была бы страшная, неумолимая реакція—тѣмъ болѣе опасная, что тогда народъ сталъ бы дѣйствовать за одно съ правительствомъ, и тогда шансы успѣха повернулись бы несомнѣнно въ нашу пользу.

Какъ ни основательны могутъ показаться эти выводы, но и этотъ слабый пунктъ польской пропогавды приведенъ въ оборонительное положеніе весьма искуснымъ образомъ. Польскіе дѣятели, изучившіе съ изумимительною точностію всѣ стороны этого дѣла, не могли не замѣтить, что тѣсный кружокъ русскихъ дѣятелей въ западныхъ губерніяхъ, составленный изъ мѣстныхъ уроженцевъ, занимая въ обществѣ весьма скромныя мѣста, изнемогая подъ бременемъ бѣдности многотрудныхъ и сложныхъ занятій, слабо защищенный отъ могущественной и вліятельной польской партіи никогда не пользовался сочувствіемъ высшаго русскаго общества и передовыхъ людей Россіи, не смотря на то, что эти скромные, одинокіе труженики укромно и самоотверженно вели высоко патріотическое, доблестное дѣло охраненія отъ затраты всѣ элементы русской жизни въ массахъ сельскаго сословія, замиравшаго въ цѣпяхъ крѣпостнаго права, Безъ всякаго кредита и поддержки, лишенные возможности заявлять свободно свои потребности, въ постоянной борьбѣ съ враждебнымъ ей польскимъ элементомъ и матеріальными нуждами обыденной жизни,—люди эти безропотно и безмолвно подчинялись приговорамъ какъ польскаго, такъ и русскаго передоваго общества, дѣйствовавшаго въ свою очередь добросовѣстно только на другой почвѣ и въ средѣ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ; а какъ при такого рода обстановкѣ они имѣли характеръ и форму мертваго политическаго тѣла, поэтому польская партія, признавая ихъ врагами столь же ничтожными, какъ и массу сельскаго населенія, относилась къ нимъ также грубо и презрительно, какъ и съ послѣдними. Но за то, если случайно появлялся въ предѣлахъ западныхъ губерній заѣзжій гость, или временный дѣятель изъ метрополіи русской, гдѣ живымъ ключемъ кипятъ народныя силы, и гдѣ самый слабый стонъ страждущей братіи, подслушанный Россіей могъ бы вызвать страшный и неотразимый взрывъ, способный мгновенно разрушить

козни польской партіи,—какимъ раченіемъ, притворною любовью, поддѣльнымъ братскимъ сочувствіемъ польская партія окружала такую личность! Заѣзжій гость, обращаясь постоянно въ сферахъ высшаго польскаго общества, къ которому онъ принадлежалъ либо по своимъ сословнымъ привиллегіямъ, воспитанію, или положенію въ государственной іерархіи,—терялъ всякую самостоятельность и, такъ сказать, нравственно разлагался въ окружающей его средѣ. Онъ съ презрѣніемъ взиралъ на скромныхъ мѣстныхъ дѣятелей и, подчиняясь вліянію окружающаго его элемента, не обремѣняя себя трудомъ сблизиться и изучить низшіе слои общества,—онъ усвоивалъ себѣ понятія и взгляды какіе польская партія признавала для себя выгоднымъ передавать ему. Весьма понятно, что такого рода личность, дѣйствуя на ту среду, отъ которой она на время отдѣлилась, вносила и распространяла въ обществѣ тѣ воззрѣнія, какія благопріятствовали врагамъ нашего народа и интерессамъ государства и, само собою разумѣется, что всякій, случайно долетающій до сердца Россіи, вопль скорби, воззваніе къ ея заступничеству, былъ встрѣчаемъ равнодушно, а иногда вызывалъ незаслуженные упреки или ѣдкую насмѣшку.

Но оставимъ обращенія къ прискорбному и печальному предмету! Благодаря настоящимъ польскимъ волненіямъ, свидѣтельствующимъ справедливость сказанія, что нѣтъ худа безъ добра,—судьба русскаго населенія въ западныхъ губерніяхъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе начинаетъ интерессовать нашихъ соотечественниковъ, нашу старшую братью, и русское передовое общество съ жаромъ и увлеченіемъ принялось изучать вопросы, относящіеся до положенія русскихъ людей въ западныхъ губерніяхъ. Сочувствіе это обнаружилось всякаго рода заявленіями и приношеніями въ пользу нашихъ церквей и достойнаго православнаго духовенства, этихъ доблестныхъ дѣятелей, бодро стоящихъ на стражѣ православія—въ предѣлахъ, гдѣ оно въ первые озарило свѣтомъ христіянскаго ученія народъ русскій и оттуда живымъ ключемъ разлилось по всему необъятному пространству земли русской, и, быть можетъ, скоро наступить время, когда грустное прошедшее будетъ казаться страшнымъ призракомъ, тяжелымъ сномъ, изчезнувшимъ при пробужденіи—въ лучахъ яркаго, восходящаго солнца.

Говоря о прошедшемъ, настоящемъ, и поднимая робкою рукою завѣсу свѣтлаго будущаго, не могу удержаться, чтобы не привести въ подтвержденіе нѣкоторыхъ выводовъ—обстоятество и комическое и грустное вмѣстѣ, въ надеждѣ, что оно болѣе не повторится на нашей западно русской территоріи.

Въ одной изъ нашихъ западныхъ губерній, въ началѣ настоящаго революціоннаго польскаго движенія, въ главѣ правительственной іерархіи случайно сошлись два лица: мѣстный польскій графъ, служащій по выборамъ, и заѣзжій русскій князь, опредѣленный къ должности правительствомъ. Какъ это обыкновенно водится, заѣзжій князь непреминулъ подвергнуться *эксплуатаціи* польскихъ патріотовъ и въ самое короткое время высшее общество въ губерніи вообще и польскій графъ въ частности, подъ эгидою русскаго мундира и связей съ нѣкоторыми значительными лицами въ столицѣ усердно дѣйствовавшій по указаніямъ центральнаго польскаго комитета въ Варшавѣ къ распространенію революціоннаго движенія въ краѣ, составили о его сіятельствѣ заключеніе съ подраздѣленіями его на слѣдующія категоріи: а) что князь, какъ правительственное лицо, облеченное кредитомъ и властію, есть человѣкъ нужный; б) Что онъ, какъ человѣкъ заѣзжій, есть лицо не свѣдующее въ дѣлахъ, касающихся мѣстныхъ условій и особенностей края; с). что его сіятельство, какъ князь, есть лицо вліятельное, по своимъ семейнымъ и общественнымъ связямъ, а потому можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, полезнымъ другомъ и опаснымъ врагомъ; d) что князь, какъ сіятельство, есть болѣе или менѣе космополитъ съ сильнымъ французскимъ акцентомъ; е) и что, наконецъ, дружба и благоволеніе князя, при настоящихъ, смутныхъ обстоятельствахъ, есть просто кладъ, для пріобрѣтенія котораго не слѣдуетъ щадить ни какихъ средствъ и усилій и проч. и проч.

Эти выводы были основательны. Затѣмъ, не прошло и мѣсяца со дня пріѣзда князя, какъ онъ увидѣлъ себя кумиромъ общества. Домъ князя вскорѣ обратился въ клубъ, въ которомъ, по выбору и рекомендаціи графа, собирались представители высшаго сословія въ краѣ, чтобы посѣтовать и потолковать о бѣдственномъ положеніи мѣстныхъ передовыхъ людей, раздѣляемыхъ *варвавскимъ* правительствомъ съ младшею о Христѣ братіею, которая съ воплемъ ребенка рвется въ его объятія,

съ которою они связаны историческими преданіями, общими интерессами и для развитія нравственныхъ силъ и матеріальныхъ выгодъ для, которой такъ много они (передовые края) затратили трудовъ и капиталовъ. Отуманенная еиміамомъ лести голова князя въ конецъ закружилась. Изъ мироваго посредника, и члена англійскаго и разныхъ другихъ клубовъ, гдѣ тощій кошелекъ и звѣзда самолюбія его сіятельства затемнялись сіяніемъ орденскихъ звѣздъ и блескомъ нравственныхъ и денежныхъ капиталовъ,—князь вдругъ, неожиданно увидѣлъ себя, стоящимъ на высокомъ пьедесталѣ, посредникомъ между двумя тяжущимися между собою народами, между двумя правительствами—законнымъ и нормальнымъ съ одной стороны—и либеральнымъ, конституціоннымъ и даже нѣсколько демократическимъ, хотя бывшимъ только въ зародышѣ—съ другой. Самъ того не замѣчая, князь становился съ каждымъ днемъ въ болѣе явственную оппозицію съ законнымъ правительствомъ и наконецъ, дошло до того, что партія мѣстныхъ передовыхъ людей въ разныхъ политическихъ демонстраціяхъ, стала прикрываться почтенною особою князя какъ нейтральнымъ флагомъ, передъ которымъ земская и городская полиція съ робкимъ подобострастіемъ опускала свои длинныя руки и преклоняла буйную голову.

Но всему, кромѣ Бога, есть начало и конецъ, а потому пришелъ конецъ и владычеству князя: признали за благо убрать подмостки, на которыхъ такъ некстати высилось это сіятельство и, затѣмъ, при содѣйствіи подъемовъ и другихъ финансовыхъ и дипломатическихъ средствъ, передвинуть князя обратно къ исходной точкѣ,—въ прежде окружавшую его среду.

Случай этотъ крайне огорчилъ польскую партію вообще, и именитаго графа въ особенности, и вотъ, желая выжать изъ князя для польскаго дѣла послѣднюю каплю космополитизма и однимъ зарядомъ подстрѣлить двѣ *утки*, одну для Польши, а другую для Россіи, или, говоря слогомъ Духанскаго, *туркô москалей*, рѣшено было устроить прощальный для князя обѣдъ съ демонстраціею,—по польскому обыкновенію.

Обѣдъ былъ, какъ и всѣ обѣды. Вкусное, питающее освѣжающее и утоляющее переплеталось шумною и оживленною бесѣдою когда же дѣло дошло до заздравнаго кубка, тогда графъ, игравшій роль амфитріона церемоніи, ментора и друга

князя, приподнялся съ своего мѣста, и произнесъ на польскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь:

«Господа! Возвышаю голосъ, чтобы провозгласить тостъ за здоровье и благоденствіе отъѣзжающаго князя Х.. Но прежде считаю необходимымъ пояснить причину, почему, прощаясь съ княземъ, мы заявляемъ ему наше сочувствіе. Неужели оно есть слѣдствіе важныхъ услугъ, оказанныхъ нашей странѣ княземъ? Нѣтъ, господа! При настоящихъ обстоятельствахъ ни одинъ членъ правительства не въ состояніи сдѣлать что либо для насъ полезное, и это составляетъ причину, почему благородный князь оставляетъ нашъ край. Съ сочувствіемъ мы разстается съ княземъ, потому—что онъ пріѣхалъ въ нашъ край безъ предубѣжденій, судилъ о насъ по чистой совѣсти и не обнаруживалъ ненависти ни къ намъ, ни къ тому, чѣмъ мы дорожимъ выше всего. Эти обстоятельства побуждаютъ меня прощаться съ нимъ на родномъ нашемъ языкѣ, звуки котораго ему не противны и не должны быть противны его соотечественникамъ. И потому еще прощаемся съ нимъ такимъ образомъ, чтобы, возвратившись къ своимъ соотчичамъ, онъ могъ сказать, что, хотя въ тяжкомъ угнетеніи, мы однакожъ не питаемъ къ сосѣднему и родному племени ни чувствъ ненависти, ни мести,—что мы умѣемъ различать справедливыхъ отъ несправедливыхъ, а потому всѣмъ справедливымъ русскимъ (rossyanom) желаемъ счастія въ *ихъ отечествѣ*, счастія, основаннаго на свободѣ, ибо длинный рядъ нашихъ невзгодъ не позволяетъ намъ въ чемъ либо иномъ усматривать наше счастіе, и такого счастія тѣмъ съ большимъ усердіемъ желаемъ русскимъ (rossyanom), что, когда оно озаритъ, Россію, тогда пробьетъ часъ и нашей свободы. Таково желаніе тоста за здравіе князя«.

И вся эта патетическая комедія разыгрывалась въ то время, когда лекціи Духапскаго затверживались наизусть, когда поляки напрягали всѣ усилія, чтобы ополчить всю Европу на *турко-москалей*, угрожающихъ ея цивилизаціи,—въ то время, когда тайнымъ образомъ заготовлялось оружіе для варѳоломеевской ночи, въ то время, когда поляки титуловали русскихъ во всѣхъ газетахъ azyatyckie hordy, когда составлялись извѣстные польскіе катехизисы, когда жалкіе фанатики, составлявшіе слѣпое орудіе передовыхъ людей Польши—членовъ центральнаго комитета, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ именитый

графъ,—стрѣляли изъ-заугла въ намѣстниковъ русскаго императора, когда поляки всѣми силами старались заставить Европу лишить—насъ безцѣннаго, наслѣдственнаго, роднаго нашего имени русскихъ и бросить насъ за Уралъ, когда нашу православную вѣру называли во всѣхъ журналахъ и газетахъ схизматицкою!

Право не знаемъ чему тутъ больше удивляться—наглости-ли графа, рѣшившагося произнести подобную рѣчь, или безпредѣльному *благодушію* князя, выслушавшаго съ геройскимъ самоотверженіемъ этотъ спичъ. Сколько со стороны перваго надо было имѣть оскорбительной для чести князя и его націи самоувѣренности, чтобы не предвидѣть никакой со стороны его протестаціи, никакой вспышки затронутаго самолюбія и сознанія собственнаго достоинства при поднесеніи ему этой золоченой, но все таки горькой и вонючей пилюли, и какой запасъ смиренія надо было имѣть князю, чтобы проглотить ее безропотно! Но, не вдаваясь въ дальнѣйшій анализъ революціи, совершавшейся въ головѣ и сердцѣ князя, который могъ бы повести насъ къ весьма грустнымъ и невыгоднымъ для князя соображеніямъ на счетъ его политическихъ убѣжденій и патріотическихъ чувствъ, мы допустимъ слѣдующую ипотезу, что ложное положеніе князя въ обществѣ со дня пріѣзда до знаменитаго обѣда—есть результатъ того легкаго хмѣля, который отуманилъ легкую голову князя въ моментъ постановленія его на подмосткахъ между—народнаго и между—правительственнаго посредника, затѣмъ, жалкое и пассивное положеніе князя отъ закуски до провціальнаго слова, произнесеннаго подъ конецъ обѣда,—есть результатъ опять таки легкаго хмѣля, отуманившаго сіятельную голову послѣ многихъ и усердныхъ возліяній.

Неправда ли, что польскій катихизисъ не безъ исповѣдниковъ, что эти исповѣдники съ огромнымъ успѣхомъ примѣняютъ теорію къ практикѣ! Имѣющіе уши слышать, да слышатъ.

Сдѣлавъ нѣсколько выводовъ и наблюденій, обязанныхъ бытіемъ своимъ польскому катихизису и налегавшихъ на мысль, что іезуитизмъ латино-польской пропоганды дѣйствуетъ на насъ и среди насъ съ огромнымъ успѣхомъ,—я постараюсь отыскать психико-этнографическую инищіативу доктрины, извѣстной подъ именемъ польскаго катихизиса. Для этого, я полагаю, не безполезно будетъ окинуть бѣглымъ взглядомъ законы, на основаніи кото-

рыхъ, слагаются всякаго рода теоріи и правила, которыя въ послѣдствіи принимаются обществами къ руководству.

Для примѣра начнемъ ab ovo, т. е. съ первыхъ теорій, являвшихся въ обществѣ, имѣющимъ всѣ необходимыя свойства и условія для развитія гражданской жизни.

Воинственный духъ древнихъ спартанцевъ, облекаясь въ живую, вещественную форму, имѣлъ послѣдствіемъ зарожденіе сперва идеи, а вслѣдъ за тѣмъ цѣлой системы коммунизма, родоначальникомъ которой былъ Ликургъ. Для огражденія этого ученія отъ затраты, устраненія всѣхъ обстоятельствъ, препятствующихъ его развитію, необходимо было умертвить всѣ наклонности, свойственныя природѣ человѣческой; а потому, семейная жизнь, привязанность къ роднымъ, стремленіе къ пріобрѣтенію личной и наслѣдственной собственности должны были уступить мѣсто другимъ побужденіямъ и принесены въ жертву честолюбивымъ замысламъ, духу войны и славы, столь свойственныхъ природѣ спартанца. Не отнимая поэтому у Ликурга права считаться родоначальникомъ коммунизма, было-бы вмѣстѣ съ тѣмъ неосновательно признавать его творцомъ этой системы или этого ученія; ибо оно не было произведеніемъ его таланта, его фантазіи. Ученіе это не привилось-бы на другой почвѣ, не нашло бы себѣ столькихъ послѣдователей въ средѣ другаго народа. Но въ Спартѣ было иное дѣло. Ликургъ представлялъ собою идеалъ спартанца. Въ его богатой природѣ выразился въ полномъ блескѣ и силѣ характеръ и наклонности каждаго изъ членовъ этого народа, отдѣльно взятаго; а потому на сколько Ликургъ, по своей природѣ, былъ спартанцемъ, на столько-же каждый изъ спартанцевъ по своимъ понятіямъ, убѣжденіямъ, образу жизни и наклонностямъ, былъ въ свою очередь Ликургомъ. Вотъ причина того успѣха, съ которымъ коммунизмъ установился въ Спартѣ.

Присутствіе того же самаго закона формаціи системъ обнаруживается при внимательномъ изслѣдованіи главныхъ положеній ученія Магомета и причинъ того громаднаго успѣха, какой оно имѣло у народовъ арабскаго, татарскаго, турецкаго и другихъ племенъ. Создавая свое ученіе, Магометъ примѣнялся къ природѣ, стремленіямъ и понятіямъ той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ и изъ которой онъ самъ вышелъ. Подъ знойнымъ небомъ юга, располагающимъ къ лѣни и без-

дѣйствію, воинственный народъ ведущій скитальческую жизнь, вмѣщалъ въ себѣ зародышъ тѣхъ стремленій, которыхъ смутный образъ носился въ воздухѣ и ожидалъ только геніяльнаго человѣка, чтобы подъ его мощнымъ толчкомъ облѣся въ живую, веществен-ную форму. Пылкость воспріимчивой природы этихъ племенъ, ихъ игривая фантазія, движеніе бурныхъ страстей, жажда физическихъ наслажденій—едва—ли бы могли подчиниться законамъ, стѣсняю-щимъ экзальтацію и чувственность восточнаго человѣка, понужда-ющимъ его вести вѣчную борьбу съ свойственными его натурѣ и климату наклонностями и побужденіями. Не постиглибы эти народы величія того ученія, которое повелѣвало-бы имъ прощать обиды, любить ближняго какъ самаго себя и не придавать особаго значенія благамъ матеріальнымъ. Вотъ почему Магометъ, изучившій всѣ особенности и свойства своего народа, не включилъ въ свой кодексъ ничего такого, что могло бы оказаться неприм-нимымъ въ окружавшей его средѣ; слѣдовательно его нельзя считать и творцомъ какой нибудь новой геніальной идеи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не перестаетъ быть законнымъ родоначальникомъ исла-мизма. Установленныя имъ правила и законы проглядывали, такъ сказать, между строкъ книги природы тѣхъ племенъ, которыя послѣдовали его ученію, а потому подвигъ Магомета заключается только въ томъ, что онъ собралъ въ одинъ кодексъ всѣ законы, которыми прежде по созпательному инстинкту, руко-водствовались въ нѣкоторой степени всѣ племена и народы принявшіе въ послѣдствіи исламизмъ; но, повторяю, въ этомъ кодек-сѣ не было ни одной, новой оригинальной идеи, и каждый пунктъ, каждая его статья, таилась въ природѣ какъ самаго Магомета, такъ и всѣхъ его послѣдователей.

По тѣмъ же законамъ формировалась система ученія іезуитовъ, главныя положенія котораго оразились въ »тай-ной инструкціи общества іезуитовъ«, помѣщенной въ Вѣстникѣ югозападной и западной Россіи.

Партія, на которую грязнымъ пятномъ ложится инииціатива этого историческаго документа, и личности, заинтересованныя въ томъ, чтобы смягчить грустное и тяжелое впечатлѣніе, не-вольно поселяющееся въ душѣ каждаго изслѣдователя законовъ развитія нравственныхъ недуговъ и пороковъ въ природѣ чело-вѣческой, — будутъ прилагать всѣ усилія, чтобы доказать не-основательность обвиненій, тяжкимъ бременемъ падающихъ на

голову творцовъ чудовищныхъ догматовъ іезуитизма. Они не преминутъ прибѣгать къ разнымъ изворотамъ, доказывать несостоятельность солидарности между какимъ либо безумцемъ, омраченнымъ свирѣпымъ фанатизмомъ и цѣлымъ обществомъ къ которому принадлежалъ этотъ больной, что идеи, высказанныя въ бреду горячки однимъ изъ членовъ общества, не даютъ еще права признавать цѣлое сословіе соучастниками его преступныхъ замысловъ и безумныхъ теорій. Все это могло-бы имѣть нѣкоторыя основанія, если-бы мы не встрѣчали на каждомъ шагу живыхъ явленій, свидѣтельствующихъ, что идеи и слова, выказанныя больнымъ въ припадкѣ горячки и такъ сознательно сведенныя въ одну общую систему—служили руководствомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ здоровыхъ членовъ цѣлаго общества, и что даже до появленія на свѣтъ Божій этой системы, каждая отдѣльная личность взятая изъ этой среды дѣйствовала въ предѣлахъ своей оффиціи въ духѣ этой системы. Да и могло ли быть иначе, если цѣли общества были однѣ и тѣже и всякая мѣра къ достиженію цѣлей заранѣе оправдывалась и одобрялась? Вся разница между первымъ періодомъ и вторымъ, т. е. между теоріей и практикой недѣлимыхъ и системой, одогматизированной и обязательной для всего общества заключается въ томъ, что многіе изъ членовъ Societatis, а въ особенности менѣе опытные и способные, часто дѣлали промахи, ошибки, и впадали въ заблужденіе, не смотря на свое усердіе и преданность дѣлу ордена. На основаніи этихъ соображеній можно сказать положительно, что всякая система, всякія правила, всякіе пріемы не суть явленія случайныя, что они вызываются извѣстнымъ складомъ ума и сердца и являются въ средѣ такого только общества или партіи, гдѣ ощущается сочувствіе къ нимъ, наклонность, какъ со стороны отдѣльно взятыхъ личностей, такъ равно и цѣлаго общества, между членами котораго существуетъ взаимная солидарность.

Какъ бы то нибыло, и сколько бы мы ни старались убѣдить нашихъ соотечественниковъ, живущихъ внѣ предѣловъ той земли, на которой искони разыгрывается страшная драма изувѣрствъ, насилій, обмановъ, порожденныхъ латинопольскою пропагандой,—труды и усилія наши—доказать основательность нашихъ нареканій и бѣдственное положеніе обманываемыхъ, притѣсняемыхъ,—едва ли не останутся тщетными и безполез-

ными. Такова уже натура благодушнаго русскаго человѣка, что онъ считаетъ себя и ниже, и недостойнѣе всѣхъ остальныхъ породъ человѣческихъ, населяющихъ землю; а потому русскій пессимистъ не допускаетъ мысли, чтобы кто либо не имѣлъ права обижать его,—а оптимистъ, — чтобы кто нибудь возымѣлъ намѣреніе вредить ему, точить ножъ на его горло,—въ особенности, когда за это дѣло какъ теперь взялись люди, умѣющіе облекать свои дѣйствія въ изящныя формы, доведщія науки обманывать до такой утонченности. Какъ младшій членъ европейской семьи, опередившей его въ наукѣ жизни, онъ съ завистью, свойственной дѣтскому возрасту, слѣдитъ за искусными маневрами старшей своей братьи и въ благородномъ смремленіи—подвинуться къ его уровню, онъ стыдится выказывать гласно свое мнѣніе, запротестовать тамъ, и тогда, гдѣ и когда ему бы хотѣлось. Онъ опасается, чтобы его лепетъ, въ которомъ можетъ обнаружиться незнаніе обрядовъ гражданской жизни, не вызвалъ ѣдкой насмѣшки противной стороны; онъ терпѣливо переноситъ всякаго рода обиды и оскорбленія, безропотно, съ геройскимъ равнодушіемъ смотритъ какъ терзаютъ его тѣло, сокрушаютъ его кости и страшная физическая боль не исторгнетъ изъ его сердца ни жалобъ, ни нареканій; онъ думаетъ, что терновый путь, которымъ ведутъ его передовые ускоритъ наступленіе возмужалости и нравственнаго развитія его организма. И вотъ причина, почему мы такъ жадно усвоиваемъ себѣ обряды и порядки иностранцевъ, почему мы дорожимъ мнѣніемъ Европы, гоняемся за популярностью, предаемъ въ жертву нашу братью, отрекаемся отъ нашей народности, и даже весьма часто обнаруживаемъ преступное равнодушіе къ нашему отечеству и къ интерессамъ нашего государства какъ и теперь. Грустно и больно видѣть, что даже и въ настоящее время, когда нѣкоторыя области русскія обливаются кровью нашихъ соотечественниковъ, когда онѣ превратились въ землю мучениковъ, мы не рѣшаемся еще повѣрить, чтобы дорогіе гости, поселившіеся на нашей землѣ, которыхъ мы столько лѣтъ кормили своимъ хлѣбомъ, которыхъ мы обогатили и нравственно, и матеріально, и для которыхъ мы какъ невольники въ потѣ лица трудимся столько лѣтъ,— чтобъ эти гости издали цѣлую науку для систематическаго ис-

требленія нашего народа, истощенія его богатства, униженія его вѣры, уничтоженія Россіи.

Такія, быть можетъ, мысли и ощущенія возникнутъ, при чтеніи польскаго катихизиса въ духѣ нашихъ соотечественниковъ живущихъ внѣ предѣловъ страны, которая много столѣтій страдала подъ польскимъ игомъ, и которая въ настоящее время ведетъ съ своими старыми врагами кровавую и ожесточенную войну за свою независимость. Какъ людямъ чужимъ не повѣрить основательности тѣхъ жалобъ, тѣхъ нарѣканій которыя въ минорномъ тонѣ распѣваетъ хоръ, что 30 т. польскихъ амигрантовъ, приспособленныхъ къ дѣлу поддерживаются не менѣе многочисленною партіею своихъ соотчичей, разсѣянныхъ по всему лицу Европы! Мудрено-ли, что эта Европа, не имѣя ни какой надобности и охоты наводить справки, чтобы свѣрить копіи съ оригиналомъ, воспроизводитъ въ столбцахъ своихъ безчисленныхъ газетъ и журналовъ картину событій тѣми же самыми красками, какими писали ее польскіе артисты! Возможно ли Европѣ усомниться въ томъ, что бѣшеное ожесточеніе, съ которымъ польское шляхетство проповѣдуетъ новый крестовый походъ противъ Россіи, проистекаетъ отъ утраты нѣкоторыхъ народныхъ учрежденій, порядковъ, установленныхъ русскимъ правительствомъ притѣснительныхъ мѣръ, а не отъ потери привиллегіи—затрачивать русскія силы и стирать съ лица земли русскую народность, для приращенія и усиленія народности польской? Можно-ли повѣрить, чтобы конвульсіи, потрясающія организмъ католическаго духовенства, проистекали не вслѣдствіе нетерпимости русскаго правительства и притѣсненія людей, исповѣдующихъ вѣру Христа по обрядамъ западной церкви, а вслѣдствіе лишенія католическаго духовенства свѣтской власти, внѣшней силы и права вести свою пропаганду на счетъ членовъ восточной церкви? Подобнаго рода обстановка польскаго вопроса представляетъ ту выгоду для поборниковъ дѣла Польши, что она сообщаетъ наступательнымъ ихъ дѣйствіямъ форму и характеръ дѣйствій оборонительныхъ. Не съ народомъ русскимъ ведемъ мы войну, не братью нашу вызываемъ мы на кровавый расчетъ, но правительство русское съ монгольскимъ деспотизмомъ, разрушеніе котораго будетъ имѣть въ равной степени благотворныя послѣдствія какъ для насъ—поляковъ, такъ и для васъ — русскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для

цѣлой Европы, рискующей утратить въ волнахъ близкаго вандальскаго нашествія весь капиталъ своей цивилизаціи. За польскими публицистами и ораторами зашумѣла вся Европа и всѣ кабинеты, члены которыхъ, при всей своей опытности въ дѣлахъ политическихъ, при всемъ своемъ образованіи и стремленіи снискать себѣ въ разбирательствѣ между-народныхъ расппрей славу судей непогрѣшимыхъ, безпристрастныхъ,—высказываютъ свое мнѣніе и произносятъ свой приговоръ о польскихъ дѣлахъ на основаніи меморій, записокъ и всякихъ псевдо—историческихъ документовъ, усердно доставляемыхъ имъ членами одной только польской партіи, т. е. страны, заинтересованной въ дѣлѣ, не обращая никакого вниманія, что такою одностороонностью совершаютъ упущеніе, за которое даже въ *монгольской Россіи* правительство предаетъ суду и отрѣшаетъ отъ должности какого нибудь становаго пристава—самоучку, либо судебнаго слѣдователя, взросшаго на скамейкѣ земскаго суда, и даже не принимаетъ отъ него никакихъ оправданій.

Но слѣдуетъ-ли, спрашиваемъ, осуждать наше русское общество, что оно, въ первый періодъ польскаго движенія въ западномъ краѣ, не только не заявило своего сочувствія въ пользу принимаемыхъ правительствомъ мѣръ къ подавленію этого движенія и съ преступнымъ равнодушіенъ взирало на усилія польскихъ агитаторовъ поработить населеніе западныхъ губерній своей власти; но еще тайно радовалось успѣхамъ враждебной отечеству нашему партіи? Слѣдуетъ ли порицать нашихъ публицистовъ, приучившихъ себя искони рабски преклонять колѣна предъ приговорами европейской журналистики за то, что они, сколько позволяли силы и средства, поддакивали глумленіямъ надъ нами Европы и подлаживались подъ тонъ заграничныхъ журналовъ? Можно-ли винить того редактора, который, слѣдуя побужденіямъ русской пропаганды, заявилъ себя столь рѣзко въ первыхъ нумерахъ издаваемаго имъ журнала въ пользу роднаго дѣла и, обратился потомъ въ постыдное бѣгство при замѣчаніи одной личности съ сильнымъ авторитетомъ, что, дескать, неприлично бить лежачаго врага, тогда какъ этотъ врагъ, своими козннями и интригами, умерщвлялъ столько лѣтъ русскую жизнь въ западныхъ губерніяхъ? Слѣдуетъ ли удивляться тому, что тотъ же самый человѣкъ съ сильнымъ авторитетомъ, по пути своему

чрезъ нашъ край, схваченный на руки мѣстными патриціями, сознающими необходимость замылить ему глаза, попался въ искусно разставленные ему силки, и затѣмъ, въ порывѣ благороднаго негодованія, проникнутый чувствомъ признательности за братскій пріемъ *и чистосердечное* заявленіе душевнаго сочувствія къ единокровному русскому народу, посвятилъ свое перо и нѣсколько минутъ досужаго времени на то, чтобы журнальною статейкою заклеймить позоромъ мѣры правительства къ снятію польскаго ярма съ окровавленной и безмолвной жертвы, какою была въ этомъ краѣ русская народность? Эти грустныя явленія составляли неизбѣжное послѣдствіе судорожнаго желанія — стать, во что-бы то ни стало и какъ можно скорѣе, на одинъ уровень съ европейскою цивилизаціею, стяжать себѣ эпитетъ людей просвѣщенныхъ, либеральныхъ, заставить Европу не обзывать насъ больше варварами, монголами, расположить въ свою пользу нашихъ заграничныхъ прометеевъ, напрягающихъ свои силы къ тому, чтобы опозорить и ослабить правительство, съ которымъ они не могли свести честнымъ образомъ своихъ счетовъ. Такимъ образомъ либеральное направленіе нашихъ *передовыхъ людей* выразилось въ какой-то странной, незрѣлой, дикой формѣ. Результатъ этого стремленія въ первый моментъ его жизни заключался въ томъ, что мы распустили вожжи и позволили безнаказанно своевольничать, обходить законы, несоблюдать законныхъ порядковъ и правилъ, что, само собою разумѣется, было весьма на руку нашимъ врагамъ, беспрепятственно ростившимъ гидру революціи, находившейся еще вь пеленкахъ.

Наконецъ, когда идея начала облекаться въ вещественную форму, завѣса, закрывавшая зрѣніе русскаго общества, стала подниматься, разоблачая истинное значеніе польскаго вопроса. Какъ всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ, наши столицы народа и вѣры первыя откликнулись на скорбный вопль народа, взывающаго къ заступничеству, первыя ополчились на защиту своихъ соотечественниковъ и единовѣрцовъ въ западныхъ губерніяхъ отъ врага Россіи и православія. Смѣлымъ и правдивымъ словомъ, достойнымъ римскаго гражданина древнихъ временъ, — онѣ заявили свой протестъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, будетъ-ли такой крутой поворотъ въ нашей современной литературѣ принятъ благосклонно нашими домо-

рощенными либералами и реформаторами, прилично-ли сынамъ нашей молодой Россіи принимать сторону истины и совѣсти, на которой стало наше правительство, будетъ-ли совпадать ихъ направленіе съ общимъ настроеніемъ иностранной журналистики и что по сему предмету скажетъ самоправная и самозванная владычица и законодательница наша Европа?

Александръ Горошковскій.

НАШИ ХЛОПАЧКИ.

Въ 139 № «Сѣверной Почты» перепечатано извѣстіе о наглыхъ поступкахъ въ Краковѣ польскихъ уличныхъ *хлопаковъ*,— этихъ буйныхъ и безпорядочныхъ орудій агитаторовъ, этихъ зачинщиковъ тамъ всякаго гвалта, носителей знамени, къ которому стекается вся сволочь, ищущая неурядицы. По поводу погребенія въ Краковѣ полицейскаго чиновника Крочака, умершаго отъ побоевъ, нанесенныхъ ему тамошними студентами, эти хлопаки хотѣли несчастнаго лишить христіанскаго погребенія, выбросить его изъ гроба гдѣ-либо за заставой, какъ собаку.—У насъ, за неимѣніемъ *краковскихъ хлопаковъ*, есть свои *хлопачки*. *Хлопачки* сидятъ при дверяхъ косцеловъ и собираютъ отъ всякаго входящаго подаянія въ пользу польскихъ повстанцевъ; ходятъ съ лотерейными листами—для той же цѣли; руководятъ старыми и молодыми, мужьями и дѣтьми,— выставляютъ на деревьяхъ трехцвѣтныя знамена, ставятъ, подъ покровомъ религіи, кресты на площади въ память варшавскихъ замордованныхъ; *хлопачки* дѣлаютъ сходки въ косцелахъ и славословятъ *пана—Бога*, вмѣсто религіозныхъ, возмутительными гимнами; онѣ соединяются въ уличныя массы и манифестируютъ предъ домомъ начальника губерніи, требуя настоятельно выдачи креста тайно, поставленнаго подъ ихъ руководствомъ на городской площади; набираютъ молодежъ и выводятъ за собой за городъ, сдавая потомъ въ лѣсу, въ руки повстанцевъ; наши *хлопачки* отличаются и наружнымъ видомъ: всѣ онѣ, какъ стадо галокъ, одѣты во все черное, старыя—въ крепoвыхъ шляпкахъ, молодыя—въ такъ называемыхъ баторкахъ съ бѣ-

лымъ султанчикомъ, на груди черный крестъ съ бѣлыми краями на низкѣ четокъ, тщательно впрочемъ скрываемый на улицахъ, краковскій кожаный широкій поясъ съ бляхами, какъ у ямщицкихъ лошадей, изъ коихъ передняя болѣе прочихъ, съ бюстомъ Костюшки, или, какъ выразился довольно забавно одинъ наблюдатель,—*на гловѣ* хлопачекъ *седзи бялый оржелъ, на персяхъ панъ-Іезусъ, а надъ бржушкѣмъ пануѣ Костюшко*; *хлопачки*—тѣснятся со слезами навстрѣчу мятежнымъ толпамъ своихъ родаковъ, перевязанныхъ хлопскою рукою, снабжая ихъ въ заключеніе бѣльемъ и пищею; онѣ проповѣдуютъ о чудесахъ, подобныхъ варшавскимъ и ченстоховскимъ, въ явленіи коихъ само Небо какъ бы побораетъ дѣлу польскихъ мятежниковъ и римской церкви, какъ напр.,будто въ радомысльскомъ уѣздѣ явилась *въ лѣсу* икона Богоматери, недавшая себя принять въ руки православнаго священника—сначала одного, потомъ другаго; но затѣмъ оказавшая явные знаки благоволенія ксендзу—пробощу; будто— въ м. Мирополья изъ могилы, гдѣ погребены убитые мятежники, кровь бьетъ ключемъ и слышится пѣніе—*свѣнтый Боже, свѣнтый моцный* и. т. д. и *Боже, цось польска*.. и пр.; онѣ спѣшатъ на могилу русскаго офицера, на словахъ преданнаго ихъ интерессамъ и ради любезности, будто сочувствовавшаго ихъ мечтамъ, и—усыпаютъ могилу его цвѣтами. *Краковскіе хлопаки*, находясь въ средѣ одноплеменнаго и однороднаго населенія, служатъ орудіемъ безпорядковъ противъ лицъ, охраняющихъ порядокъ гражданскаго строя; они препятствуютъ отпѣванію тѣла усопшаго отъ побоевъ и христіанскому его погребенію; роль нашихъ *хлапачекъ*, по мѣстной обстановкѣ, нѣсколько другая: ненавидя господствующее населеніе, его религію, правительство и происходящее отъ него гражданское устройство, онѣ радуются всему тому, что становится противъ него, сострадаютъ не только надъ тѣми изъ *своихъ*, кои составляютъ мятежныя шайки и вооруженною рукою производятъ бунтъ въ краѣ, но живо сочувствуютъ и рукоплещутъ тѣмъ немногимъ русскимъ, кои, противъ присяги, противъ долга къ отечеству, увлеченные заблужденіемъ, обманомъ и прельщеніями, переходятъ на ихъ сторону; заглушивъ религіозную ненависть, вмѣшиваются въ погребальныя процессіи тѣхъ изъ православныхъ, кои за свое безуміе при разбитіи мятежныхъ шаекъ

сдѣлались добычею смерти. Временнообязанный крестьянинъ христиновской волости (овручскаго уѣзда) Шилюкъ, бывшій у своего владѣльца с. Залѣсья кучеромъ, увлеченъ былъ въ шайку мятежниковъ, разбитую, какъ извѣстно, 4-го мая въ Христиновскихъ лѣсахъ *). Раненый въ животъ пулей на вылетъ и взятый въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими, онъ умеръ отъ ранъ въ овручской больницѣ 14 іюня, духовно-напутствованный по обряду православной церкви. Сочувствуя всякому участнику безпорядковъ, овручскія благородныя *хлопачки*, устроивъ великолѣпный гробъ, ходатайствуютъ у мѣстнаго соборнаго священника о церемоніальномъ погребеніи умершаго, предлагая ему за то вознагражденіе, достойное лучшаго павшаго героя ихъ отечества, но, получивъ въ томъ отказъ, онѣ въ числѣ 50, въ обычной траурной одеждѣ, со свѣчами въ рукахъ и пѣніемъ католическихъ литаній, провожаютъ везомый на телегѣ гробъ Максима Шилюка къ православному кладбищу, гдѣ, предъ вышедшимъ у воротъ на встрѣчу изумленнымъ священникомъ, берутъ на свои нѣжныя плечи гробъ, сносятъ его къ мѣсту погребенія, осыпаютъ его и самую могилу цвѣтами, и, затѣмъ, окруживъ насыпанную могилу, коленопреклоненныя, напутствуютъ молитвами, нельзя только сказать—*теплыми*: ибо теплота и искренность—чужды задней мысли.

И такъ, какъ видите, волынскія наши *хлопачки* дѣйствуютъ за-одно съ краковскими *хлопаками*: истинная *едносць* и *рувносць!* Связанныя тѣсно съ *хлопаками* краковскими поясами, онѣ идутъ къ одной цѣли, хотя и различными путями.

Житоміръ 18-го іюля. К.

Объ изданной въ Парижѣ перепискѣ между Императоромъ Александромъ I. и княземъ Чарторыйскимъ.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ изъ Парижа (№ 26 дня) г. Касьяновъ увѣдомляетъ объ изданіи переписки, бывшей между Императоромъ Александромъ I и княземъ Чарторыйскимъ, на которую поляки ссылаются теперь въ Парижѣ какъ на до-

*) Волын. губ. вѣд. 1863 г. № 23.

казательство, что западнорусскій край долженъ принадлежать Польшѣ [1]).

Мы не видѣли еще этого изданія, не знаемъ и самой переписки; однакоже считаемъ не безполезнымъ сказать теперь-же два-три слова объ эпохѣ дѣятельности Чарторыйскаго въ отношеніи къ русскому югозападу.

Указывая на эту переписку, поляки безъ всякаго сомнѣнія думаютъ доказать, будто бы антипольское самосознаніе массы православнаго русскаго народа въ югозападной Россіи никогда не существовало, что оно возникло только въ царствованіе Николая I подъ вліяніемъ правительственныхъ дѣйствій того времени. Тоже самое хотѣлъ провести въ сознаніе публики и г. Грабовскій въ отвѣтѣ русскимъ публицистамъ, увѣряя, что взглядъ покойнаго Сенковскаго на югозападный русскій край, какъ русскій, потому только и могъ сформироваться и удержаться, что нашелъ себѣ поддержку въ правительствѣ.

Опровергать эту пустую польскую уловку мы считаемъ теперь совершенно лишнимъ, такъ-какъ лживость ея уже доказана неопровержимо: съ самаго перваго вторженія къ намъ поляковъ, не имѣвшихъ права даже селиться у насъ, до позднѣйшихъ временъ нашей исторіи не только жило несокрушимо это народное самосознаніе, но и выражалось протестами какъ противъ преслѣдованій за вѣру, такъ и въ защиту русскаго языка, который, даже по смыслу насильственной люблинской уніи, долженъ былъ оставаться у насъ и въ оффиціальномъ употребленіи *на вѣчныя времена*. А потому, и по возсоединеніи югозападнаго края, Россія не только имѣла полное право, но и обязана была высвободить основное его народонаселе-

---

[1]) Такъ вотъ, наконецъ, польскій либерализмъ сбрасываетъ съ себя маску и предстаетъ въ своемъ подлинномъ видѣ. Онъ думаетъ достигнуть соединенія югозападной Руси съ Польшею (а точнѣе новаго порабощенія западнорусскаго народа Польшѣ) не во имя древней исторіи, вѣры, этнографіи, не во имя былыхъ народныхъ протестовъ и современнаго нашего самосознанія, но на основаніи переписки въ началѣ XIX вѣка, которая рѣшительно не могла имѣть цѣлію серьезнаго разъясненія исторіи нашего края и подлинныхъ отношеній его къ Польшѣ.

ніе (южнорусское и западнорусское) отъ владычества пришлой латинопольской партіи, захватившей наши земли, и доставить ему средства образованія, соотвѣтственныя его древне-русской, православной народности. Раньше, или позже какимъ нибудь однимъ или двумя десятками лѣтъ, Россія воспользовалась бы своимъ правомъ и исполнила свой долгъ въ отношеніи къ намъ, возникли бы или нѣтъ въ чьей-нибудь головѣ, даже изъ непольской среды, понятія, несогласныя съ нашею исторіею, съ нашимъ самосознаніемъ,—это не имѣетъ особеннаго значенія ни въ отношеніи къ самому праву Россіи, ни въ отношеніи къ нашему антипольскому самосознанію. Запоздалость русскаго правительства, произшедшая въ царствованіе Александра I подъ вліяніемъ Чарторыйскаго, доставила только еще нѣсколько лишняго времени полному разгулу латинопольскаго элемента среди насъ, тормозила какъ могла развитіе нашихъ силъ, отсрочивала день расплаты съ польскимъ деспотствомъ, но отвратить его не могла. Что же могутъ доказать парижскіе искатели приключеній изданіемъ вышеупомянутой переписки? Совсѣмъ не то, что думаютъ. А что же именно? Они могутъ доказать не права Польши на нашъ русскій югозападъ, а только двѣ очень поучительныя для насъ истины, что, съ одной стороны, мы, подъ вліяніемъ французско-нѣмецкаго воспитанія въ началѣ нынѣшняго столѣтія не заботились о своемъ самопознаніи и больше думали объ интересахъ Германіи и Франціи, нежели о своихъ собственныхъ, а съ другой — что Чарторыйскій очень искусно умѣлъ пользоваться нашею дремотою и, заслоняя историческую и этнографическую истину, не допускалъ, кого слѣдовало, принять серьезныя мѣры къ избавленію насъ отъ польскихъ притязаній, отъ латинопольскаго ига. Вотъ тутъ-то и видно, что не наше антипольское самосознаніе должно считать слѣдствіемъ правительственныхъ дѣйствій, а, наоборотъ, что оно постоянно жило и снова обнаружилось наконецъ помимо долговременнаго невниманія къ намъ даже со стороны правительства. Къ несчастію много благопріятствовало Чарторыйскому и то обстоятельство, что, по духу того времени, мы не могли гласно заявлять о прямыхъ и вопіющихъ потребностяхъ нашего стариннаго русскаго югозапада и разъяснить, куда была направлена вся система его дѣйствій. Что мы такъ именно смотрѣли на дѣятельность Чарторыйскаго, вовсе и не зная о су-

ществованіи его переписки, что мы ждали только возможности заявить нашъ взглядъ не нее и высказали его какъ только наступило время гласности, это доказывается многими статьями. Такъ напримѣръ, въ *письмѣ изъ югозападной Руси*, помѣщенномъ въ одномъ періодическомъ изданіи въ Парижѣ (№ 8, 1860 года) было прямо высказано, что Чарторыйскій дѣйствовалъ во вредъ нашему русскому югозападу. Тоже самое нѣсколько подробнѣе было высказано въ *отвѣтѣ* на адресъ нѣкоторыхъ поляковъ подольской губерніи. (Вѣстникъ западн. и югозап. Россіи, книга IV. Отдѣлъ III.). Хотя имя Чарторыйскаго здѣсь неупомянуто ни разу, но, и изъ немногихъ словъ въ этомъ отвѣтѣ о состояніи нашего югозапада въ началѣ XIX вѣка, понятно, на кого, какъ на дѣятеля, указываютъ извѣстныя качества дѣйствій.

Такъ мы понимали и понимаемъ дѣятельность Чарторыйскаго, въ отношеніи къ нашему югозападу; но не такъ усиливаются представить ее поляки. Обыкновенные результаты ловкости Чарторыйскаго они сочли за требованія самой исторической и этнографической правды, до такой степени, что когда императоръ Николай I началъ у насъ самыя благотворныя реформы, которыя давно уже были необходимы на основаніи исторіи, этнографіи и самой православной вѣры, то, разбѣжавшись по Европѣ, они подняли крикъ и гамъ о насиліи. Владѣя богатствами, которыя добывали трудомъ и потомъ нашего же угнетеннаго ими народа, имѣя за собою сочувствіе католическихъ народовъ,—они могли достигнуть цѣли. Европа имъ повѣрила, вовсе не понимая того, что они-то именно и есть тѣ деспоты и наполовину ренегаты, отъ которыхъ давно уже слѣдовало высвободить югозападную Русь. Они кричали объ угнетеніи со стороны Россіи, но ни одинъ изъ нихъ не сказалъ, что они же отступили отъ условій люблинской уніи и, питаясь хлѣбомъ югозападной и западной православной Руси, думали только продлить и узаконить то иго, которымъ такъ бременила ее Рѣчь-Посполитая.

Оставимъ же мертвыхъ погребать своихъ мертвецовъ, а издателей наслаждаться своимъ изданіемъ. Предметъ его такъ далекъ отъ насъ, такъ чуждъ нашей жизни, что никогда не сростется съ нею... Не уловкамъ, хотя бы даже самымъ и удачнымъ, какихъ-нибудь Чарторыйскихъ пере-

значивают судьбы нашего югозапада. Онѣ зависятъ отъ нашей собственной внутренней жизни и отъ сродства нашего съ цѣлою землею русскою. Для насъ нисколько не обязательны частныя мысли, — порожденія минуты, скользнувшія мимолетно въ перепискѣ лицъ, хотя бы то историческихъ. Развѣ лица историческія не могутъ такъ же ошибаться, какъ и не историческія, и развѣ эти ошибки могутъ быть возводимы въ значеніе международныхъ трактатовъ?...

Крестный ходъ въ Кіевѣ, 15-го іюля 1863 года, и раздача наградъ отличившимся при усмиреніи польскаго мятежа въ кіевской губерніи.

Возобновленный, съ нарочитою торжественностію, въ 1861 году крестный ходъ къ кіевскому крещатицкому источнику, мѣсту крещенія сыновей св. равноапостольнаго Владиміра, въ настоящемъ году ознаменовался событіемъ, которое, бывъ соединено съ величественною религіозною церемоніею, придало особенный глубоко знаменательный смыслъ какъ самой церемоніи, такъ и тому обстоятельству, поповоду котораго это событіе совокуплено съ крестнымъ ходомъ. Разумѣемъ раздачу Высочайшихъ наградъ, присланныхъ, за нѣсколько дней предъ 15-мъ іюля, храбрымъ защитникамъ православія и русской народности въ здѣшнемъ краѣ. Казалось, незримымъ распоряженіемъ самаго равноапостольнаго Владиміра совершилось случайное сближеніе этого событія съ днемъ блаженной памяти Его, какъ бы въ удостовѣреніе, что воинственные подвиги православныхъ сыновъ Россіи вѣнчаются не только на землѣ, но и на небѣ; что мужественно, съ пролитіемъ крови, защищавшіе родной край приснопамятнаго просвѣтителя Россіи, Имъ самымъ благословляются и поощряются на сей великій подвигъ.

Признаемся, мы никогда въ жизни своей не были свидѣтелями болѣе величественнаго и поразительнаго событія.

По совершеніи высокопреосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Арсеніемъ Божественной Литургіи въ Десятинной церкви — мѣстѣ погребенія св. Владиміра, крестный ходъ, образовавшійся

изъ духовенства старо-кіевскихъ церквей, прибывшаго предъ окончаніемъ литургіи изъ Софійскаго собора, съ тремя чудотворными иконами: (Казанской Божіей матери, Скорбящей и Святителя Николая), и ковчегомъ съ частями св. мощей, имѣя во главѣ маститаго Архипастыря съ крестомъ на главѣ, направился мимо Андреевской, Трехсвятительской церкви и Михайловскаго монастыря къ памятнику Владиміра, по обходѣ коего высокопреосвященный митрополитъ остановился у пьедестала и, по совершеніи литіи, взошелъ по ступенямъ на самую площадку, окружающую памятникъ и, осѣняя на всѣ четыре стороны крестомъ, возгласилъ: »Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его. Дерзайте людіе Божіи, дерзайте за Вѣру, Царя и отечество о Господѣ Богѣ, ибо Той побѣдитъ враги, яко всесиленъ«. Хоръ пѣвчихъ отвѣтилъ громогласнымъ пѣніемъ тропаря: *спаси Господи люди твоя*. Минута была поразительнѣйшая. Призывный, какъ бы пророческій голосъ маститаго архипастыря, изшедшій изъ глубины его сильнаго, вѣрующаго духа, сотрясъ души окружающей массы. Вдали послышался грохотъ барабановъ и звуки военной музыки: то была почетнная, военная встрѣча десятитысячнаго войска двумъ другимъ крестнымъ ходамъ, съ духовенствомъ и святынею печерскихъ и подольскихъ церквей, начавшихъ приближаться къ пункту соединенія всѣхъ трехъ ходовъ. Никакое слово, и никакая кисть не въ силахъ изобразить того, что было зримо, и что было прочувствовано въ это время массами народа, наполнявшаго окружающую мѣстность, едва ли не безпримѣрную на всемъ земномъ шарѣ. Казалось, это было не дѣйствительностію, а какимъ то чуднымъ, не земнымъ видѣніемъ; какъ будто небесный Іерусалимъ полуоткрылъ свою завѣсу предъ взоромъ земнородныхъ и далъ почувствовать, на нѣсколько мгновеній, свои вѣчныя красоты и непреходящія радости. Процессія двинулась по окраинѣ горы, на которой возвышается памятникъ Владиміру, къ спуску, ведущему, чрезъ глубокое ущеліе, къ самому источнику. Дерзайте людіе Божіи, дерзайте о Господѣ Богѣ, ибо той побѣдитъ враги, яко всесиленъ, невольно повторяли мы въ душѣ слова архипастыря, обозрѣвая съ возвышенной стези пораженный благоговѣйнымъ изумленіемъ народъ, занимавшій всѣ окрестныя возвышенности въ живописнѣйшихъ группахъ. Граждане русскаго Іерусалима, думали мы,

вы понимаете теперь болѣе, чѣмъ когда либо, значеніе своего священнаго града, и не отдадите его на попраніе гордаго ляха, такъ долго ругавшагося надъ вашими святыми православными вѣрованіями; отцы и дѣды ваши выстрадали для васъ многовѣковыми страшными страданіями счастіе ваше видѣть свой Сіонъ, ликующій на чрезвычайномъ пирѣ Вѣры,—и притязанію дерзкаго врага отнять у васъ это счастіе, овладѣть вашимъ священно—величественнымъ Іерусалимомъ, противопоставите грудь, и, если нужно будетъ, жизнь свою; вы соединитесь, подобно поселянамъ весей, съ храбрыми воинами, въ стройныхъ рядахъ расположенными теперь предъ взоромъ вашимъ, и какъ бы ожидающими только призыва идти и умирать за родину св. Владиміра, за крещальную купѣль всей православной Россіи; вы кликните кличь,—и пятьдесятъ пять милліоновъ русскихъ, благоговѣющихъ къ святынѣ, покоющейся въ нѣдрахъ сего града, явится на помощь къ вамъ; съ вами выступитъ на брань, по молитвенной вѣрѣ вашего архипастыря, Самъ Господь силъ, избравшій сей градъ мѣстомъ особеннаго благодатнаго селенія своего. Дерзайте, убо людіе Божіи, дерзайте о Господѣ Богѣ, ибо той побѣдитъ враги.

Процессія спускалась съ горы, и, на окраинѣ крещатицкой площади, предъ самимъ спускомъ въ ущеліе, ведущее къ источнику, соединилась съ печерскимъ и подольскимъ крестнымъ ходомъ; на право и на лѣво расположено было дѣсятитысячное войско [1]) и, по командѣ, отдало военную почесть религіозной церемоніи, которая уже въ полномъ составѣ своемъ направилась чрезъ ущеліе къ самому источнику.

Пріятно поражаетъ видъ этого приснопамятнаго для всей Россіи мѣста, бывшаго недавно еще столь запущеннымъ, и теперь, благодаря усердію благочестивыхъ ревнителей православія и жертвамъ Кіево–Печерской Лавры, приведеннаго въ благолѣпное состояніе. Арки колонны, возвышающейся надъ источникомъ, обрамлены теперь стеклянымъ переплетомъ; внутренность росписана, и на стѣнахъ утверждены иконы, изъ

---

[1]) Какія войска, и какъ онѣ были расположены см.—въ *Приказаніи войскамъ кіевскаго гарнизона*, № 8, прилагаемомъ въ концѣ статьи.

коихъ изображенія св. Владиміра и Ольги отличаются замѣчательною живописью.

По приближеніи къ источнику, чудотворныя иконы и ковчегъ съ частями св. мощей (изъ Софійскаго собора) поставлены были съ восточной стороны по окраинамъ источника, воинскія знамена заняли террасу, окружающую часовню (такъ можно назвать теперь этотъ гражданскій памятникъ св. Владиміру), а духовенство, кромѣ архипастыря, расположилось шпалерою предъ часовнею, по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ ней съ крещатика.

Водоосвященіе совершено было обычнымъ порядкомъ. Пиръ Вѣры и торжество памяти св. Владиміра кончены; но впереди, у воротъ св. Софіи, на площади, гдѣ русскіе временъ Ярослава одержали первую, рѣшительную надъ врагами (печенегами) побѣду, [1]) вычеркнувшую на всегда сихъ послѣднихъ изъ лѣтописей исторіи, ожидало жителей Кіева новое торжество—любви къ отечеству.

За нѣсколько дней предъ 15 іюля, командующій войсками кіевскаго округа, начальникъ края Н. Н. Анненковъ 2-й получилъ Высочайше пожалованныя, по представленію его, георгіевскіе кресты для воинскихъ чиновъ, а серебрянныя на георгіевской лентѣ медали для поселянъ кіевской губерніи, отличившихся при усмиреніи польскихъ мятежниковъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля настоящаго года. Предположено было: войскамъ, занимающимъ гарнизонъ въ Кіевѣ, по встрѣчѣ религіозной процессіи, пока совершится водоосвященіе на крещатицкомъ источникѣ, перемѣститься на площадь предъ Софійскимъ соборомъ, и ожидать на ней окропленія отъ архипастыря св. водою, почерпнутою изъ того источника, въ коемъ, въ лицѣ сыновей св. Владиміра, впервые крестилась вся Россія и потомъ, когда церковная процессія остановится предъ вратами Софійскаго собора, быть свидѣтелями раздачи Высочайшихъ наградъ, въ виду святыни, бывшей въ крестномъ ходѣ, въ присутствіи архипастыря, духовенства, военноначальниковъ, градоначальниковъ и жителей города. Такъ и исполнено. По окон-

---

[1]) Въ память сего событія, на мѣстѣ самой битвы, построенъ и Кіево-Софійскій соборъ.

чаніи водоосвященія, церковная процессія поднялась по ущелію вверхъ и, отдѣливши отъ себя печерское и подольское духовенство, возвратившееся на свои мѣста, направилась крещатицкою и малой житомирскою (противъ присутственныхъ мѣстъ) улицею къ Софійскому собору. Едва показались при всходѣ на площадь священныя хоругви, войсками, уже успѣвшими выстроиться на этой площади, отдана была воинская почесть. Архипастырь на пути окроплялъ войска св. водою и, приблизившись къ Софійскому собору, остановился въ срединѣ полукруга, образованнаго духовенствомъ съ чудотворными иконами и мощами, лицемъ къ войскамъ. Начальникъ штаба началъ вызывать удостоенныхъ Высочайшихъ наградъ [1]). Спокойно, съ чувствомъ свято исполненнаго долга, подходили эти мужественные защитники родины Владиміра, просвѣтителя Россіи, эти простые, но сильные духомъ, охранители чести и неприкосновенности своихъ православныхъ вѣрованій и своей русской народности. Большая часть изъ удостоиваемыхъ Высочайшей награды были сельскіе поселяне, оказавшіе чудеса храбрости, между коими нѣкоторые были даже значительно ранены. Выслушивая изображеніе ихъ подвиговъ, мы невольно припомнили извѣстный эпизодъ изъ жизни преподобнаго Антонія, когда бѣсъ, сознавая свое безсиліе сдѣлать угоднику Божію какой либо существенный вредъ, забрался въ умывальникъ святаго и началъ мутить въ немъ воду. И что же: достаточно было одного крестнаго знаменія со стороны Преподобнаго, чтобы связать искусителя на самомъ мѣстѣ преступленія его. Не подобною ли попыткою было и возмущеніе поляковъ въ кіевской губерніи? Не та же ли безсильная злоба побудила и исконныхъ враговъ русской народности и православія помутить мѣсто, гдѣ хранилась крещальная купѣль русскаго народа? И кто же обезоруживаетъ и связываетъ врага? Простые поселяне, еще недавно бывшіе безотвѣтными рабами, долго терпѣвшіе лишеніе свободы, но не могшіе вытерпѣть посягательства на неприкосновенность народности. Дивны дѣла твоя, Господи! и т. д. Знаки отличія были раздаваемы г. начальникомъ края и командующимъ войсками кіевскаго округа, здѣсь же при-

[1]) Списокъ награжденныхъ съ обозначеніемъ подвига каждаго изъ нихъ прилагается въ концѣ статьи.

шпиливались къ груди и, за тѣмъ, награжденный подходилъ подъ благословеніе Его Высокопреосвященства, который удостоивалъ многихъ изъ нихъ особеннаго Архипастырьскаго слова благодарности и ободренія. По окончаніи раздачи наградъ г. Начальникъ края одушевленнымъ голосомъ поздравилъ героевъ съ монаршею милостію, напомнивъ, что они удостоились получить ее въ день памяти св. Владиміра, просвѣтителя Россіи, и въ виду древнѣйшей святыни во всей Россіи. Ура, возгласилъ онъ въ заключеніе, и троекратное ура прогремѣло въ рядахъ войскъ, на всемъ пространствѣ площади. Торжественная, великая минута. Что чувствовали въ это время награжденные, скажемъ ниже. А теперь перейдемъ къ посильному изображенію заключенія всей этой величественной и глубоко знаменательной церемоніи дня, достойнаго быть записаннымъ въ лѣтописи Кіева и всего края. Соединенный хоръ пѣвчихъ преосвященныхъ: митрополита и викарія пропѣлъ, здѣсь же на площади, съ нарочитою торжественностію, извѣстную благодарственную пѣснь Церкви: *Тебе Бога хвалимъ*. Нельзя было не замѣтить по лицамъ присутствующихъ, какъ было благовременнно и прилично дню и событіямъ оного это торжественное славословіе Господу Богу, издревле благодѣявшему Россіи и поборавшему по ней противъ безчисленныхъ враговъ, покушавшихся сломить несокрушимую твердыню ея—православіе. За славословіемъ и обычнымъ оптустомъ послѣдовало многолѣтіе, раздѣленное на три отдѣла: 1., Государю Императору со всемъ Царствующимъ домомъ; 2., Святѣйшему Сvноду и члену онаго, Высокопреосвященному Митрополиту Арсенію, съ богохранимою его паствою; и 3., военноначальникамъ, градоначальникамъ, сvнклиту, христолюбивому побѣдоносному воинству, православнымъ и всѣмъ защитникамъ богохранимыя россійскія державы За каждымъ возгласомъ архидіакона слѣдовалъ полный колокольный софійскій звонъ, *) барабанный бой и радостное, торжественное ура, раздававшееся въ рядахъ всего войска. Подобные моменты выше описаній: они могли быть только прочувствованы и сохранены въ глубинѣ души до могильной доски. Мы сказали въ началѣ

*) Для слушанія этого звона нарочито пріѣзжалъ въ Кіевъ великолѣпный князь Таврическій.

статьи, что мы въ жизни своей не были свидѣтелями болѣе поразительнаго дѣйствія, чѣмъ какое произвели на насъ событія 15-го іюля, настоящаго года, въ Кіевѣ. Это замѣчаніе по преимуществу относится къ впечатлѣніямъ, испытаннымъ нами въ послѣдніе описываемые нами моменты величественнаго торжества. На лицѣ многихъ мы видѣли слезы,—и вполнѣ понимали значеніе ихъ. На этомъ великомъ, глубоко знаменательномъ пирѣ Вѣры и патріотизма, можно было только плакать— отъ умиленія.

Что же чувствовали во все это время самые герои Вѣры и любви къ Отечеству, ради коихъ по преимуществу устроено было это дополнительное къ крестному ходу торжество предъ вратами исторической Софіи, на мѣстѣ первой, славной побѣды русскихъ надъ врагами? «Хоть бы такъ и въ раю було,» простодушно, но и знаменательно замѣтили они послѣ о своихъ впечатлѣніяхъ. Да, возлюбленные, вы дѣйствительно вдохнули въ себя, въ это время, струю райской жизни, вы предощутили сладость той высокой награды, которая ожидаетъ за предѣлами гроба всѣхъ, полагающихъ животъ за други своя; потому что самъ Господь Спаситель сказалъ: *больши сея любы никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя*; а только любящихъ Господа и Спасителя и исполняющихъ заповѣди Его ожидаетъ вѣчная райская жизнь, предощущенія коей нѣкоторые избранные, въ особенныхъ обстоятельствахъ, удостоиваются еще здѣсь, на землѣ.

По провозглашеніи многолѣтія, ген.-адъют. Анненковъ, подвелъ нижнихъ чиновъ и крестьянъ, удостоенныхъ знакомъ отличія, ближе къ войскамъ, выстроеннымъ на Софіевской площади: шпалеры пѣхоты въ густыхъ колоннахъ лицемъ къ лицу, а кавалерія и артиллерія развернутымъ фронтомъ отдали честь новымъ кавалерамъ; потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, а послѣ парада новые кавалеры были угощены въ окружномъ штабѣ сытнымъ обѣдомъ.

Такъ совершена была церковно-военная церемонія въ Кіевѣ, 15-го іюля настоящаго года. Замѣчательно, что и въ этомъ году, какъ и въ два прошедшіе, въ этотъ приснопамятный для всей Россіи день, была самая благопріятная погода-

важное условіе для церемоніи, совершаемой на открытомъ воздухѣ. Невольно вѣруется, что есть на этомъ учрежденіи особенное, видимое благословеніе Божіе.

Кіевлянинъ.

Приложеніе къ описанію крестнаго хода 15-го іюля.

1.

ПРИКАЗАНІЕ ВОЙСКАМЪ КІЕВСКАГО ГАРНИЗОНА.

Г. Кіевъ. № 8. Іюля 14-го дня 1863 года. Въ понедѣльникъ, 15-го іюля, въ праздникъ св. Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра имѣетъ быть у памятника Великаго Князя на Крещатикѣ торжественное молебствіе съ водосвятіемъ и церковный парадъ отъ войскъ кіевскаго гарнизона, свободныхъ отъ караула.—Крестный ходъ отъ десятинной церкви, въ которой высокопреосвященнѣйшій Арсеній митрополитъ кіевскій и галицкій будетъ совершать въ тотъ день служеніе, будетъ слѣдовать мимо Андреевской церкви и Михайловскаго монастыря къ верхнему памятнику св. Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра, откуда сойдетъ внизъ на присоединеніе къ крестнымъ ходамъ, слѣдующимъ изъ св. Кіево-Печерской Лавры и Подольской части города, изъ Братскаго монастыря. Соединеніе этихъ трехъ процессій имѣетъ быть на полугорѣ Александровскаго спуска, откуда идетъ дорога прямо къ нижнему памятнику, гдѣ и будетъ молебствіе съ водосвятіемъ. Сообразно съ симъ слѣдованіемъ духовныхъ процессій, назначенныя въ парадъ войска: отъ пѣхоты: 4-й, 5-й, и 6 саперные баталіоны и резервный саперный полубаталіонъ; три понтонныя роты; шесть ротъ полтавскаго пѣхотнаго полка; кіевскій баталіонъ внутренней стражи; двѣ роты кіевской крѣпостной артиллеріи и взводъ кіевскаго училища военнаго вѣдомства; отъ кавалеріи четыре эскадрона глуховскаго драгунскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини АЛЕКСАНДРЫ ІОСИФОВНЫ полка; двѣ сотни донскаго № 19 полка, и облегченная № 6-го батарея 9-й ар-

тиллерійской бригады, — по приказанію командующаго войсками должны быть поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Войскамъ строиться шпалерами по Александровскому спуску; они раздѣляются на двѣ половины: правую половину составятъ войска, построенныя на Крещатицкой площадкѣ и выше оной, а по спуску внизъ, до того мѣста, гдѣ лаврскій и братскій крестные ходы соединятся съ митрополитскимъ шествіемъ.

Въ эту половину входятъ войска, поименованныя ниже сего въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ расположенія: глуховскій драгунскій Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини АЛЕКСАНДРЫ ІОСИФОВНЫ полкъ въ конномъ строю; облегченная № 6-го батарея 9-й артиллерійской бригады безъ ящиковъ; двѣ сотни донскаго № 19-го полка; 4-й, 5-й и 6-й саперные батал. и резервный саперный полубаталіонъ и 4-я парковая рота. На лѣвомъ флангѣ сихъ войскъ, спиною къ городскому саду, быть хору музыкантовъ 2-й саперной бригады. Лѣвая половина строя будетъ состоять изъ слѣдующихъ войскъ: шесть ротъ полтавскаго пѣхотнаго полка, имѣя на правомъ флангѣ хоръ своей полковой музыки; ниже полтавскаго полка, взводъ кіевскаго училища военнаго вѣдомства; двѣ роты кіевской крѣпостной артиллеріи; 5 и 6 парковыя роты и кіевскій баталіонъ внутренней стражи. На правомъ флангѣ двухъ ротъ кіевской крѣпостной артиллеріи быть хору трубачей глуховскаго драгунскаго полка.—Всѣмъ войскамъ построенными быть въ этомъ порядкѣ и въ совершенной готовности въ 11½ часовъ утра.

Отъ кіевскаго владимірскаго кадетскаго корпуса быть въ парадѣ одному взводу съ знаменемъ. Взводу этому строиться правымъ флангомъ у верхняго памятника св. Равноапостальнаго Князя Владиміра, и когда церковная процессія подойдетъ къ памятнику, дабы съ высотъ его благословить весь городъ и собравшійся народъ и войско, взводъ этотъ отдаетъ честь уставомъ опредѣленнымъ порядкомъ и потомъ уже слѣдуетъ къ водосвятію позади митрополитанскаго шествія.

Всѣми войсками командовать командиру 2-й саперной бригады, генералъ-маіору Кренке; войсками правой половины шпалеръ старшему командиру имѣющихъ быть въ строю саперныхъ баталіоновъ; а войсками лѣвой половины командиру полтавскаго пѣхотнаго полка. По мѣрѣ приближенія къ шпа-

лерамъ духовныхъ процессій, войска отдаютъ честь по баталіонно, а глуховскій драгунскій полкъ цѣлымъ полкомъ.

Въ тѣхъ баталіонахъ, при которыхъ есть хоръ музыкантовъ, музыка одна играетъ гимнъ «Коль славенъ,» гдѣ же музыкантовъ нѣтъ, тамъ барабанщики и горнисты играютъ полный походъ. Штандартамъ и знаменамъ, по мѣрѣ приближенія къ нимъ церковныхъ процессій, отдѣляться отъ своихъ частей и при своихъ адъютантахъ слѣдовать за процессіей. Когда-же они соединятся со взводомъ кіевскаго владимірскаго кадетскаго корпуса, то пристраиваются къ знамени его и вмѣстѣ съ нимъ продолжаютъ слѣдовать до мѣста водоосвященія.

Жандармская команда штаба войскъ кіевскаго военнаго округа въ $10\frac{1}{2}$ часовъ должна прибыть къ десятинной церкви и ожидать тамъ окончанія обѣдни, послѣ чего открываетъ митрополитъ шествіе и, дойдя до спуска у католическаго костела, останавливается и пропускаетъ духовную процессію, идущую, какъ уже выше сказано, къ памятнику св. Владиміра и ожидаетъ тутъ прибытія другихъ войскъ.

Когда всѣ три духовныя процессіи, по соединеніи сойдутъ на дорожку, ведущею къ нижнему памятнику, къ водоосвященію, то всѣ войска переходятъ на софійскую площадь и строятся тамъ по предварительно-поставленнымъ унтеръ-офицерамъ: пѣхота въ колоннахъ шпалерами, а кавалерія и батареи позади пѣхоты. Въ этомъ порядкѣ войска ожидаютъ прибытія митрополитскаго шествія. Всѣ войска встрѣчаютъ шествіе съ отданіемъ чести: музыки играютъ «Коль славенъ», а въ частяхъ гдѣ нѣтъ, музыкъ, барабанщики и горнисты бьютъ полный походъ; войска окропляются святою водою. Слѣдующія съ шествіемъ знамена и штандарты, по мѣрѣ приближенія къ своимъ частямъ, вступаютъ во фронтъ въ свои мѣста—Когда духовенство пройдетъ по фронту войскъ, высокопреосвященнѣйшій Арсеній останавливается для присутствованія при раздачѣ знаковъ отличія военнаго ордена тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые удостоились оные получить, и серебряныхъ медалей на Георгіевскихъ лентахъ—крестянамъ, награжденнымъ сими медалями за подвиги мужества и храбрости въ дѣлахъ съ польскими мятежниками, при усмиреніи бывшаго въ краѣ мятежа.—Нижніе чины эти, а равно и прибывшіе для сего въ Кіевъ крестьяне, вызываются впередъ и на нихъ, при отданія войсками чести, возлагаются зна-

ки и медали лично его высокопревосходительствомъ, командующимъ войсками.—По окончаніи раздачи знаковъ отличія и медалей, духовенство и церковныя процессіи удаляются въ Софійскій соборъ, войска берутъ на плечо и проходятъ церемоніальнымъ маршемъ по взводно, и слѣдуютъ прямо домой, на свои мѣста.

Вновь пожалованные кавалеры и крестьяне, получившіе медали, идутъ на дворъ штаба войскъ кіевскаго военнаго округа, гдѣ для нихъ будетъ приготовлено приличное угощеніе.

Взводъ кіевскаго владимірскаго кадетскаго корпуса, по окончаніи водоосвященія, слѣдуетъ за процессіями до тѣхъ поръ, гдѣ онѣ начнутъ расходиться, а оттуда проходитъ прямо домой. Знамена и штандарты войскъ продолжаютъ слѣдовать за митрополитскимъ шествіемъ къ построеннымъ на Софіевской площади войскамъ, гдѣ, какъ сказано выше, вступаютъ во фронтъ въ свои мѣста.

Всѣмъ чинамъ въ парадѣ быть, въ полной городской парадной формѣ; нижнимъ чинамъ безъ ранцевъ, въ боевой аммуниціи съ ружьями. Если погода будетъ ненастная, то парадъ *не отмѣняется*, но войскамъ имѣть шинели въ накидку.

Всѣмъ линейнымъ унтеръ-офицерамъ для занятія линій, по два отъ каждаго взвода и жолонерамъ прибыть 15-го числа на крещатицкую площадь, къ фонтану, въ 8½ часовъ утра. При линейныхъ унтеръ-офицерахъ быть всѣмъ тѣмъ офицерамъ, которые были на предварительной разбивкѣ линіи 13-го числа вечеромъ.

Начальникъ штаба: *генералъ-маіоръ Ганъ 2-й*

2.

Списокъ

Нижнимъ чинамъ и крестьянамъ, на коихъ, въ высокоторжественный день праздника св. Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра 15-го іюля 1862 года, командующимъ войсками кіевскаго военнаго округа, возложены лично знаки отличія военнаго ордена 4-й ст. и серебрянныя медали съ надписью „за храбрость“ на георгіевской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ.

Награждены знаками отличія военнаго ордена 4-й степени.

Глуховскаго драгунскаго Ея Императорскаго Высочества Великой княгини Александры Іосифовны полка. Старшій вах-

мистръ *Макаръ Кононовъ*: 27 апрѣля 1863 г. при м. Бородянкѣ во все время перестрѣлки находился въ цѣпи и, когда необходимо было поджечь хаты, въ которыхъ укрѣпились инсургенты, то онъ, вызвавшись въ охотники, вмѣстѣ съ портупей-юнкеромъ Щепотьевымъ, подъ сильнымъ огнемъ мятежниковъ подложили зажженный пукъ соломы подъ крышу хаты, послѣдствіемъ чего инсургенты въ числѣ 68 человѣкъ положили оружіе и просили пощады

Старшій вахмистръ, *Николай Павловъ:* 27 апрѣля 1863 г. при м. Бородянкѣ во все время перестрѣлки находился въ цѣпи и при атакѣ спѣшенными драгунами церковной ограды, занятой инсургентами, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Невѣровичемъ первыми перелѣзли чрезъ ограду, подавая своимъ самоотверженіемъ примѣръ другимъ товарищамъ.

Младшій вахмистръ, *Владиміръ Потеряхинъ:* 27 апрѣля 1863 года при м. Бородянкѣ, будучи раненъ ружейною пулею на вылетъ въ лѣвое плечо, по перевязкѣ возвратился въ ряды и оставался въ дѣлѣ до окончанія онаго, подавая тѣмъ похвальный примѣръ неустрашимости другимъ товарищамъ.

Рядовые *Григорій Овчаренко:* 27 апрѣля, при м. Бородянкѣ, во время рукопашнаго боя съ мятежниками за оградой сельской церкви, одинъ инсургентъ вооруженный косой напалъ на прапорщика Невѣровича, но рядовой Овраченко, видя опасность для жизни Невѣровича, быстро бросился на непріятеля, и сильнымъ ударомъ ружья выбилъ косу у инсургента, чѣмъ спасъ жизнь своего офицера.

Егоръ Безкурченковъ: 27 апрѣля при м. Бородянкѣ, будучи раненъ одною пулею въ голову, а другою въ правый указательный палецъ, по перевязкѣ возвратился въ ряды и оставался въ дѣлѣ до окончанія онаго, подавая храбростью и неустрашимостью примѣръ прочимъ товарищамъ.

Артемій Пономаренко: 27 апрѣля при м. Бородянкѣ, будучи раненъ пулею въ лѣвое переднее плечо, по перевязкѣ возвратился въ ряды и оставался въ дѣлѣ до окончанія онаго, подавая собой примѣръ другимъ.

1-й саперной роты резервнаго сапернаго полубаталіона унтеръ-офицеръ *Сергій Белозеровъ* и рядовой *Севѣстьянъ Амельченко* 29 апрѣля 1863 г. при разбитіи шайки мятежниковъ въ турчинскомъ лѣсу близь деревни Луки, сражались

съ отличною храбростью и неустрашимостью, показывая собой примѣръ прочимъ.

Награждены серебрянными медалями съ надписью «за храбрость" на георгіевской лентѣ. Кіевской губерніи, таращанскаго уѣзда, с. Луки, временно-обязанные крестьяне: *Іосифъ Коваленко:* узнавъ о мѣстѣ нахожденія въ лѣсу болѣе 200 человѣкъ мятежниковъ, онъ провелъ къ нимъ русскія войска; при чемъ самъ убилъ одного мятежника, отобравъ отъ него пику и лошадь.

Григорій Коржъ: взялъ въ плѣнъ двухъ мятежниковъ; послѣ чего съ товарищами, переправясь въ лѣсу черезъ ручей, настигъ мятежниковъ болѣе 25-ти человѣкъ, изъ которыхъ 2 убили и 7 взяли въ плѣнъ, за тѣмъ, преслѣдуя мятежниковъ, когда одинъ изъ нихъ сдѣлалъ въ него неудачный выстрѣлъ, и вторично началъ заряжать ружье, Коржъ бросился на него, отобралъ ружье и разныя бумаги, которыя представилъ начальству; мятежника-же убилъ.

Отставной рядовой *Игнатъ Шостакъ:* когда въ лѣсу одинъ изъ мятежниковъ выстрѣлилъ въ Шостака и не попалъ въ него, Шостакъ подбѣжалъ къ нему и въ рукопашной схваткѣ убилъ.

Деревни Кривой отставной унтеръ-офицеръ *Павелъ Коломіецъ:* составивъ изъ крестьянъ небольшую партію и принявъ ее въ свою команду, отличался преслѣдованіемъ появившихся мятежническихъ шаекъ и раненъ ружейною пулею въ лицо на вылетъ, при чемъ вмѣстѣ съ войсками отбилъ обозъ, семь фургоновъ, которыхъ съ плѣнными мятежниками и представилъ въ Таращу.

Деревни Балкуна, отставной рядовой *Василій Керсановъ:* преслѣдовалъ шайку мятежниковъ и при томъ раненъ ружейною пулею въ правый бокъ.

Васильковскаго уѣзда, волостной старшина гребенской волости, временно-обязанный крестьянинъ *Иванъ Шадура:* съ появленіемъ 27 апрѣля шайки мятежниковъ на поляхъ с Гребенокъ, Шадура тотъ часъ взялъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ, бросился на мятежниковъ; при чемъ забирая подъ арестъ первыхъ попавшихся ему на встрѣчу инсургентовъ, лично догонялъ уходившихъ двухъ вооруженныхъ мятежниковъ, изъ которыхъ одного успѣлъ стащить съ лошади, схвативъ его

за волоса, передалъ крестьянамъ, а другаго потомъ догналъ, опрокинулъ на землю и связалъ. Такой примѣръ Шадуры воодушевилъ крестьянъ, которые переловили другихъ мятежниковъ и представили въ г. Васильковъ. Кромѣ того Шадура удержалъ порядокъ въ своей волости, такъ что на него не было ни какой жалобы.

Сотскіе: с. Гребенокъ временно-обязанный крестьянинъ *Марко Желяхъ*: участвовалъ вмѣстѣ съ греденскими крестьянами и волостнымъ старшиною, въ пораженіи мятежниковъ, бросаясь при этомъ на нихъ съ самоотверженіемъ и отличаясь неустрашимостію.

С. Житнихъ-горъ временно-обязанный крестьянинъ *Петръ Скуратъ:* во время преслѣдованія шайки, Скуратъ догналъ одного инсургента, который прежде обѣщалъ доставить выгоды, а потомъ угрожалъ смертію; однако Скуратъ презирая всѣмъ этимъ и не смотря на то, что не имѣлъ у себя даже палки, бросился на мятежника, чтобы схватить его, тогда мятежникъ убилъ выстрѣломъ изъ револьвера лошадь бывшую подъ Скуратомъ и ранилъ его самаго пулею въ ладонь на вылетъ, отъ чего онъ и теперь еще неможетъ владѣть рукой.

Временно-обязанные крестьяне м. Янковки *Семенъ Присмакъ:* преслѣдуя въ числѣ прочихъ крестьянъ розаліевскую шайку, бросался на мятежниковъ подъ выстрѣлами и убивая ихъ былъ легко раненъ.

С. Озерной *Алексѣй Богачъ:* во время преслѣдованія шайки находился впереди всѣхъ крестьянъ, при чемъ мятежники ранили подъ нимъ лошадь.

С. Яновки *Иванъ Шалюта:* во время нападенія на инсургентовъ розаліевской шайки, оказалъ самоотверженіе и неустрашимость; при чемъ былъ легко раненъ.

Однодворецъ д. Ружокъ *Григорій Гомбаровскій:* во время преслѣдованія шайки въ с. Насташкѣ, когда замѣтилъ, что тамошніе крестьяне, слушая инсургентовъ, приняли отъ нихъ грамоту, то онъ не смотря на выстрѣлы мятежниковъ бросился въ толпу крестьянъ и разогналъ ихъ; при этомъ инсургенты ранили его пулею въ руку и убили подъ нимъ лошадь; однако онъ, спасаясь самъ, успѣлъ отнять у нихъ двѣ лошади.

Кіевскаго уѣзда сельскій староста петропавлавскаго общества крестьянинъ *Владиміръ Костенко*: получивъ свѣдѣ-

ніе, что шайка мятежниковъ выступила изъ Кіева и направилась въ деревню Романовку, онъ отправился собирать крестьянъ, для подавленія шайки, но, встрѣтивъ на дорогѣ козаковъ, сопровождалъ ихъ, съ оружіемъ въ рукахъ, до Романовки и когда козаки завязали здѣсь перестрѣлку съ мятежниками, то и онъ участвовалъ въ таковой, презирая опасность; кромѣ того энергически содѣйствовалъ къ задержанію мятежниковъ, обратившихся въ бѣгство.

Крестьяне с. Бѣличъ *Степанъ Фузикъ:* замѣтивъ, что шайка мятежниковъ прошла мимо дома его, онъ верхомъ преслѣдовалъ ее до деревни Романовки, и когда мятежники залегли въ опушкѣ лѣса, то онъ поѣхалъ собрать крестьянъ для подавленія шайки, но, встрѣтивъ на дорогѣ козаковъ, вернулся съ ними и участвовалъ какъ въ перестрѣлкѣ съ мятежниками, такъ и въ поимкѣ уходившихъ; наконецъ, когда войска двинулись въ деревню Блиставицу и мѣстечко Бородянку, онъ постоянно находился при нихъ и какъ знающій мѣстность, много содействовалъ имъ съ особеннымъ усердіемъ.

Деревни Сущанъ *Григорій Трофименко:* когда крестьяне атаковали шайку мятежниковъ, то одинъ изъ нихъ хотѣлъ стрѣлять въ Трофименку и уже отвелъ курокъ ружья; Трофименко, видя себя въ опасности, опрометью бросился на мятежника, вырвалъ изъ рукъ его ружье и изъ тогоже ружья убилъ его наповалъ.

Староста деревни Сущанъ крестьянинъ *Кирило Бова*: когда крестьяне смѣлымъ натискомъ обратили шайку въ бѣгство и одинъ изъ нихъ отдѣльно началъ уходить на лошади съ ружьемъ въ рукахъ, то Бова презирая опасность догналъ его дубиною сшибъ съ лошади и убилъ на мѣстѣ.

Сотскій петропавловской Борщаговки крестьянинъ *Якимъ Гоевенко*: въ ночь выступленія мятежниковъ изъ Кіева, онъ повѣрялъ сельскіе караулы и замѣтивъ приближавшуюся шайку спросилъ «кто идетъ»; мятежники схватили его, зажали ротъ и потащили дальше, потомъ начали приглашать идти съ ними, обѣщая много водки и денегъ, когда Гоевенко сказалъ: «чѣмъ быть мятежникомъ, то лучше изрубите меня въ куски» то одинъ изъ мятежниковъ приказалъ разстрѣлять; Гоевенка распяли и одинъ приложился было стрѣлять, но, несмотря на то, что пистоны разбились, выстрѣла непослѣдовало; мятежникъ-

палачь, въ порывѣ злости на неудачу, ударилъ прикладомъ о землю и перебилъ ложе ружья такъ, что замки отпали, и бросился бѣжать вмѣстѣ съ прочими, угрожая послѣ повѣсить Гоевенку.

С. Мировки крестьянинъ *Григорій Конониръ:* первый бросился на мятежниковъ, свалилъ ударомъ дубины одного изъ нихъ и тѣмъ далъ примѣръ другимъ крестьянамъ къ разбитію шайки.

Цивилизація.

Въ дремучій лѣсъ лучи прокрались просвѣщенья
Иль, проще говоря, былъ выдвинутъ вопросъ:
Какая лучшая система обученья,
Чтобъ жителей лѣсовъ, ословъ и дикихъ козъ
Развить и просвѣтить до самоуправленья.
Положено: избрать
И путешествовать послать
Молоденькихъ ословъ въ чужіе краи,
Чтобъ, изучивши тамъ права и обычаи
Волковъ, ословъ, лисицъ и обезъянъ,
Цивилизацію всѣхъ заграничныхъ странъ
Они на родину свою пересадили.
А чтобъ въ чужихъ краяхъ ослёнки не шалили,
Въ надсмотрщики за ихъ поступками пошелъ
Извѣстный педагогъ—оселъ,
Что въ сочиненіи своемъ рѣчистомъ
Для всѣхъ своихъ учениковъ
Законъ установилъ таковъ:
Сперва животнымъ быть, потомъ—спеціалистомъ.
И путникамъ во слѣдъ кричала вся семья:
«Счастливый путь, счастливый путь, друзья!»
Общеживотною тенденціей гонимы,
Осленки разбрелись по всѣмъ лѣсамъ,
Но, ахъ—и здѣсь, и тамъ,
Вездѣ бѣда спѣшила вслѣдъ за ними!
Кто изъ звѣрей былъ посильнѣй,

Да похитрѣй и злѣй,
Всякъ билъ, кусалъ и грызъ ихъ безъ пощады.
Онибъ давно уже домой вернуться рады,
Но менторъ ихъ—оселъ въ недоумѣньи сталъ:
И съ содержаніемъ большимъ разстаться жаль,
И стыдно привести домой птенцовъ избитыхъ,
Хоть, по животному, довольно ужъ развитыхъ....
Что будетъ впереди,
Какіе явятся плоды
Общеживотнаго образованья
Легко узнать, безъ дара прорицанья.

И. К.

Тюлени и крысы.

(*Басня.*)

Тюленей царство пребольшое,
Предобродушное, предоброе такое
Рѣшились Крысы развратить,
Чтобы, ослабивши, его поработить.
А чтобъ намѣренье такое злое
Какъ можно легче совершить,
Такъ крысы комитетъ устроили центральный,
И этотъ комитетъ подъ полъ залѣзъ.
Цивилизацію, гуманность и прогрессъ
И прочія идеи либеральны
Изъ—подъ пола Тюленямъ онъ поднесъ,
Чтобъ средствами такими,
По виду добрыми, святыми,
Перевернутъ у нихъ порядокъ весь.
Вотъ развратители и начали трудиться;
Увѣрили они Тюленей такъ—и сякъ,
Что имъ шлахбаумы имѣть ужъ не годиться,
Паспортовъ требовать не должно имъ ни какъ,
Пусть ѣдутъ и идутъ—куда кому случится,
Что управителей имъ должно брать изъ Крысъ;

Да и учители изъ Крысъ же развелись
По всѣмъ училищамъ Тюленей,
Для развращенія незрѣлыхъ поколѣній.
Успѣли Крысы такъ же захватить
Администраціи главнѣйшія всѣ нити:
Чтобъ имъ покорности не заявить,
Нельзя было ни въ Судъ войти, ни выйдти;
Куда ни посмотри, вездѣ сидитъ Крыса....
А какъ теперь вездѣ общественное мнѣнье
Творитъ большія чудеса,
То Крысы прессу всю взяли въ свое владенье,
И ошеломили Тюленей на повалъ,
Разсѣявши въ газетахъ развращенье!
Одна крыса—извѣстный либералъ
Между Тюленьями, печатала журналъ,
Отличнѣйшій отъ всѣхъ кощунствомъ непристойнымъ.
Но, подвигъ свой еще не почитая полнымъ,
Рѣшили Крысы такъ, чтобъ всѣ—и младъ и старъ
Въ тюленьемъ царствѣ предались разврату,
И—сдѣлали они большую денегъ трату
На энциклопедическій словарь,
Въ которомъ, словарѣ все предали глумленью!..
Вездѣ невѣріе, анархія, развратъ!..
Тюленьи города горятъ!
Въ училищахъ Тюленей нестроенье,
Начальству грубости и неповиновенье!
Тюленья молодежь
Пустилась вся въ кутежъ!
Ни уваженія къ святынѣ,
Ни честности въ сердцахъ!
Подобно прорванной плотинѣ
Нахлынули со всѣхъ сторонъ, на всѣхъ концахъ,
Отъ Крысъ заклятые, презлые эмиссары;
Разбой, грабежъ, рѣзня, убійство и пожары!
Исчезла изъ земли и истина, и честь....
Когдажъ все это кончится?.. Богъ вѣсть......

И. К.

НОВАЯ ПОЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

(На голосъ извѣстной пѣсни: Jescze Polska nie zgineła....)

Kiedy Polska nie zgineła,
Niech że zginie, — my tak chcemy!
Wariatka żyć nie chciała,
Cóż nam robić, my nie wiemy!
Ni przysięgi, a ni wiary—
Niema nic u nas swiętego!
Nasi księża, bakałary
Dowiedli do lésu złego.
Zamiast modlitw, nabożeństwa,
Księża uczą nas w kościele
Mówić moskałom przekłęstwa,
Sami stanowszy na czele.
Temi samemi rękami
Co trzymają kielich swięty,
Bije się ksiądz z moskalami,
Jak bandyta — łotr zawzięty...
Bóg pokoju i miłości
Teraz jest nie naszym Bogiem!
Nasz Bóg — duch piekelnej złości,
A Pan Jezus — naszym wrogiem!
Nasz bóg nie daje nam czasu,
Przykazując ludzi wieszać,
Kraść pieniądze, dzieci rzezać,
I uciekać aż do lasu....
Kiedy Polska nie zgineła,
Niech że zginie, — my tak chcemy!
Wariatką żyć nie chciała,
Cóz nam robić, my nie wiemy!...

ШЛЯХТО-КСЕНДЗОВСКІЙ МЯТЕЖЪ.

(*Извлеченія изъ русскихъ газетъ и журналовъ*).

— **Уродливо дерзкій адресъ мятежныхъ поляковъ къ русскому дворянству.**— Напечатано въ Prawda, № 7; Варшава, 3 іюня 1863 года.

„Вѣрно-подданному русскому дворянству“.

Дворянство русское шлетъ со всѣхъ сторонъ къ Царю адресы, въ которыхъ говорить о вѣрности своей престолу, о готовности на жертвы, о глубокомъ пренебреженіи къ полякамъ... Русское дворянство! зачѣмъ такъ добровольно покрываешь себя позоромъ? Ваша земля, на оконечности Европы, такъ мало извѣстна другимъ народамъ, что если бы вы прибѣгли къ хитрости, для скрытія вашего невѣжества, то могли бы еще на нѣкоторое время считаться народомъ полу-образованнымъ; но вы въ адресахъ постоянно говорите, что Польша съ поконвѣковъ вамъ принадлежала, и потому, простите чтобы высказаться такимъ неучемъ въ исторіи, чтобы доказывать это, не смотря на тысячи тысячь фактовъ, надобно быть глупымъ... Адресами своими вы доказываете, что просвѣщеніе еще не проникло въ предѣлы вашего государства, что вы погружены въ вѣчный мракъ и что монгольскій мозгъ не такъ легко образовать. Бѣдные, бѣдные паріи! безъ лжи, безъ коварства, безъ смѣшныхъ угрозъ, вы не можете приступить ни къ какому дѣлу; доведенные до подлости, вы даже отважными... быть не умѣете.

Дворянство русское! если у тебя нѣтъ разума; если ты уже такъ варварски темно, — мы прощаемъ тебѣ, потому что вина твоя въ томъ только, что кнутъ сдѣлался любимою твоею игрушкою съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ твоихъ; что онъ замѣнилъ для тебя всѣ права, какія присвоены человѣку; что онъ необходимъ для тебя даже въ минуту смерти, вмѣсто страстной свѣчи... Но если, зная о лживости словъ своихъ, дерзаешь думать съ полною вѣрою, что кого нибудь обманешь ими, что одурачишь Европу, дворянство русское, плюемъ тебѣ въ глаза!

Вы упоминаете въ своихъ адресахъ о Москвѣ, о Севастополѣ: спѣшите же прибавить и Польшу, и на одинъ крикъ... покорятся вамъ азіатскія орды, потому что онѣ однѣ только увѣруютъ въ ваши побѣды, въ вашу силу и могущество.

Московскій народъ! Когда же, наконецъ, ты будешь состоять изъ людей? Въ чьихъ рукахъ скрыта твоя будущность? Въ чьей груди затаено высокое предназначеніе, данное отъ Бога всякому народу?

Но какое же твое назначеніе на землѣ? Быть передовымъ

въ просвѣщеніи. Нѣтъ! Столько лѣтъ находитесь вы въ сношеніяхъ съ нами, а чрезъ насъ и съ западомъ—и вы ничему не выучились, ничего себѣ не усвоили, остались варварами древнихъ вѣковъ.

Дворянство русское! Мы еще могли бы сказать многое, но должны кончить изъ уваженія къ нашей рѣчи, которую не можемъ долѣе оскорблять выраженіями, наиболѣе для васъ понятными. Слова, которыя доступны вашему сердцу, поражаютъ уши польскаго народа, который требуетъ рѣчи благородной, несогласной съ вашими убѣжденіями.

— Отвѣтъ русскаго дворянина на этотъ адресъ. — Наглымъ словомъ къ русскому дворянству обратились вы, мятежники польскіе! Еслибъ вами руководили только свойственныя вамъ заносчивость и кичливость, или только досада на свое безсиліе, то презрѣніе и молчаніе были бы вамъ отъ насъ отвѣтомъ.

Но въ душѣ вашей какъ бы живутъ и подобіе мысли, и призракъ убѣжденій, и тѣнь надежды. Такъ выслушайте же и нашу къ вамъ рѣчь!

Нѣтъ, мы не говоримъ, чтобъ „споконвѣковъ принадлежала намъ Польша„. Ея существованіе и независимость намъ слишкомъ памятны. Мы извѣдали цѣну ея сосѣдства, вкусили плоды ея съ нами сношеній. Мы пережили четыреста лѣтъ неумолкаемой борьбы, со всѣми ужасами вашего вѣроломства, злорадства, изувѣрства: они оставили неизгладимые слѣды въ бытописаніяхъ и сердцахъ нашихъ. Не разъ вносились вы потоками крови въ наши нѣдра; не разъ присвоивали вы себѣ и Литву, и Бѣлоруссію, и Малороссію; захватывали Кіевъ и Смоленскъ; овладѣвали Москвой....да и Владиславъ величался царемъ московскимъ, да и всю Россію попирали вы нечестивою стопою.

Вы видите, мы знаемъ ваши дѣянія. Мы не забыли временъ вашей самостоятельной народности. Но, памятуя свои уроны, забудемъ-ли свои подвиги? О! не станемъ метать ихъ передъ вами. Похвальбой, даже и правдивой, поражать лежачаго врага—не въ нашихъ свойствахъ. Довлѣетъ вамъ, въ отвѣтъ на ваше мнимомысліе, узнать нашу живую мысль: что вопросъ бытія, между вами и нами, порѣшенъ мечемъ тѣхъ, „въ чьей груди затаено высокое

предназначеніе„... мечемъ подъ благословеніемъ Того, „въ чьихъ рукахъ скрыта наша будущность„;—что подъ вами мы древле изнемогали, подъ нами вамъ впередъ только и жить.

А гдѣ отъискиваете вы призракъ своихъ убѣжденій?

Наша вѣрность Царю вамъ непонятна; наша любовь къ своему народу, наше самоотверженіе въ гражданскихъ трудностяхъ, забвеніе собственныхъ выгодъ, терпѣніе и незлобіе въ виду стѣснительныхъ ошибокъ... все это не по-плечу и не по-разуму вамъ, все это считаете вы самоуниженіемъ и плоскостью. Не дивимся, что такъ судите вы....вы, которые съ своими королями жили только въ крамолѣ,—своихъ шляхтъ сзывали только на буйство и на грабежъ народа,—папѣ покланялись, какъ идолу, когда его посохомъ могли шевелить головни междоусобнаго огня,—своими происками, взаимнымъ предательствомъ, измѣной наводили чужеземцевъ въ собственные предѣлы, и оставили о своей Рѣчи Посполитой чудовищное воспоминаніе, свидѣтельствующее о гражданственной и государственной вашей ничтожности. При такомъ прошедшемъ, еслибъ вы могли теперь придти на минуту въ себя, то ручьями слезъ залили-бы пламя вашей къ намъ ненависти, излетающей изъ вашихъ устъ поношеніемъ и площаднымъ ругательствомъ.

На что же, наконецъ, возлагаете вы свою надежду?

На помощь западныхъ державъ; на содѣйствіе бунтовщиковъ всѣхъ странъ; на ослѣпленіе вашихъ же домочадцевъ; или, статься можетъ, на подозрѣваемое въ насъ равнодушіе, по мѣрѣ собственнаго вашего о себѣ сознанія? Тщетны, тщетны эти самообольщенія!

Не знаемъ навѣрное, что судило намъ въ будущемъ Провидѣніе; но, ободряемые прошедшимъ, глядимъ съ безмятежнымъ духомъ и на лежащій передъ нами путь. Искушенные, уже не разъ, напоромъ языковъ, мы не страшимся новыхъ попытокъ; спокойно выслушаемъ затѣйливыя толкованія и мудрованія; не поддадимся ни на лукавства, ни на угрозы; а въ часъ битвы!... не устыдимъ себя, не постранимъ крови отцевъ, и не отдадимъ ничего, купленнаго ея цѣною. Знайте это!—Союзъ съ бунтовщиками и ослѣпленіе вашихъ, вамъ же отзовутся униженіемъ и бѣдой.

А что касается до насъ, дворянъ русскихъ, такъ объяснить себя мы вамъ не станемъ.... вы насъ не поймете!

Для васъ одна надежда—въ смиреніи и покорствѣ. Покиньте несбыточныя мечты: изжените изъ себя чванство и нетерпимость; сгладьте пагубные слѣды стараго вашего ожесточенія на минувшія событія, и пусть заговоритъ въ васъ кровь славянская на примиреніе съ старшимъ братомъ. Тогда узнаете вы наше великодушіе, отъ котораго до пріязни не далеко. Тогда протянетъ вамъ руку и дворянство русское. Теперь же мы стоимъ отъ васъ такъ далеко и высоко, что вашей дерзости не досягнутъ и пяты нашей.

Мѣры для прекращенія польскаго мятежа въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ. (Продолженіе).

Предложеніе г. генералъ-губернатора начальникамъ виленской, ковенской, гродненской минской, витебской и могилевской губерній, отъ 1-го іюля 1863 года. — Большая часть казенныхъ фермъ и другихъ оброчныхъ статей, состоящихъ въ вѣдѣніи палатъ государственныхъ имуществъ, находится въ арендномъ содержаніи мѣстныхъ дворянъ и помѣщиковъ польскаго происхожденія, изъ коихъ многіе, несмотря на значительныя выгоды, которыми они пользуются отъ владѣнія государственнымъ достояніемъ, приняли дѣятельное участіе въ мятежѣ и обращаютъ значительную часть доходовъ отъ арендуемыхъ ими имѣній для поддержанія революціоннаго движенія въ краѣ и содѣйствія мятежникамъ. Признавая, что для возстановленія спокойствія и порядка необходимо лишить злоумышленниковъ всякихъ средствъ къ дальнѣйшему продолженію ихъ преступныхъ дѣйствій, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предписать всѣмъ уѣзднымъ военнымъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ по ввѣренной вамъ губерніи, чтобы они строго наблюдали за арендными владѣльцами казенныхъ фермъ и другихъ оброчныхъ статей, и если бы оказалось, что который-нибудь изъ самихъ арендаторовъ, или

поставленныхъ отъ нихъ управителей или администраторовъ, принимаетъ участіе въ мятежѣ, доставленіемъ шайкамъ денегъ, оружія, продовольственныхъ припасовъ, укрывательствомъ отъ мѣстныхъ властей и военныхъ командъ—бунтовщиковъ и мѣстъ гдѣ они имѣютъ пристанище, а равно и личнымъ участіемъ въ мятежныхъ дѣйствіяхъ—подущеніемъ крестьянъ, вербовкой, распространеніемъ мятежныхъ возстаній и вообще подозрительными поступками и отлучками съ мѣста жительства—то, за полученіемъ о томъ свѣдѣній, военные начальники и уѣздные исправники, поступая съ виновными на точномъ основаніи §§ 9 и 13 данной мною инструкціи для военно-гражданскаго полицейскаго управленія, и удаливъ семейства ихъ съ мѣстъ жительства, обязаны, по смыслу §§ 14 и 19 той же инструкціи, немедленно взять всѣ сельскіе продукты и другаго рода имущество и хозяйство, составляющее собственность арендныхъ содержателей, продать оныя, и вырученныя деньги представить въ мѣстную казенную палату, увѣдомивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, палату государственныхъ имуществъ, для принятія оною въ свое вѣдѣніе фермъ и оброчныхъ статей и отдачи ихъ другимъ, болѣе надежнымъ арендаторамъ. Поручая вашему превосходительству наблюденіе за точнымъ исполненіемъ настоящаго распоряженія, я прошу васъ, милостивый государь, сообщить объ ономъ мѣстной палатѣ государственныхъ имуществъ, для зависящаго со стороны оной исполненія. (Подлинное подписалъ: Генералъ отъ инфантеріи

Муравьевъ).

—**Предложеніе его же начальнику вилен. губ.**—„Изъ донесеній командующихъ войсками, начальниковъ губерніи и военныхъ уѣздныхъ начальниковъ, я усматриваю, что, во время настоящихъ смутъ въ краѣ, крестьянское сословіе, оставаясь вѣрнымъ своему долгу и присягѣ, оказываетъ единодушное содѣйствіе правительству къ подавленію мятежа, поднятаго польскимъ дворянствомъ, католическимъ духовенствомъ и крамольною шляхтою; устраеваемые повсемѣстно сельскіе караулы, изъ которыхъ многіе уже, вмѣстѣ съ храбрыми войсками нашими, отличились дѣятельнымъ преслѣдованіемъ бунтовщиковъ, оказываемая помощь военнымъ коман-

дамъ къ открытію притоновъ мятежническихъ шаекъ, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ преданности крестьянъ престолу и правительству.

„Столь похвальныя дѣйствія со стороны крестьянскаго сословія поставляютъ меня въ пріятную обязанность поручить вашему превосходительству—передать, посредствомъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ, мою благодарность тѣмъ крестьянскимъ обществамъ, и временно-обязаннымъ, которыя принимали дѣятельное участіе въ составленіи сельскихъ карауловъ, въ устройствѣ деревенской стражи, и вообще содѣйствовали мѣстнымъ властямъ къ открытію и преслѣдованію мятежниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ объявить крестьянамъ, на сельскихъ сходкахъ, что для поощренія ихъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ въ дѣлѣ преслѣдованія и уничтоженія мятежниковъ, я назначаю имъ за каждаго пойманнаго ими и представленнаго военному уѣздному начальнику мятежника, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ—выдавать по 3 р. с., а за вооруженнаго по 5 р. с., и на этотъ предметъ разрѣшаю вашему превосходительству, изъ суммы 10% сбора съ помѣщичьихъ имѣній ввѣренной вамъ губерніи, препроводить командующему войсками въ виленской губерніи, генералъ-адъютанту Бистрому, на первый разъ 2,000 руб. сереб.

„Поручаю вашему превосходительству наблюденіе какъ за повсемѣстнымъ объявленіемъ настоящаго моего распоряженія, такъ равно и за точнымъ исполненіемъ онаго, я поставляю въ обязанность, чтобы мнѣ еженедѣльно былъ доставляемъ самый вѣрный и подробный счетъ о представленныхъ, въ каждомъ уѣздѣ, крестьянами, мятежникахъ, съ показаніемъ, къ какимъ сельскимъ обществамъ принадлежатъ эти крестьяне, какія лица ими представлены, и сколько выдано имъ за это денегъ„.

Подписалъ: генералъ отъ инфантеріи. *Муравьевъ 2-й.*

— **Предложеніе его же отъ 27 іюня.** — По полученнымъ отъ начальниковъ войскъ донесеніямъ, что многія мятежническія шайки расходятся, а составлявшіе ихъ крестьяне, шляхта, помѣщики и иной сбродъ, образуются съ просьбою о пощадѣ, я разрѣшилъ уже тѣхъ крестьянъ, которые добровольно и съ искренними чувствами

раскаянія возвратятся изъ шаекъ, водворять на прежнихъ мѣстахъ жительства, отдавая ихъ на поручительство крестьянскихъ обществъ, впредь до особаго распоряженія. Въ дополненіе къ тому предписываю:

1) Крестьянъ, однодворцевъ и мѣщанъ, добровольно возвращающихся изъ шаекъ и просящихъ пощады, водворять на прежнихъ мѣстахъ жительства, съ отдачею на благонадежное поручительство тѣмъ обществамъ, къ которымъ они принадлежатъ, не прежде однакожъ, какъ по ближайшемъ и личномъ начальника уѣзда удостовѣреніи въ полномъ ихъ раскаяніи и по приведеніи ихъ къ присягѣ на вѣрноподданство Государю Императору. Присягу эту выполнять въ присутствіи начальника уѣзда, избравъ для сего вполнѣ благонадежнаго ксендза.

2) Настоятельно требовать, чтобы возвращающіеся изъ шаекъ, вмѣстѣ съ прошеніемъ пощады, представляли оружіе, которымъ они были снабжены, или указывали, гдѣ оно скрыто въ лѣсахъ.

3) Отбирать отъ каждаго изъ нихъ порознь подробное показаніе: о составѣ тѣхъ шаекъ, въ коихъ они находились, о дѣйствіяхъ оныхъ и о начальствующихъ ими.

4) Тѣхъ, которые при отобраніи, показаній окажутъ упорство въ отвѣтахъ, брать (не объявляя ходатайства о пощадѣ) подъ стражу и представлять въ слѣдственныя коммиссіи, для поступленія съ ними по закону, какъ съ мятежниками.

5) Возвратившихся изъ мятежа помѣщиковъ, ксендзовъ, чиновниковъ и вообще шляхту и разночинцевъ, просящихъ помилованія, по снятіи съ нихъ подробныхъ показаній, оставлять въ городахъ подъ арестомъ въ ожиданіи дальнѣйшаго отъ меня, о пощадѣ ихъ, распоряженія.

6) Военнымъ начальникамъ быть крайне осмотрительными въ водвореніи просящихъ пощады, и тѣхъ, которые возвращаются изъ шаекъ въ свои дома безъ явки начальству или хотя съ явкою, но безъ чистосердечнаго раскаянія, брать, какъ выше сказано, немедленно подъ стражу, отнюдь недопуская тайнаго, безъ вѣдома начальства, возвращенія въ свои дома и селенія.

7) О всѣхъ лицахъ, возвратившихся въ свои дома и селенія и явившихся съ испрошеніемъ пощады, доносить немедленно по начальству, съ представленіемъ снятыхъ съ нихъ допросовъ, для окончательныхъ съ моей стороны распоряженій.

8) Военнымъ начальникамъ постоянно слѣдить за скитающимися еще въ лѣсахъ остатками отъ шаекъ, преимущественно за предводительствующими ихъ ксендзами, помѣщиками и шляхтичами, разсылая, какъ предписано, по разнымъ направленіямъ конные и пѣшіе отряды и составленные изъ охотниковъ команды, для поимки и истребленія мятежниковъ, и взятія подъ стражу лицъ, дававшимъ имъ пріютъ и продовольствіе и вообще имъ содѣйствовавшихъ.

9) Сознавая, что скитающіяся теперь банды суть ничто иное, какъ шайки разбойниковъ, незаслуживающихъ, по ихъ упорству и звѣрскимъ поступкамъ, никакой пощады, я уже предписалъ, всѣхъ тѣхъ, которые будутъ взяты въ плѣнъ изъ этихъ бродячихъ разбойническихъ шаекъ, ежели сіи послѣднія учинили какое либо неистовство или насиліе надъ крестьянами или инымъ кѣмъ, судить полевымъ уголовнымъ судомъ въ 24 часа и исполнять надъ ними смертные приговоры по конфирмаціямъ военно-уѣздныхъ начальниковъ, донося объ этомъ мнѣ, въ то же время. Независимо отъ сего, въ тѣхъ случаяхъ, когда околичная шляхта, не смотря на дѣлаемыя ей предупрежденія, будетъ уличена въ содѣйствіи или пособіи мятежникамъ къ учиненію ими злодѣйства надъ крестьянами или другими лицами, честно исполняющими долгъ вѣрноподданства, — доносить немедленно мнѣ, для употребленія строжайшихъ мѣръ взысканія со всей шляхетской околицы въ примѣръ и страхъ другимъ, а между тѣмъ, взявъ виновныхъ подъ стражу, для сужденія ихъ по всей строгости военныхъ законовъ, тогда же облагать всю околицу военною контрибуціею, отъ 10 до 25 р. с. со двора, въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ той шайки.

10) Имѣя въ виду, что большая часть неистовствъ и злодѣйствъ совершаются мятежническими шайками, составленными изъ помѣщиковъ, ксендзовъ и шляхтичей, которымъ нерѣдко содѣйствуютъ владѣльцы близлежащихъ мызъ и ихъ управляющіе, а

потому предписывается дознавать, изъ коихъ ближайшихъ къ содѣланному неистовству мызъ было оказано какое либо пособіе шайкѣ, совершившей злодѣяніе. Въ этихъ мызахъ забирать всю движимость и хлѣбъ, продавать и вырученныя деньги обращать въ пользу пострадавшихъ отъ мятежа, а хлѣбные запасы употреблять на продовольствіе войскъ; помѣщиковъ и ихъ управителей брать подъ стражу и представлять начальству вмѣстѣ съ слѣдственнымъ объ нихъ дѣломъ для преданіи ихъ военному суду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить начальнику губерніи о наложеніи секвестра на имѣнія помѣщиковъ, содѣйствовавшихъ симъ разбойничьимъ шайкамъ. Изъ этихъ имѣній, семейства помѣщиковъ и ихъ управителей немедленно удалять и, сверхъ того, скотъ и хозяйственныя принадлежности той мызы, въ территоріи коей было совершено злодѣяніе, раздавать семейству погибшаго и прочимъ крестьянамъ. Неограничиваясь исполненіемъ сего, доносить объ этомъ въ тоже время мнѣ, для принятія, въ особо важныхъ случаяхъ, еще наистрожайшихъ, въ примѣръ и страхъ другимъ, мѣръ противъ виновныхъ ксендзовъ, помѣщиковъ, управителей и шляхты, дающихъ пріютъ и продовольствіе разбойническимъ шайкамъ.

Дополняя симъ предложеніемъ сдѣланныя уже прежде сего распоряженія, еще разъ повторяю, чтобы уѣздные военные начальники съ особенною осмотрительностію представляли о помилованіи и дозволяли водвореніе на прежнихъ мѣстахъ жительства возвращающимся изъ шаекъ крестьянамъ, стараясь съ тѣмъ вмѣстѣ узнавать: кто настоящіе въ той мѣстности дѣятели по мятежу и, арестовывая сихъ послѣднихъ, доносить въ то же время по начальству.

Генералъ отъ инфантеріи *Муравьевъ 2.*

Жертвы шляхто-ксендзовскаго мятежа—(*Продолженіе*).
—Въ „Journal de St.-Pétersbourg", 11-го іюня, помѣщена слѣдующая статья:

„Революціонная партія въ Польшѣ продолжаетъ свои злодѣйства съ непоколебимою дерзостью. Ей рѣшительно предназна-

чено прибавить къ лѣтописямъ исторіи страницу, исключительную по своимъ кровавымъ ужасамъ. Возведя преступленіе въ цѣлую систему дѣйствій, она организовала его, создавши спеціальный отрядъ жандармовъ-вѣшателей, которые, скрываясь отъ русскихъ войскъ въ глубинѣ лѣсовъ, выходятъ оттуда только для убійства и грабежа беззащитныхъ крестьянъ, священниковъ, женщинъ и дѣтей. Поэтому мы обязаны вписать новый рядъ злодѣйствъ, въ видѣ продолженія предшествовавшихъ такихъ же списковъ.

„Даже самое римско-католическое духовенство непощажено, и тѣ изъ членовъ его, которые помнятъ, что предназначеніе сана ихъ состоитъ въ мирѣ, любви и доброй волѣ, тѣ, которые не бѣгутъ отъ алтарей и не возбуждаютъ своей паствы къ бунту и убійству—рѣдко спасаются отъ мщенія мнимаго національнаго правительства и отъ ярости достойныхъ его агентовъ.

„Такъ, напримѣръ, въ стопницкомъ округѣ, священникъ лиссовскаго прихода, почтенный патеръ Ридуссъ подвергся нападенію шайки инсургентовъ, которые, ограбивъ церковь и похитивъ 2,693 руб., связали его и заперли. Также точно, въ кирговскомъ приходѣ, священникъ Лапчинскій былъ ограбленъ и подвергся насильствамъ.

„Въ пултускомъ округѣ, близъ деревни Боби, найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка, убитаго и ужасно изуродованнаго инсургентами.

„Близъ города Остроленки, почта была остановлена и разграблена. Между мѣстечкомъ Черскомъ и чаптинскимъ помѣстьемъ найдены повѣшенными на одномъ деревѣ мужчина и женщина, принадлежащіе, судя по одеждѣ ихъ, къ крестьянскому сословію.

„Колонистъ Генрихъ Дереръ казненъ близъ города Лодзи. Содравъ кожу съ его черепа, какъ дѣлаютъ индѣйцы, инсургенты перебили ему, одинъ за другимъ, всѣ члены, и несчастный, дыша еще послѣ всѣхъ этихъ мученій, былъ, наконецъ, повѣшенъ.

„Крестьянинъ деревни Ставчины подвергся казни другаго рода. Инсургенты, составя около него кругъ, начали его осыпать

камнями, но такимъ образомъ, чтобъ продлить предсмертныя его мученія.

„Въ томъ же мѣстѣ колонистъ и жена его были схвачены и уведены въ лѣсъ. Сперва инсургенты повѣсили мужа, принудивъ жену его присутствовать при приготовленіяхъ къ казни и стоять передъ мужемъ до послѣдняго его издыханія. Потомъ повѣсили и ее, распоровъ животъ, чтобъ умертвить дитя, которымъ она была беременна.

„Клементій Бермѣвъ, старый матросъ, служившій у фермера Илабиковскаго, въ мѣстечкѣ Осташки, былъ ночью схваченъ въ своей комнатѣ и повѣшенъ въ лѣсу.

„Въ калишкомъ округѣ, въ опатовскомъ помѣстьѣ, нашли трупъ неизвѣстнаго человѣка, повѣшенный на деревѣ. Въ маріампольскомъ округѣ, близъ деревни Дзензіовольска, инсургенты повѣсили на деревѣ неизвѣстнаго человѣка, на трупъ котораго прибили гвоздями дощечку, со слѣдующею надписью: „Янъ Бургшайтисъ телеграфируетъ Царю, что въ бельвезійскомъ лѣсу образовался лагерь„.

„Инсургентъ, по имени Антонъ Залѣскій, перерѣзалъ бритвою горло отставному солдату Добруссу, около Пултуска.

„Въ пинскомъ округѣ, минской губерніи причетникъ святовольской церкви повѣшенъ инсургентами.

„Въ деревнѣ Оссеки (липновскаго округа), крестьянинъ Блендовскій, жена его и старшій сынъ повѣшены инсургентами. Младшій же сынъ уведенъ въ лѣсъ.

„Въ деревнѣ Доброленкѣ (остроленскаго округа), три брата Тарасевичей, изъ которыхъ старшему 61 годъ, уведены въ лѣсъ и тамъ повѣшены.

„Съ 16-го по 19-е іюня найдено въ тѣхъ же мѣстахъ 21 трупъ неизвѣстныхъ лицъ, повѣшенныхъ инсургентами. Въ томъ числѣ четыре женщины.

„Въ деревнѣ Туроте-Косцельскъ (бѣлостокскаго округа, гродненской губерніи), сборщикъ податей, г. Францъ Помахеръ повѣшенъ за то, что отказался отъ похищенія собранныхъ имъ денегъ.

„Въ мѣстечкѣ Гродзискѣ (варшавскаго округа) повѣшенъ отставной солдатъ Матвѣй Маньковскій.

„Конныя шайки инсургентовъ, объѣзжая опочинскій округъ, предавались, впродолженіе іюня, безчисленнымъ звѣрствамъ. Грабя деревни, сожигая хижины, похищая вездѣ деньги и припасы, онѣ производили надъ крестьянами всякаго рода насильства и злодѣйства. Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Янковицѣ повѣсили они *десять* колонистовъ, послѣ чего ушли оттуда, говоря, что повѣсятъ еще *пятерыхъ* въ деревнѣ Буковецъ.

„Органистъ католическаго монастыря св. Екатерины, Янъ Петралъ, принимавшій участіе въ возстаніи, просилъ о помилованіи и получалъ его. Но, возвратясь въ деревню, принадлежащую его монастырю, онъ въ первый же день убилъ пистолетнымъ выстрѣломъ въ упоръ женщину Катерину Любецъ и возвратился опять къ инсургентамъ.

„Въ деревнѣ Липпа, опочинскаго округа, земледѣльцы Павелъ и Іосифъ Жущины повѣшены.

„Въ соколовскомъ лѣсу (пултускаго округа) еврей Іосель Висоцкій подвергся той же участи.

„Антонъ Дворскій, житель деревни Ново-Клешово (пултускаго округа) убитъ двумя ружейными выстрѣлами.

„Въ кржветскомъ староствѣ (ленчицкаго округа), инсургенты повѣсили крестьянку, похищенную ими въ деревнѣ Пржедскѣ, вмѣстѣ съ другою, которой имя неизвѣстно.

„Въ деревнѣ Ожарковѣ похитили жену башмачника Поцлера и избили мѣщанина города Домба.

„Трактиръ въ деревнѣ Майданакъ (варшавскаго округа)—разграбленъ. Инсургенты похитили у хозяина 300 рублей деньгами и на 230 рублей вещей.

„Соляные магазины въ мѣстечкѣ Щекоцинѣ (олькушскаго округа) совершенно разграблены; 118 тоннъ товаровъ и 545 пудовъ соли похищены.

„Въ трокскомъ округѣ, виленской губерніи, инсургенты повѣсили, близъ деревни Богданцы, трехъ крестьянъ. На трупахъ ихъ найдена записка, угрожающая тою же участію всѣмъ, которые пребудутъ вѣрными русскому правительству.

„Въ млавскомъ округѣ, близъ деревни Завады, инсургенты повѣсили женщину, на трупѣ которой найдена дощечка съ такою гнусною надписью, что мы ее и передать не можемъ.

„Въ деревнѣ Косеницѣ (радомскаго округа) женщина Альбина Волоссъ была повѣшена, а потомъ трупъ ея брошенъ въ ручей.

„Шайка инсургентовъ увела съ собою трактирщика Вержбицкаго проводникомъ для указаній пути изъ Вотинка въ Зіолковъ (плоцкаго округа). Когда же они дошли до мѣста, то повѣсили несчастнаго трактирщика, говоря, что „хотятъ избавить его отъ скуки возвращаться домой по такой дурной дорогѣ„.

„Въ сержскомъ округѣ повѣшены башмачникъ Возникъ и крестьянинъ Ѳедоръ Маржинскій.

„Александръ Судникъ, членъ общества поземельнаго кредита, живущій въ Сувалкахъ (августовской губерніи), удавленъ въ своей постелѣ, двумя неизвѣстными лицами, прибывшими для этого изъ Варшавы.

„Лѣсовщикъ, Фридрихъ Викцинсъ, повѣшенъ въ ленчицкомъ округѣ. Въ деревнѣ Странсурашѣ повѣшенъ таможенный служитель Котовъ.

„Той же участи подверглись въ послѣднихъ числахъ іюня:

„Близъ деревни Лисица (млавскаго округа)—женщина, которой имя неизвѣстно. Въ деревнѣ Будаволинскѣ—земледѣлецъ Лудвигъ Ганка. Близъ Говлово (калишскаго округа)—одинъ неизвѣстный человѣкъ. Въ томъ же округѣ, близъ мѣстечка Варта—нѣкто Іосифъ Доберскій. Въ деревнѣ Наревѣ (пултускаго округа—неизвѣстный человѣкъ. Въ разіонскомъ лѣсу (млавскаго округа)—крестьянинъ Адамъ Суровскій. Въ сейнинскомъ округѣ, по дорогѣ изъ Стацишки въ Сереи—нѣкто Антонъ Ствертецкій.

„Въ то же время произведены были шайками жандармовъ-вѣшателей слѣдующіе, офиціально подтвержденные, грабежи:

«Въ Пржировѣ (велунскаго округа) унесли они изъ публичной кассы 121 рубль; въ Жарновѣ (опочинскомъ округѣ) похитили 86 рублей; въ Спиборжецѣ (олькушскаго округа) отняли у владѣльца деревни 300 рублей, угрожая ему смертію, если онъ не выдасть всего, что у него остается. Въ окрестностяхъ Высо-

чеца и Чапли-Моли (мѣховскаго округа), всѣ помѣщичьи дома преданы грабежу.

„Тѣ же шайки ограбили маль-постъ, въ семи разныхъ мѣстахъ. Въ горецкомъ лѣсу, гродненской губерніи, домъ фермера Козьмы Пекаса, со всѣми принадлежностями, ограбленъ и сожженъ.

„Въ гродненскомъ округѣ, Яковъ Головицъ, крестьянинъ деревни Семеновки, повѣшенъ.

„Въ Новоселкѣ (того же округа), шайка въ десять инсургентовъ, умертвила старосту деревни Григорія Ярмишука, а близъ баровской фермы — крестьянина Мартишека. Въ слонимскомъ округѣ, въ дер. Добромиска, Викентій Лазарчикъ и Иванъ Минчикъ повѣшены. Крестьянинъ деревни Грабовицы, Францъ Фальковскій, и деревни Дзейсковицъ—Николай Горбачевъ, а также лѣсовщикъ Дзешковскій, повѣшены инсургентами. Въ гродненской губерніи Викентій Гнедзейка, земледѣлецъ деревни Лесчаны, ограбленъ и, чтобъ спасти себя отъ смерти, принужденъ былъ отдать имъ все свое имущество,—297 рублей. Но не довольствуясь этимъ, они унесли у него и платье, и сапоги. Въ деревнѣ Горшновѣ (замосцскаго округа) въ домъ колониста Іогана Тернеса вторглись инсургенты, избили его, а съ женою поступили самымъ постыднымъ образомъ, и похитили все, что у него было, цѣною на 75 рублей.

Въ первой половинѣ іюля, умерщвлены были инсургентами: въ Гомбинѣ (настинскаго округа) чиновникъ Іосифъ Патроцкій; въ дробинскомъ староствѣ (серадцкаго общества) одинъ неизвѣстный; въ залускомъ староствѣ (варшавскаго округа)—тоже одинъ неизвѣстный; въ Добѣцинѣ (варшавскаго же округа) земледѣлецъ Мартинъ Квятковскій; въ Стрійнѣ (красноставскаго округа) четыре крстьянина; въ Сламно (плоцкаго округа) нѣкто г. Чаховскій; въ Нижѣ (того же округа) экспедиторъ почтамта Пржебиловскій; въ Гриполѣ (трокскаго округа, виленской губерніи) два брата Стефановичи и крестьянинъ Казиміръ Дятловскій; въ Полянскѣ (ошмянскаго округа) староста деревни, Янъ Мацкевичъ; въ волковыскомъ округѣ (гродненской губерніи) отставной полковникъ Фадеевъ, жена его и слуга.

„Въ прежнихъ нашихъ статьяхъ мы говорили объ умерщвленіи священника Конопасевича, но съ тѣхъ поръ получили мы

нѣсколько подробностей, которыя и почитаемъ долгомъ передать на гнѣвный судъ публики. Осыпавъ этого достойнаго пастыря оскорбленіями и подвергнувъ его жесточайшимъ мученіямъ, злодѣи повѣсили его на сукъ дерева, но такъ, чтобъ онъ долго еще промучился. Потомъ привели жену его и, поставя подлѣ супруга, составили около нихъ истинно адскій кругъ, чтобы насытиться зрѣлищемъ ихъ мученій. Несчастная женщина, будучи уже шесть мѣсяцевъ беременна, бросилась къ повѣшенному, имѣя другаго ребенка на рукахъ, и подставила мужу плечи свои, съ крикомъ и воплями умоляя мучителей снять его съ дерева. Но они отвѣчали только кровавыми шутками, позволяя ей поддерживать мужа, чтобъ продлить его и ея страданія; потомъ ударомъ въ животъ повергли ее на землю съ ея ребенкомъ. Четыре раза повторялось это; при пятомъ, священникъ испустилъ духъ, и тогда она безъ чувствъ пала у ногъ трупа его.

„Никакая эпоха, ни одинъ народъ, ни одна лѣтопись не представляютъ такихъ ужасныхъ мучительствъ. Доведя до всевозможныхъ предѣловъ свои преступленія, партія дѣйствія и такъ называемый „польскій національный комитетъ“ хотѣли, какъ бы нарочно, избрать для этого священника христіанской вѣры, кроткаго и беззащитнаго сельскаго пастыря,(?) чтобъ еще разъ доказать міру, что политика, служитъ только предлогомъ самымъ гнуснымъ страстямъ. Еще разъ повторимъ при этомъ, что всѣ исчисленные нами страшные факты совершенно достовѣрны; они законнымъ образомъ подтверждены; точное указаніе на мѣсто, число и имена дѣлаетъ провѣрку очень удобною для каждаго. Это нетакіе вымышленные и лживые факты, какіе составляются въ Львовѣ, или въ Краковѣ; это не выходки клеветы болѣе или менѣе скрывающихся иностранныхъ сочинителей; это—искренняя, прямодушная номенклатура, безъ малѣйшаго преувеличенія, и, по несчастію, слишкомъ вѣрная. Сомнѣваться въ этихъ фактахъ, значило бы безвозвратно отказаться отъ дознанія истины“.

— Въ „Journal de S.-Pétersbourg„ напечатано: „Мы представили уже образчикъ польской революціонной литературы.

„Отвѣчать на насилія, доведенныя до подобныхъ предѣловъ, или стараться убѣдить въ справедливости и истинѣ людей, нару-

шающихъ умышленно ту и другую, потому что поношенія для нихъ оружіе, а клевета средство—значить терять напрасно время. Равнымъ образомъ, безплодно обращаться къ многочисленной и легковѣрной части заграничной публики, которая добровольно упояется этими фальшивыми источниками, закрываетъ глаза для всякаго свѣта и уши для всякаго иного звука, кромѣ того колокола, къ которому она привыкла. Для этого класа читателей, польскіе инсургенты, которые грабятъ, вѣшаютъ—мученики; русскія войска, жертвующія собою для сохраненія порядка и защиты своего отечества, въ глазахъ ихъ, орды азіатскихъ варваровъ, враги цивилизаціи.

„Но есть избранная публика, которая серьезно смущается отъ этой мрачной трагедіи, внимательно слѣдитъ за ходомъ ея, старается разъяснить истину и судить безпристрастно.

„Эта публика должна придти въ большое затрудненіе посреди противорѣчій, затемняющихъ эту грустную проблему; читая польскія или полонизирующія газеты, она на каждомъ шагу встрѣчаетъ разсказъ громкихъ, гомерическихъ фактовъ возстанія и трогательную картину жестокостей, приписываемыхъ русскимъ войскамъ, надъ женщинами, старцами, дѣтьми, ранеными, плѣнными и беззащитными крестьянами. Читая русскія газеты, она встрѣчаетъ донесенія законныхъ властей, въ которыхъ возстаніе низводится на организованное разбойничество, успѣхи инсургентовъ, на грабительство — и которыя вычисляютъ варварскіе поступки мятежниковъ, произведенные съ ухищренностію неслыханной жестокости.

„Этотъ класъ читателей вообще слишкомъ разборчивъ, чтобы не чувствовать разницы между источниками, изъ которыхъ вытекаютъ эти разнорѣчащія описанія. Они происходятъ отъ инсургентовъ, т. е. отъ людей смѣлыхъ, авантюристовъ, которые, несмотря на весь интересъ, питаемый къ ихъ дѣлу, стоятъ, тѣмъ не менѣе, внѣ закона—которые, руководимые ненавистью и страстью, единственнымъ ихъ извиненіемъ, дѣлаютъ изъ всего оружіе для себя, дѣйствуютъ безъ контроля и ожидаютъ лишь отъ успѣха оправданія своихъ поступковъ. Другія же донесенія выходятъ отъ водвореннаго правительства, установленныхъ властей, пра-

вильныхъ войскъ, т. е. отъ элементовъ, подчиненныхъ, во всѣхъ странахъ, извѣстному контролю, извѣстной отвѣтственности, обязывающихъ ихъ уважать самихъ себя и воспрещающихъ имъ поступки, порицаемые общественнымъ мнѣніемъ.

Между этими различными источниками выборъ не можетъ быть сомнителенъ. Тѣмъ неменѣе, безпристрастные читатели встрѣчаютъ еще нѣкоторыя сомнѣнія. Они говорятъ, что, допуская клеветы и преувеличенія въ польской журналистикѣ, очевидно, заинтересованной очернить русское правительство, дабы возбудить противъ него общественное мнѣніе Европы, должна же, однако, содержаться хотя нѣкоторая доля правды въ этихъ описаніяхъ, и эта-то малая доля составляетъ уже черезчуръ много. Какъ бы грустны и преступны ни были дѣйствія, приписываемыя инсургентами, они, тѣмъ неменѣе, встрѣчаютъ оправданіе въ самомъ фактѣ возстанія, которое пробуждаетъ существованіе страшныхъ страстей, разнуздываетъ ихъ, разжигаетъ ихъ, и не имѣетъ никакой возможности обуздать ихъ, потому что можетъ ожидать себѣ успѣха только отъ ихъ энергіи. Но правительство, регулярная армія, когда даже имѣютъ право законной обороны, всегда обязаны покровительствовать обществу, порядку, правосудію, нравственности; они имѣютъ обязанности болѣе строгія, и должны подавать примѣръ терпѣнія, кротости, спокойствія и благоразумія, которыя одни только могутъ смирить волненіе страстей и возвратить общество къ нормальнымъ условіямъ.

„Мы слышали подобныя замѣчанія и выраженіе сожалѣнія, которыя мы считаемъ искренними, на нѣкоторыя дѣйствительныя строгости, ознаменовавшія подавленіе возстанія.

„Мы могли бы отвѣчать на это мнѣніе, напомнивъ дикую войну, которую ведутъ польскіе инсургенты противъ нашихъ войскъ; мы удерживаемся отъ этого. Слово подавленіе произнесено; мы скорбимъ о немъ. Но мы спрашиваемъ у этихъ безпристрастныхъ судей: что выиграло русское правительство въ Царствѣ Польскомъ отъ двухъ лѣтъ терпѣнія и кротости? Не подъ защитою ли этой терпимости образовалось и развилось это возстаніе? Не благодаря ли дарованной административной автономіи, образовался этотъ тайный комитетъ, который пустилъ свои

вѣтьви во всѣ отрасли государственной службы, составляетъ душу возстанія и парализируетъ дѣйствія правительства? Итакъ, спрашиваемъ мы: не должны ли, даже въ интересахъ гуманности, остановиться терпѣніе и кротость у предѣла, за которымъ онѣ становятся уже поощреніемъ для безпорядка, за которымъ онѣ дѣлаютъ болѣе долгою, болѣе тягостною, болѣе кровавою борьбу, которую онѣ имѣли цѣлью предупредить?

„Правительство чувствуетъ только сожалѣніе къ заблудшимъ жертвамъ, виновнымъ въ этихъ безпорядкахъ; милосердіе Государя всегда есть для нихъ. Власти только приводили въ силу законы; приговоры, въ весьма небольшомъ числѣ, коимъ подверглись нѣкоторые изъ главнѣйшихъ виновныхъ, постановлялись судами, законно установленными. Мы полагаемъ, что ни въ какой странѣ нельзя было бы поступить иначе при подобныхъ обстоятельствахъ. Правительство пользовалось съ чрезвычайною умѣренностью властью, которою оно вооружено; оно прибѣгало къ ней только въ самомъ крайнемъ случаѣ и тогда только, когда строгость становилась обязанностью. Спрашиваемъ, не обязано ли правительство также сколько нибудь мирному населенію царства, которое инсургенты грабятъ, притѣсняютъ и раззоряютъ безсовѣстно, крестьянамъ, которыхъ они насильо вербуютъ, подъ страхомъ немедленной казни?

„Русскіе солдаты, проливающіе свою кровь на защиту порядка и неприкосновенности государства, подвергающіеся нападенію въ лѣсахъ, завлекаемые въ засады, убиваемые, когда они покажутся отдѣльно, подвергающіеся самымъ жестокимъ истязаніямъ, когда они попадаются въ плѣнъ; наконецъ, русскій народъ, терпящій оскорбленіе, отлучаемый, такъ сказать, отъ образованныхъ народовъ, угрожаемый нападеніемъ, въ виду котораго онъ приноситъ тягостныя пожертвованія—развѣ не имѣютъ они также права на вниманіе правительства?

„Эти соображенія должны быть приняты въ разсчетъ каждымъ, кто въ человѣческихъ дѣлахъ ищетъ прежде всего справедливости и истины. Обольщеніе, окружающее нынѣ революціи, благодаря нѣкоторымъ блестящимъ успѣхамъ, сбило всѣ понятія о правѣ и справедливости. Всюду, пылкое юношество, авантю-

ристскіе характеры, сбившіяся личности, кидаются на этотъ путь, искать случайнаго существованія, болѣе привлекательнаго, чѣмъ трудности правильной жизни. Революціонная литература разсчитываетъ на эти элементы и окружаетъ ихъ вѣнцомъ страстной поэзіи; легковѣрная публика рукоплещетъ, судитъ и порицаетъ, руководясь болѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ; и когда, затѣмъ, возникаютъ бѣдствія, горестныя для человѣчества, то тогда уже утраченъ точный смыслъ причинъ, которыя произвели эти бѣдствія.

„Обязанность правительствъ очень трудна въ этихъ случаяхъ. Они должны не увлекаться поэтическими отвлеченностями, но охранять общественный порядокъ, покровительствовать рабочимъ и мирнымъ населеніямъ, живущимъ трудомъ, а не приключеніями, и сдерживать волнующія страсти, стремящіяся нарушить правильную и успѣшную дѣятельность государства. Мѣра, которою, во время кризиса, правительста должны выполнять строгость, карающую преступленіе, или снисхожденіе, щадящее виновнаго; мѣра, которою они должны различать виновниковъ преступныхъ безпорядковъ и заблудшихъ жертвъ увлеченія, болѣе или менѣе извинительнаго, но вреднаго общественному благу—такая мѣра, должна быть предоставлена усмотрѣнію самихъ правительствъ. Отвѣтственность, лежащая на нихъ предъ Богомъ и собственною совѣстью, составляетъ уже и безъ того тяжкую ношу. Во всякомъ случаѣ, обсуждающіе нынѣшнія событія не должны забывать, что за русскимъ правительствомъ стоитъ цѣлая Россія, которая ждетъ отъ него защиты ея чести и попеченія объ ея безопасности„.

— Въ послѣднее время у насъ много толкуютъ о казнахъ, правительственныхъ въ Польшѣ по приговорамъ военнаго суда. Весьма естественно, что исполненіе этихъ приговоровъ производитъ тяжелое впечатлѣніе на публику. Смертная казнь у насъ, со временъ Елизаветы, была рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ—и вотъ теперь, когда и тѣлесное наказаніе отмѣнено уже почти совершенно, правительство наше, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, принуждено прибѣгать къ этой ужасной мѣрѣ.

Что русская публика чувствуетъ глубокое состраданіе къ казненнымъ полякамъ, за это нельзя обвинять ее. Состраданіе

къ несчастнымъ, кто бы они ни были—народное русское чувство; это отличительная черта русскаго характера, и черта въ высшей степени симпатическая. Но справедливы ли тѣ, которые, подъ вліяніемъ состраданія къ казненнымъ полякамъ, видятъ въ этихъ казняхъ слишкомъ жестокую мѣру? Извѣстны ли имъ въ точности тѣ исключительныя обстоятельства, которыя заставляютъ прибѣгать къ этимъ дѣйствительно грознымъ средствамъ? Не думаемъ. Русскій человѣкъ искони привыкъ дѣйствовать подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, не давая себѣ отчета въ причинахъ, произведшихъ это впечатлѣніе — а это мало гарантируетъ безпристрастность сужденія.

Что мы дѣлаемъ въ Польшѣ? Мы на польской землѣ отстаиваемъ интересы Россіи и Польши; мы только защищаемся. Перестань иностранныя державы извергать въ Польшу этотъ сбродъ, отъ котораго имъ самимъ житья не было, перестань ксендзы и шляхта разжигать въ Польшѣ народныя страсти, и мы не услышали бы болѣ объ этихъ разстрѣливаніяхъ и повѣшеніяхъ. Мы увѣрены, что господа, льющіе слезы надъ казнями коноводовъ возстанія, не видѣли вблизи всѣхъ прелестей войны, въ особенности войны междоусобной, наихудшей изъ войнъ. Сердце человѣческое такъ устроено, что на него несравненно сильнѣйшее производитъ впечатлѣніе подробное описаніе казни одного человѣка, чѣмъ сухія слова реляціи: „нашихъ убито столько-то, ранено столько-то; потеря повстанцевъ весьма значительна“. Батальная картина, на которой убитые и раненные изображены въ такихъ граціозныхъ групахъ, не производитъ особенно тяжелаго впечатлѣнія даже на тѣхъ, которые при видѣ капли настоящей крови падаютъ въ обморокъ—это всѣмъ извѣстное свойство натуры человѣческой. Что же сказали бы эти чувствительныя дамы, еслибъ увидѣли дѣйствительное сраженіе съ дѣйствительно убитыми и раненными, съ истерзанными, окровавленными членами, съ воплями, раздирающими душу... Наполеонъ I былъ человѣкъ съ желѣзными нервами; онъ считалъ людей пушечнымъ мясомъ, онъ хвасталъ, что можетъ ежегодно *тратить* 100,000 человѣкъ. но и тотъ вздрогнулъ, когда увидѣлъ своими глазами по окончаніи битвы, дѣло рукъ своихъ—эти граціозные трупы убитыхъ

и раненыхъ. Какого бы мнѣнія были филантропы о коноводахъ возстанія, обозрѣвъ поприще ихъ геройскихъ дѣйствій—объ этихъ людяхъ зашедшихъ уже слишкомъ далеко, для того, чтобы повернуть назадъ, и обольщающихъ народъ надеждами, въ несбыточности которыхъ, сами увѣрены; объ этихъ пастыряхъ духовныхъ, которые, вмѣсто того, чтобы вести свою паству по пути къ спасенію, ведутъ ее прямо подъ пули или на висѣлицу? Что значатъ преступленія тѣхъ, которые повѣривъ обманчивымъ увѣреніямъ, или изъ страха, обратили мирное сельское орудіе—въ орудіе истребленія, въ сравненіи съ виною тѣхъ злодѣевъ, которые довели ихъ до этого?

Польша нескоро оправится отъ нынѣшнихъ смутъ. Въ рядахъ повстанцевъ гибнутъ лучшіе сыны ея—надежда Польши. Нельзя безъ ужаса вспомнить, что шайки преимущественно комплектуются тѣмъ самымъ юношествомъ, которое, полгода назадъ, мирно сидѣло на учебныхъ скамьяхъ, готовя себя для другой, плодотворной дѣятельности, для которой открывали широкій путь важныя реформы, такъ рѣшительно отвергнутыя революціонною партіею, не безъ основанія видѣвшею въ нихъ свой смертный приговоръ. Каковы бы ни были заблужденія духовенства и шляхты, но эти сословія единственные образованные классы въ Польшѣ. Убыль въ рядахъ ихъ составляетъ существенную, незамѣнимую потерю для страны. Вся умственная дѣятельность польскаго народа сосредоточилась въ этихъ сословіяхъ, а какъ эти дѣятели, измѣнивъ своему призванію, гибнутъ подъ пулями, то вмѣстѣ съ ними гибнетъ и будущность польской мысли, которой они хотѣли быть выраженіемъ. Эту потерю оцѣнятъ поляки только впослѣдствіи, по минованіи смутъ, когда придется имъ снова обратиться къ мирнымъ занятіямъ и, волею или неволею, идти по мирному пути прогреса—единственному пути, приличному цивилизованному народу. Новый порядокъ потребуетъ новыхъ дѣятелей, а гдѣ найдетъ ихъ Польша, когда лучшій цвѣтъ ея народонаселенія, будетъ зарытъ въ дремучихъ лѣсахъ ея? Новыхъ образованныхъ дѣятелей, она нескоро дождется отъ сельскаго народонаселенія. Духовенство и шляхта съ умысломъ препятствовали умственному развитію польскаго крестьянина, для того, чтобы

вѣрнѣе держать его въ своихъ когтяхъ; ему только недавно блеснули первые лучи свободы: поэтому первые шаги его на поприщѣ общественной дѣятельности будутъ нетверды; ему нельзя будетъ идти безъ проводника. А гдѣ найдетъ проводника польскій крестьянинъ, кромѣ Россіи? Коноводы революціи, слѣдственно, сами отдаютъ Польшу въ полную власть Россіи. Такова, видно, логика исторіи, которой нельзя сопротивляться...

Конечно, нѣтъ такихъ ранъ, которыхъ бы не залечивало время; но въ доказательство того, съ какимъ трудомъ оправляется нація послѣ того, какъ, вслѣдствіе фанатизма партій, принесетъ въ жертву лучшихъ гражданъ своихъ, мы укажемъ на Испанію, изгнавшую лучшихъ своихъ обитателей—мавровъ, по интригамъ фанатическаго католическаго духовенства. Сколько вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, а и до сихъ поръ эта страна не можетъ оправиться отъ ранъ, нанесенныхъ ей собственною ея рукою!

Вредъ, причиненный нынѣшними безпорядками матеріальному благосостоянію Польши, несравненно значительнѣе вреда, причиненнаго ей мятежомъ 1831 г. Тогда дрались польскія войска, въ которыхъ волонтеровъ было очень немного. Войска эти были разбиты, и водворилось спокойствіе. Теперь же совсѣмъ другое. Такъ называемое національное правительство употребляетъ всѣ силы, чтобы испортить механизмъ польской администраціи, на томъ основаніи, что эта администрація введена *москалями*—значитъ, дурна, ненаціональна. Но каковы бы ни были ея недостатки, все же она поддерживала, по крайней мѣрѣ, наружный порядокъ въ странѣ. Уничтоживъ этотъ порядокъ, національное правительство не въ состояніи будетъ ввести другой, по его мнѣнію, лучшій, по той простой причинѣ, что введенію его воспрепятствуютъ 200,000 русскихъ штыковъ, съ которыми никогда не справятся косы національнаго правительства. Слѣдовательно, подкапывая основанія русскаго управленія въ Польшѣ, революціонная партія подкапываетъ основаніе общественнаго устройства и повергаетъ Польшу въ бездну анархіи. На дѣлѣ оно такъ и выходитъ. Не говоря уже о деревняхъ, погибшихъ въ пламени, взгляните на положеніе деревень, до которыхъ не коснулось

еще истребленіе. Приходятъ въ деревню русскія войска, требуютъ квартиръ, продовольствія, подводъ и проч., берутъ проводниковъ и уходятъ; за ними вслѣдъ приходятъ повстанцы: вѣшаютъ проводниковъ, указывавшихъ дорогу русскимъ, требуютъ того же, чего требовали ихъ предшественники, да, въ добавокъ къ тому, еще подать, наложенную на жителей національнымъ правительствомъ, и людей, для пополненія страшной убыли въ ихъ рядахъ; они производятъ по своему судъ и расправу, начиняя порохомъ животы беременныхъ женщинъ и потомъ зажигая ихъ, дѣлая всевозможныя истязанія надъ тѣми, которые почему-нибудь имъ не нравятся, вѣшая и разстрѣливая, до тѣхъ поръ, пока ихъ снова не смѣнятъ русскіе... И подобные ужасы творятся не въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, даже не въ одной провинціи, а на огромномъ пространствѣ всего Царства Польскаго, Литвы и нѣкоторыхъ чисто русскихъ губерній! Понятно, на сколько все это способствуетъ мирнымъ сельскимъ занятіямъ.

Ненадо забывать и того, при какихъ обстоятельствахъ началось возстаніе. Новыя отношенія помѣщика къ крестьянину не успѣли еще установиться послѣ изданія положенія; наступила весна—поля остались или вовсе незасѣянными, или были засѣяны дурно; множество рукъ было насильно отвлечено отъ земледѣльческихъ занятій; самыя земледѣльческія орудія пошли на выдѣлку оружія. Наступало лѣто; теперь въ Польшѣ уже надо косить сѣно, а косы понадобились для другаго употребленія; настанетъ жатва—а жать будетъ нечего, и несчастный польскій крестьянинъ долженъ будетъ умирать съ голоду, отъ того, что его пану, вмѣстѣ съ ксёндзомъ, угодно было затѣять возстановленіе какой-то мечтательной Польши... Замѣтьте при этомъ, что нѣкоторыя губерніи Польши и Литвы, подобно гродненской, славятся безплодіемъ почвы, и въ мирное время едва питавшей свое населеніе; что же будетъ тамъ теперь, когда духъ войны промчался по этимъ несчастнымъ странамъ, съ своими неизбѣжными спутниками: разореніемъ и истребленіемъ? Повторяемъ, всѣми этими бѣдствіями польскій народъ обязанъ своему духовенству и шляхтѣ. Кровь, льющаяся, въ настоящее время, въ Польшѣ, падетъ на головы тѣхъ, которые возбудили возстаніе.

Цѣль революціонной партіи теперь всѣмъ извѣстна. Дѣло идетъ уже не о томъ, какія права предоставить Польшѣ, а о существованіи Россіи, какъ великой европейской державы: поэтому всякія полумѣры съ нашей стороны были бы—не говоримъ уже *преступленіемъ предъ Россіею, но преступленіемъ и предъ самою Польшею*, успокоеніе которой онѣ бы замедлили. Возможно ли требовать отъ нашего правительства, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ—когда пресловутое національное правительство силится терроромъ поддержать возстаніе, и въ виду грозной коалиціи западныхъ державъ, спѣшащихъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи для своихъ корыстныхъ цѣлей—возможно ли требовать, чтобы наше правительство, въ настоящую роковую минуту, не употребило всѣхъ зависящихъ отъ него средствъ, для подавленія польскаго возстанія? Есть грозный законъ необходимости, предъ которымъ, порою, преклоняются всѣ другіе законы, и сострадая къ участи тѣхъ несчастныхъ, которыхъ заблужденіе довело до плахи, не будемъ считать жестокостью строгаго, неумолимаго и спасительнаго правосудія. (Изъ газ. Гол.)

ТРИ МУЧЕНИЧЕСКІЯ КОНЧИНЫ.

1.

О смерти сельскаго учителя Викентія Смольскаго. (Изъ частнаго письма.) — „Викентій Смольскій, который былъ въ ковенской губерніи, поневѣжскаго уѣзда, въ м. Субочѣ сельскимъ учителемъ, сдѣлался въ недавнее время жертвою мести тамошнихъ инсургентовъ и оставилъ послѣ себя жену съ малолѣтнимъ ребенкомъ безъ всякаго способа къ дальнѣйшей жизни.

„Опишу вамъ, м. г., причину, вслѣдствіе которой Викентій Смольскій лишенъ былъ инсургентами жизни. Извѣстно вамъ, что въ ковенской губерніи очень мало православныхъ, а въ м. Субочѣ былъ только одинъ Смольскій. Когда инсургентами вербовались въ лѣсъ мѣстные жители субочскаго мѣстечка, тогда насильно взятъ былъ ими Смольскій для того собственно, чтобы въ мѣстечкѣ не осталось ни одного православнаго. Но когда онъ, избравъ удобное время, ушелъ опять въ Субочь отъ инсур-

гентовъ, то они положили во что бы то ни стало опять поймать его. Между тѣмъ, послѣ этого, вотъ что произошло:

„Войска наши, расположенныя близъ Субоча, узнавъ о появленіи въ субочскихъ лѣсахъ огромной шайки инсургентовъ, слѣдуя туда, зашли въ м. Субочь. Смольскій, которому очень хорошо была извѣстна мѣстность, гдѣ находились инсургенты, явившись къ командиру отряда, объявилъ обо всемъ съ нимъ случившемся и о грозящей ему отъ мѣстной шайки опасности, а также указалъ мѣсто, куда они затащили и гдѣ, слѣдовательно имѣли главный притонъ свой. Это указаніе Смольскаго очень много способствовало къ разсѣянію и уничтоженію скопившейся тамъ шайки. Но дорого обошлась за то ему эта вѣрность своему долгу и призванію. Инсургенты сразу догадались, кто былъ причиною ихъ погибели и разсѣянія и жестоко за то отомстили. Когда отрядъ, разбившій мятежниковъ, возратился въ свое мѣсто, тогда мятежники отъ этой шайки оставшіеся, явились снова, въ Субочь, схватили Смольскаго и утащивъ въ лѣсъ послѣ долгихъ и страшныхъ мученій несчастнаго повѣсили. [1]) Тяжело мнѣ и вспомнить объ этомъ событіи! Но что-жъ дѣлать! Эти невинныя жертвы, можетъ быть, когда-нибудь будутъ искупленіемъ и насъ и края нашего отъ неистовства враговъ народности и вѣры нашей.“

2.

О мученической смерти дьячка Ѳедора Іозефовича минской губерніи, пинскаго уѣзда, святовольскаго прихода. Со словъ вдовы замученнаго Домны Іозефовичевой.

„1-го сего іюня, въ 10 часовъ утра, когда мужъ мой Ѳедоръ Іозефовичъ занимался внѣ дома хозяйствомъ, два незнакомые человѣка потребовали кушать. Принявъ ихъ за обыкновенныхъ странниковъ, я удовлетворила ихъ требованію и они начали разговоръ съ отцомъ мужа моего, заштатнымъ священникомъ Іаковомъ Іозефовичемъ, проживающимъ въ нашемъ домѣ, современи увольненія его отъ должности. Замѣтивъ изъ разговора, что

[1]) Странно, почему послѣ разбитія мятежниковъ на голову, въ извѣстной мѣстности, они опять тамъ являются и производятъ злодѣйства?!

эти люди не здѣшней стороны и подозрѣвая въ нихъ польскихъ мятежниковъ, я тотчасъ послала за мужемъ, который въ это время находился въ городѣ и объявила, что пришли два мятежника. Прежде чѣмъ зайти въ домъ, мужъ мой отправился къ сосѣду-крестьянину съ тѣмъ, чтобы при помощи его взять тѣхъ людей и доставить куда слѣдуетъ. Потомъ, вошедши въ домъ, онъ началъ распрашивать незнакомцевъ, кто они и откуда, какъ вдругъ вбѣжалъ въ комнату испуганный мой сынъ съ объявленіемъ, что въ село идутъ поляки. Всѣ выбѣжали изъ дому, чтобы удостовѣриться, и когда начали разузнавать, то сидѣвшіе въ комнатѣ незнакомцы—это были передовые шайки, стали успокоивать и доказывать, что это русскіе козаки и просили указать мѣсто, гдѣ бы имъ можно было скрыться. Когда же всѣ убѣдились, что точно идутъ мятежники, а мужъ мой хотѣлъ скрыться, то одинъ изъ незнакомцевъ, приставивъ револьверъ къ груди мужа, грозно закричалъ: „стой, никуда не пойдешь, ступай за мною въ корчму!“ куда направлялась и толпа инсургентовъ. Здѣсь начали его истязать и объявивъ, что ему остается всего полчаса времени до смерти, начальникъ шайки велѣлъ отправить его подъ карауломъ къ священнику для исповѣди. Никакія убидительныя мои просьбы, ни слезы пятерыхъ дѣтей, ни моленія въ ногахъ семидесятилѣтняго старца, священника Іозефовича, ничто не могло умилостивить звѣрства мятежниковъ. Положивъ послѣ исповѣди, въ домѣ священника, петлю на шею мужа, они подвели его къ стоящей близь нашего дома вербѣ и тутъ же повѣсили, приставивъ стражу, чтобы тѣло оставалось такъ до третьяго дня, и чтобы по ихъ словамъ, не только десятый, но и двадцатый видѣлъ и зналъ, какъ противодѣйствовать полякамъ. При этомъ, на воспитаніе дѣтей оставили 30 рублей, каковыхъ денегъ я не намѣрена употреблять въ свою пользу, а внесу куда приказано будетъ.“

3.

Смерть о. Рапацкаго.

Еще жертва польскаго фанатизма; повстанцы повѣсили священника Черполазской церкви о. Романа Ропацкаго. Вотъ оффиціальное объ этомъ извѣстіе.

3 іюля, вечеромъ, о. Рапацкій возвращался съ сѣнокоса; вооруженные инсургенты, въ числѣ тридцати человѣкъ, поймали его, привели въ село Котру, гдѣ онъ жилъ, не стращая его никакими угрозами. Здѣсь, доведя о. Рапацкаго до *плебаніальнаго* дома, повѣсили, и еще въ повѣшеннаго стрѣляли. Въ оффиціальномъ донесеніи сказано: „поводомъ къ этому *какъ будто бы было* подозрѣніе, что покойный доносилъ военному начальнику о появленіи мятежническихъ шаекъ, хотя онъ въ этомъ не сознавался предъ благочиннымъ.“

О. Рапацкій былъ еще молодыхъ лѣтъ. Послѣ него остались жена, три сына: одинъ 10 лѣтъ въ кобринскомъ училищѣ, его отецъ воспитывалъ на свой счетъ, и два четырехлѣтнихъ мальчика—близнеца, двѣ дочери—одна семи, другая двухъ лѣтъ. Все семейство, по оффиціальному донесенію, безъ всякаго преувеличенія, находится въ крайней нищетѣ. Приходъ о. Рапацкаго находится въ гродненской губерніи, пружанскомъ уѣздѣ, шерешевскомъ благочиніи. Тамошняя мѣстность — глуха, болотиста, вблизи Бѣловѣжской пущи; для повстанцевъ она была хорошимъ притономъ. Здѣсь они могли считать себя болѣе или менѣе безопасными отъ поисковъ русскихъ войскъ, — и вдругъ мѣстопребываніе ихъ открыто. Кто же могъ сдѣлать это, кромѣ православнаго священника? И по одному предположенію, которое, можетъ быть, еще не вѣрно, священникъ долженъ умереть, если вблизи нѣтъ, *надежной защиты*. Много ли осталось бы поляковъ, если бы ихъ вздумали вѣшать по одному подозрѣнію? Невыносимо тяжело положеніе вдовы священника! Есть бѣлорусская поговорка: „датуль попадзя княгиня, покуль попъ не сгине.“ Со смертію мужа, она становится существомъ самымъ несчастнымъ, несчастнѣе вдовы крестьянки. Къ ней теряется прежнее уваженіе въ мірѣ духовномъ; съ ней обращаются прежніе товарищы ея мужа, какъ съ женой дьячка, пономаря; въ качествѣ просфирни она бѣльмо на глазу священника. Мнѣ не разъ приходилось видѣть опыты такой быстрой перемѣны въ судьбѣ священницъ, и не разъ я благодарилъ Бога, что не сынъ священническій, иначе, можетъ быть, пришлось бы видѣть, какъ отецъ мой обратился бы спиной

къ какой нибудь бѣдной вдовѣ-священницѣ. Главное несчастіе нашихъ священницъ въ томъ, что, со смертію мужей, онѣ теряютъ все свое благосостояніе. Священники наши, по большей части, народъ бесденежный; слѣдовательно, денегъ по себѣ не оставляютъ. Все ихъ богатство въ хозяйствѣ; но у священника нѣтъ своего клочка земли, своей хаты; потому съ его смертію хозяйство его разлетается въ прахъ. Хата, земля переходятъ въ руки двугаго; вдова остается ни причемъ и должна всего ждать себѣ отъ милости людской. Пенсіоновъ ни какихъ нѣтъ. Эхъ, доля наша горемычная! Вотъ ужъ правду сказалъ мужикъ-бѣлоруссъ: „служи вѣрно а понесешь мѣрно.“ Конечно, семейство о. Рапацкаго не останется безъ призрѣнія; но я имѣю въ виду не временное пособіе, а постоянное обезпеченіе. У вдовы Рапацкой нѣтъ оканчивающаго курсъ сына, при которомъ бы она могла жить, нѣтъ дочери, за которой можно бы оставить приходъ и бѣдная женщина все-таки имѣла бы кое-какой уголокъ; у нея дѣти малъ-мала меньше, и кромѣ старшаго сына, всѣ пока требуютъ непосредственнаго ея ухода и присмотра за ними. Поэтому хорошо было бы, вмѣсто большихъ одновременныхъ пособій для священницъ собственно, которыхъ мужья гибнутъ отъ повстанцевъ, сдѣлать сборъ денегъ и изъ нихъ выдавать ежегодно извѣстную сумму не менѣе ста рублей. При готовой квартирѣ, огородѣ, просфирнической должности — это почтенная цифра въ деревнѣ. Очевидно, что требуется основать капиталъ, который можетъ увеличиваться отъ добровольныхъ приношеній, проценты съ него могутъ быть обращены на ежегодныя пособія. Такъ или иначе, обществу великорусскому еще разъ представляется случай помочь бѣдной женщинѣ. Кто еще не утомился однообразіемъ извѣстій о нашемъ краѣ, чья рука готова поддержать насъ въ трудной и не равной борьбѣ съ поляками, тѣхъ просимъ присылать свои пожертвованія по слѣдующему адресу: Въ мѣстечко Шерешево гродненской губерніи, пружанскаго уѣзда, отцу благочинному Іоанну Токаржевскому.

ВЪ ПИСЬМѢ ИЗЪ МОГИЛЕВА къ редактору „Русскаго Инвалида" сообщаютъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я помню очень хорошо, какое непонятное впечатлѣніе произвело на Петербургъ извѣстіе, что въ могилевской губерніи появились шайки польскихъ мятежниковъ. Откуда взялись польскія шайки среди губерніи великороссійской, наполненной православными крестѣянами, только что вышедшими изъ тяжелой, почти рабской панской зависимости? Чего хотѣли эти шайки и на что они разсчитывали? Таковы были вопросы петербургскихъ жителей, бывшихъ вдали отъ могилевской губерніи и не имѣвшихъ еще ясныго понятія о крестьянахъ и о тѣхъ изумительныхъ чувствахъ, которыми они воодушевлены въ настоящее время. Но если такъ думали люди, небывшіе на мѣстѣ, то можете себѣ представить изумленіе человѣка, который среди этого движенія прибылъ въ могилевскую губернію и вдругъ засталъ всѣхъ почти помѣщиковъ арестованными—кѣмъ же? своими собственными крестьянами, которымъ агитаторы судили и даровую землю, и неплатежъ податей, и братское равенство, наконецъ, дешевую водку—и все это за то только, чтобы они присягнули польскому королю и не принимали никакого участія, не присоединялись ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Посмотрѣвши на это, конечно, не явится никакого другаго чувства, кромѣ убѣжданія въ полной безсмысленности тѣхъ людей, которые, проживая столько лѣтъ съ своими крестьянами, не знали ихъ настоящаго настроенія и полагали, что такъ легко одурачить народъ, только что получившій свободу отъ правительства. Или воображали они, что тяжкая зависимость, въ которой находились до сихъ поръ крестьяне, до такой степени лишила уже крестьянъ всякаго человѣческаго смысла, что народъ пойдетъ на какую угодно приманку, какъ бы безсмысленна она ни была?

„Едва только получено было извѣстіе о варѳоломеевской ночи въ Варшавѣ, какъ Могилевъ вдругъ оживился: начались разъѣзды по городу, собранія по домахъ, живыя рѣчи на улицахъ; пѣніе гимновъ въ костелахъ усилилось; польская рѣчь сдѣлалась господствующею, а русскій языкъ сталъ почти вовсе

неслыханъ. Положеніе русскихъ было крайне затруднительно. косые взгляды, ясные намёки, гордый видъ и надменность польскаго населенія, которое впрочемъ, составляетъ значительное меньшинство по количеству, нахально преслѣдовали русскихъ и дѣлали положеніе ихъ невыносимымъ. Эта наглость продолжалась во все то время, пока формировались шайки и составлялся заговоръ въ помѣстьяхъ польскихъ пановъ, которые, по своему положенію, пользовались всѣми матеріальными выгодами, служебными преимуществами и довѣріемъ правительства. Это-тѣ люди, изъ которыхъ иные прикривались весьма блестящими мундирами, возбуждали молодежь, прельщали мелкую, грубую, тупоумную и необразованную шляхту, давали деньги, выковывали ножи, лили пули, готовили оружіе, словомъ, были самыми главными и важными лицами въ дѣлѣ мятежа. Время приготовленія было самымъ блествщимъ временемъ для здѣшняго панства. Подъ покровомъ мѣстной администраціи, состоявшей исключительно изъ однихъ поляковъ, шли приготовленія, возбужденія, широкія надежды безумныхъ пановъ, которые, совокупно съ своими женами, дочерьми и сестрами, демонстрировали на каждомъ шагу, выражая свои демонстраціи въ самыхъ пошлыхъ и надменныхъ проявленіяхъ противъ тѣхъ немногихъ лицъ мѣстной администраціи, которыя пробовали-бы останавливать разныя выходки.

„Это было временемъ, когда отуманеніе головъ довело нѣкоторыхъ лицъ до самозабвенія. Нафанатизированныя женщины благословляли своихъ сыновей, бывшихъ въ русской службѣ, и отправляли ихъ въ шайки; жены отправляли своихъ мужей, а сестры братьевъ. И все это дѣлалось среди русскаго населенія, непоколебимо преданнаго правительству. Не безуміе ли было— искать Польши среди Россіи и явно возставать противъ народа, среди его силы и могущества? Но панство и шляхетство ничего не хотѣло видѣть, ничего не понимало и воображало себя уже властелиномъ цѣлаго края. Въ могилевскую губернію (воеводство) были уже назначены и гражданскій и военный начальники.

„Въ это время огромная масса русскаго православнаго народа, населяющаго могилевскую губернію въ числѣ 373,237 че-

ловѣкъ мужчинъ *), все видѣла, многое знала, но не знала только одного: какъ взяться за дѣло; а объяснить этого ему никто не могъ.

„Народъ зналъ, что правительство дало ему свободу, но зналъ, въ то же время, что онъ обязанъ повиноваться помѣщику; опредѣлить же границу, гдѣ повиновеніе помѣщику влечетъ за собою преступленіе противъ правительства, онъ самъ не могъ; ему нужно было указать; а указателями часто являлись или становой приставъ, посылавшій въ шайку своихъ родственниковъ, или мировой посредникъ, самъ формировавшій шайку, какъ это здѣсь и было.

„Когда увидѣли, что играющіе въ заговоръ, несмотря на все безразсудство своихъ плановъ, непрочь отъ попытки осуществить ихъ, когда увидѣли, что вся администрація, не исключая мировыхъ посредниковъ, запятнала себя самою чорною измѣною, рѣшено было смѣнить всѣхъ лицъ, какъ уже явно скомпрометтировавшихъ себя и невнушающихъ себѣ довѣрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было внушеніе для крестьянъ, которые, увидѣвъ, что паны ихъ перешли отъ слова къ дѣлу, озлобились страшнымъ образомъ и могли весьма круто повернуть дѣло въ другую сторону. Назначенные губернаторомъ чиновники бросились по волостямъ всей губерніи и начали объяснять крестьянамъ, что, несмотря ни на какія дѣйствія пановъ, правительство не потерпитъ самоуправства. Самое большое, чего оно желаетъ отъ крестьянъ — это то, чтобы они, продолжая отбывать свои законные повинности, не скрывали мятежниковъ и, арестовывая подозрительныхъ лицъ, безъ всякаго насилія, представляли ихъ къ начальству. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы потушить мятежъ окончательно.

„—Отчего намъ не говорили этого ранѣе? А то ничего и не было бы“, говорили вездѣ крестьяне. „Мы представили бы давно всѣхъ мятежниковъ въ Могилевъ, и некому было бы бунтовать“.

---

*) Всего жителей въ губерніи мужчинъ 451,18 чел., въ томъ числѣ евреевъ 58,900 человѣкъ.

„И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней почти всѣ подозрительные помѣщики, управляющіе, экономы, даже нѣкоторые изъ дворовыхъ людей, были арестованы и представлены въ Могилевъ. Замѣтьте при томъ, что устроенная хорошо полиція не могла бы арестовать лучше и деликатнѣе. Противная сторона обвиняетъ крестьянъ въ насиліи, грабежѣ и т. п. Но все это вздоръ и гнуснѣйшая клевета. Никакого насилія, ни малѣйшаго грабежа. Даже бывшія съ арестованными лицами деньги, отъ самыхъ большихъ суммъ до рублевыхъ бумажекъ, были представлены губернатору тѣми крестьянами, которые, ведя издалека своихъ пановъ, не имѣли на что купить хлѣба. Если можно указать-то лишь на одинъ случай во всей губерніи; но здѣсь виновенъ отставной солдатъ, сдѣлавшій преступленіе въ пьяномъ видѣ, а не временно-обязанный пану крестьянинъ.

„Въ этотъ періодъ времени высказался въ яркомъ видѣ духъ крестьянъ и ихъ горячая преданность Государю. Только будучи свидѣтелемъ этихъ происшествій на мѣстѣ, можно видѣть и судить о томъ, какъ тяжела была для здѣшняго крестьянина крѣпостная панская зависимость. Какъ довольны и рады были крестьяне, что имъ удалось чѣмъ-нибудь отслужить за *волю*, не видавъ, нельзя себѣ представить.

„—Вѣкъ не забудемъ, что для насъ сдѣлалъ Государь, говорятъ повсемѣстно крестьяне.—Теперь душа—Бога, а тѣло—мое; а прежде панъ и душу погубитъ, да и шкуру сдеретъ; теперь я знаю, что я—человѣкъ, а не бездушная скотина!

„Несмотря на полную неудачу своихъ безумныхъ попытокъ, не смотря на смѣшную сторону своего недавняго донкихотства и свое безсиліе, женщины и арестованные, значительно повѣсивъ головы, не теряли, однако, какихъ-то надеждъ, или, лучше сказать, ждали пощады и вѣрили въ безнаказанность совершенныхъ злодѣйствъ. Они все еще разсчитывали, что ихъ выпустятъ вновъ и дадутъ имъ всѣ средства снова точить ножи и крамольствовать. Здѣсь же случилось повѣрить мнѣ подлинность „польскаго катехизиса“, за опубликованіе котораго всѣ русскіе говорятъ искреннее спасибо.

„Вслѣдъ за недавнею надменностью началось самоуниженіе.

Когда совершилась казнь четверыхъ преступниковъ, то физіономія пановъ опять переменилась, и начались самыя жалобныя просьбы и увѣренія, что никто ни въ чемъ невиноватъ, что всѣ взяты или по ошибкѣ, или по злобѣ крестьянъ. Выраженія лицъ, пріемы и самыя унизительныя формы прошеній, словесныхъ и письменныхъ, видимо подтверждали воспитаніе просителей и просительницъ въ польскомъ катехизисѣ.

„Въ Минской губерніи, до послѣдняго времени, оставалась вся администрація изъ поляковъ: становыя пристава, исправники, волостные писаря—все были поляки. Въ то время, какъ въ могилевской губерніи крестьяне арестовали своихъ помѣщиковъ, земскія власти въ минской губерніи увѣряли крестьянъ, что Государь велѣлъ строжайшимъ образомъ наказать могилевскихъ крестьянъ за то, что они арестовали своихъ помѣщиковъ. Въ то время, какъ крестьяне могилевской губерніи ловили разбѣгавшихся въ разныя стороны людей изъ бывшихъ шаекъ, земскіе власти минской губерніи посылали своихъ родныхъ въ шайки, снабжали шайки припасами и увѣдомляли ихъ о движеніяхъ нашихъ отрядовъ“.

— **Сужденіе г. Палацкаго о польскомъ вопросѣ**—*) Имя г. Палацкаго, конечно, болѣе извѣстно у насъ, чѣмъ имя какого бы то ни было другаго славянскаго дѣятеля за-границею. Онъ занимаетъ, въ настоящее время, безспорно, первое мѣсто между представителями славянской народности въ Австріи. Чешскій народъ единогласно признаетъ его своимъ политическимъ главою. Какъ исторіографъ Чехіи, онъ оказалъ своему отечеству и всему славянству громадную услугу. Тѣмъ любопытнѣе для насъ услышать заявленіе такого человѣка о польскомъ возстаніи. Тѣмъ важнѣе это заявленіе для самихъ западныхъ славянъ, которые привыкли слышать отъ г. Палацкаго голосъ исторической истины и политическаго опыта. Особенно кстати приходится письмо чешскаго исторіографа въ настоящее время, когда вся чешская журналистика, въ какомъ-то странномъ порывѣ раболѣпства предъ „либе-

*) Извлечено изъ «Рус. Инв.»

рализмомъ“ польскихъ идей, сдѣлалась безсмысленнымъ отголоскомъ органовъ польской революціонной и іезуитской партіи, и можно было опасаться, что вліяніе ея затмитъ въ самомъ чешскомъ народѣ здравый взглядъ на дѣло, столь важное для всего славянства. Въ этомъ-то отношеніи мы придаемъ особенное значеніе настоящему письму г. Палацкаго. Оно напечатано въ газетѣ „Narodni Listy“ 9-го іюня. Мы передаемъ его, оставляя безъ измѣненія даже тѣ выраженія (напримѣръ, о русскомъ „царизмѣ“), которыхъ можно было ожидать скорѣе отъ нѣмецкаго или французскаго памфлета, нежели отъ произведенія историографа славянскаго. Эти выраженія, какъ-то случайно, изъ западной „либеральной“ прессы попали въ рѣчь г. Палацкаго, и никто изъ нашихъ читателей, конечно, не придастъ имъ излишняго значенія. И такъ, вотъ письмо г. Палацкаго. Оно озаглавлено: „Отвѣтъ Болеславану“ [2]):

„Болеславанъ, въ послѣднемъ номерѣ, отъ 5-го мая (опечатка, вмѣсто 5 го іюня), въ передовой статьѣ, помѣщенной въ формѣ корреспонденціи изъ Праги, отъ 1-го іюня, сообщаетъ мой образъ мысли о польскомъ вопросѣ, выраженный, будто бы мною, въ частномъ разговорѣ съ однимъ депутатомъ чешскаго сейма, слѣдующими словами, *„вы даже не понимаете, до какой „степени симпатіи, проявляемыя къ полякамъ, вредятъ намъ „въ Петербургѣ; я вижу спасеніе славянства лишь въ русскомъ „царѣ. Не вѣрю, чтобы поляки могли побѣдить въ нынѣшнемъ „возстаніи; если же это случится, то это будетъ нашимъ „величайшимъ несчастіемъ“*.

„Я полагалъ, что мой образъ мыслей и моя личная дѣятельность слишкомъ долго находятся предъ глазами народа, для того, чтобы можно было представлять ихъ въ такомъ свѣтѣ. Я надѣялся, что къ тѣмъ безчисленнымъ нападкамъ на мою личность, которыя съ 1848, а въ особенности съ 1861 года, вошли, такъ сказать, въ ежедневной обычай во всѣхъ почти нѣмецкихъ газетахъ, а отчасти и въ правительственныхъ органахъ на

[1]) **«Болеславанъ»**—названіе чешской газеты, издающейся въ городѣ Млада Болеславъ или понѣмецки Юнгбунцлау.

чешскомъ языкѣ, не присоединится изданіе, обѣщавшее служить всецѣло либеральнымъ идеямъ и дѣлу народности; однако, это случилось, и безъ всякаго повода съ моей стороны.

„Вопервыхъ, дѣло извѣстное, что я во всю свою жизнь никогда не имѣлъ обыкновенія устраивать и видоизмѣнять свои политическія мнѣнія и взгляды, согласно впечатлѣнію, которое они могли бы произвести въ какой бы то ни было столицѣ, славянской, нѣмецкой или римской, а потому самому также въ столицѣ русской или же австрійской.

„Я никогда не помышлялъ о томъ, чтобы видѣть спасеніе славянства въ русскомъ царѣ. Я всегда признавалъ спасеніе славянства въ самомъ славянствѣ, въ началахъ и правахъ, прирожденныхъ ему, но, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, еще недостигшихъ полнаго развитія, а потому самому и значенія.

„Первоначальная основа древне-славянской демократіи и свободы мнѣ, я надѣюсь, даже лучше извѣстна, чѣмъ „Болеславану„. Онъ усматриваетъ въ русскомъ царѣ, какъ онъ выражается, „главнаго угнетателя свободы„. Я не принимаю на себя призваніе писать какую нибудь похвалу „царизму“, въ которомъ, я знаю, съ послѣднія столѣтія произошла какая-то амальгама правительственныхъ началъ монгольскихъ съ нѣмецкими. Но я думаю, что государь, который еще недавно, не взирая на безчисленныя затрудненія и препоны, возвратилъ двадцати слишкомъ милліонамъ своихъ подданныхъ человѣческія права, коихъ они были несправедливо лишены, что такой государь не есть угнетатель, а, напротивъ того, освободитель своего народа. И если мы поставимъ такое дѣло въ паралель съ либеральными, конечно, словами „Болеславана“, ибо сей послѣдній, по своей юности, не могъ покуда засвидѣтельствовать своего либерализма иначе, какъ одними только либеральными фразами, то это дѣло, по своему значенію, я думаю, по крайнѣй мѣрѣ не уступитъ заслугамъ „Болеславана„ Впрочемъ, я не вызываюсь защищать дѣйствія теперешняго русскаго правительства, въ которыхъ я желалъ бы въ особенности, видѣть большую послѣдовательность.

„Совершенная правда, что я считаю нынѣшнее польское возстаніе за великое несчастіе, нетолько для насъ (чеховъ), но въ особенности для поляковъ. Полагаю, что въ этомъ согласны со мною всѣ разсудительные люди, нетолько между нами, но даже въ самой Польшѣ. Лишь революціонеры по инстинкту, да враги славянства, и затѣмъ люди, которые, не имѣя самостоятельнаго сужденія и собственнаго смысла, даютъ себя вести ихъ органамъ, могутъ радоваться нынѣшнимъ событіемъ въ Польшѣ.

„Конечно, независимо отъ этого голоса разсудка, въ каждомъ благородномъ сердцѣ слышится голосъ состраданія, и даже уваженія ко всѣмъ тѣмъ, которые, будучи увлечены въ роковую борьбу неодолимою необходимостью, или давшися въ обманъ, но, тѣмъ неменѣе, искреннимъ чувствомъ патріотизма, жертвуютъ своими силами, имуществомъ и жизнію. Я бы желалъ однако, чтобы „Болеславанъ" назвалъ мнѣ того поляка, хотя бы то былъ и какой-либо вождь „повстанцевъ", который ласкалъ бы себя надеждою, что поляки собственными силами, безъ чужой помощи, наконецъ одолѣютъ русскія войска.

„Извѣстно всему міру (хотя я никакъ не хочу отрицать удальства и мужества поляковъ въ битвахъ), что большая часть разглашаемыхъ по Европѣ польскихъ побѣдъ существуетъ единственно въ газетахъ, проистекая просто изъ дипломатическихъ соображеній и разсчетовъ. И положимъ теперь, что, по желанію „Болеславана" и всѣхъ его приверженцевъ, вся Европа устремится на помощь полякамъ, и что они тогда освободятся, наконецъ, отъ русской власти: что же, будутъ ли они затѣмъ дѣйствительно самостоятельны? Я думаю, что у нихъ будетъ тогда столько господъ, сколько было помощниковъ, если небольше.

„Время, въ которое моглибы создаваться и удерживаться государства второстепенныя или третьестепенныя, съ полною независимостью и самостоятельностью, вслѣдствіе возрастающаго ежегодно всемірнаго объединенія, прошло навѣки, по крайней мѣрѣ въ Европѣ. Уже и мы дожили до того, что и въ самой Европѣ способны имѣть политику совершенно самостоятельную, руководствующуюся единственно своими собственными интересами, только державы міровыя, каковы Англія и Россія, и что другія

государства, хотя и самыя могущественныя, принуждены принимать въ разсчетъ направленіе этихъ державъ и съ нимъ сообразаться. Великій мастеръ, что на Сенѣ, является также дилетантомъ всемірной политики, но съ небольшимъ до сихъ поръ успѣхомъ; да и онъ, какъ извѣстно, не отваживается предпринимать ничего значительнаго безъ дозволенія Англіи, и ничего, стало быть, противъ ея воли.

„Первая міровая держава нашего времени есть, безспорно, Англія. Но она, до нѣкоторой степени, имѣетъ характеръ искуственнаго созданія; она стоитъ уже на высшей степени своего развитія, ея могущество и сила подлежатъ измѣненію и исчисленію, и недавно оказалось, что ея дѣйствіе на материкъ Европы не можетъ быть такимъ прямымъ и непосредственнымъ и рѣшительнымъ, какъ она сама, я полагаю, этого бы желала. Напротивъ того, Россія есть держава, опирающаяся на природныхъ основахъ, еще недостаточно развитыхъ, но способныхъ къ безконечному развитію и процвѣтанію; тѣломъ своимъ она прямо прилегаетъ къ Европѣ. Какъ величина неизмѣримая (incommensurable) [1], эта держава, по тому самому, способна устрашить, въ нѣкоторой степени, умы нетолько народовъ, но и самыхъ дипломатовъ. Вслѣдствіе этого, я не отрицаю, что къ двумъ упомянутымъ мною категоріямъ людей, которые радуются польскому возстанію, т. е. революціонерамъ по инстинкту и врагамъ славянства, можетъ присоединяться, и дѣйствительно присоединяется, третья категорія, имѣющая великое вліяніе: именно — страхъ предъ возрастающею силою Россіи, въ особенности при ея самодержавномъ правленіи; отсюда проистекаетъ и усиліе, возбуждаемое уже въ большей части Европы воздвигнуть какую-нибудь преграду противъ грозящей опасности, хотя бы то было и возстановленное государство польское. Но достовѣрно то, что если Польша будетъ возстановлена этимъ способомъ, то хозяйничать въ ней будутъ ея возстановители, и она сдѣлается кровавымъ поприщемъ войны, хуже тридцатилѣтней, изъ которой выйдетъ еще болѣе опустошенною и разгромленною, нежели это было съ нашимъ отечествомъ послѣ тридцатилѣтней

[1]) Г. Палацкій вставилъ въ чешскій текстъ своего письма это французское слово.

войны. Ибо ни одинъ человѣкъ со смысломъ не можетъ таить отъ себя, что если когда-либо въ такой войнѣ настанетъ дѣйствительная опасность для русскаго народа и государства, то въ немъ не будетъ несогласія между царемъ и его подданными, что явятся новые Минины и Пожарскіе и устоятъ долѣе въ такой борбѣ, чѣмъ геройскіе *паны-добродзѣи*.

„Между тѣмъ, поляки, опираясь, волею или неволею, на западные народы, и въ особенности на нѣмцевъ, не будутъ въ состояніи отклонять требованія, съ ихъ стороны, разныхъ уступокъ и, при всемъ сочувствіи своемъ къ славянскимъ народамъ (хотя они до сихъ поръ весьма мало доказывали такое сочувствіе), принуждены будутъ предать ихъ произволу запада.

„Я невольно пустился слишкомъ далеко въ сферу высшей политики, и все-таки не успѣлъ коснуться всѣхъ, даже важнѣйшихъ, причинъ, по которымъ считаю нынѣшнюю борьбу поляковъ безнадежною, а потому въ высшей степени вредною и прискорбною. Слѣдовало бы написать цѣлую книгу, чтобы основательно изложить все это, а на то у меня нѣтъ ни времени, ни охоты и призванія".

НАПАДЕНІЕ НА М. РАДЗИВИЛОВЪ.

Незнакомый вовсе съ военнымъ дѣломъ, а между тѣмъ поставленный въ необходимость быть свидѣтелемъ вторженія польскихъ мятежниковъ въ м. Радзиловъ, я беру смѣлость сообщить то, чего я былъ очевидцемъ. Не имѣя претензій на ловкость авторства, излагаю просто, что видѣлъ самъ или что знаю достовѣрено.

Еще въ послѣднихъ числахъ января сего 1863 года г. начальникомъ радзивиловскаго таможеннаго округа получено было извѣстіе, что 2 февраля мятежныя шайки намѣрены напасть на Радзивиловъ и ограбить таможню. Съ того времени почти каждый день или ночь получались подобныя извѣстія, что и заставляло находившійся въ м. Радзивиловѣ отрядъ нашего войска быть всегда въ готовности, усиливая по ночамъ пограничные разъѣзды.

Ночью же съ 18 на 19 іюня, разъѣздъ далъ знать, что мятежники перешли границу верстахъ въ 5-ти отъ Радзивилова. По-

лучивъ это извѣстіе, начальникъ таможеннаго округа генералъ Крейтеръ тотчасъ отдалъ приказаніе собраться всѣмъ войскамъ и чиновникамъ къ таможнѣ, и къ четыремъ часамъ ночи всѣ были собраны. Но, какъ инсургенты не безъ доброжелателей, давшихъ имъ знать, что войска всегда собираются у таможни и что самое положеніе таможни для защищающихся очень выгодно, то они избрали другой пунктъ для нападенія на Радзивиловъ, который и послужилъ болѣе ихъ гибели.

Начальникъ округа, пробывъ въ таможнѣ часа два и видя, что нападенія нѣтъ, полагая, что мятежники прошли мимо Радзивилова, а потому войско и чиновниковъ распустилъ, оставивъ только часовыхъ и дежурнаго. Не прошло и двухъ часовъ, послѣ этого, какъ получено извѣстіе, что поляки уже подходятъ къ мѣстечку. Было около шести часовъ утра.

Не зная съ какой стороны будетъ нападеніе, войско не знало, гдѣ осредоточиться (ибо непріятель оказался съ двухъ сторонъ: изъ-за таможни и отъ села Батькова), 2-я и 4-я роты минскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Полишука, находясь въ это время въ концѣ почаевской улицы (эта улица около версты длиною), видѣли, что отъ с. Батькова подходитъ какое то войско; не могли различить ясно, полагали, что это возвращаются наши изъ Почаева. Въ то же время получено донесеніе, что мятежники показались со стороны д. Бугаевки, почему генералъ приказалъ штабсъ-капитану Полишуку изъ почаевской улицы поспѣшить на липовую улицу.

Штабсъ-капитанъ Полишукъ, дойдя до костела и встрѣтивъ здѣсь генерала, доложилъ, что если изъ Почаева не наши возвращаются, то вѣроятно мятежники, и что они теперь должны быть уже на почаевской улицѣ; генералъ опять его возвратилъ назадъ. Приближаясь къ базарной площади и видя, что мятежная шайка подходитъ уже къ базару, но, за евреями, столпившимися между нашимъ войскомъ и входящимъ, онъ все таки еще не могъ распознать, что за родъ войска входитъ въ мѣстечко; но когда предводитель входящаго войска (въ послѣдствіи оказалось, что это былъ ихъ полковникъ Городынскій), поднявъ саблю, скомандовалъ: „*панове! до брони, място наше!!!*,“ тогда штабсъ-ка-

питанъ Полошукъ не могъ болѣе сомнѣваться, что за гости, и, крикнувъ; „евреи, раздайсь!“, открылъ пальбу. Конница мятежническая тотъ-часъ показала тылъ, а Городынскій прилегъ къ землѣ, съ которой уже не подымался....

Перестрѣлка продолжалась не долго: поляки разбѣжались куда кто могъ—по огородамъ, домамъ, по за-лавки; а подоспѣвшій взводъ драгунъ до того увеличилъ страхъ ихъ, что они бросались въ рѣку, не смотря на раны и, войдя по шею въ воду, просидѣли тамъ до конца сраженія—часовъ шесть, а другіе и болѣе, а многіе и потонули. Въ теченіи четырехъ дней постоянно находили по нѣсколько труповъ въ рѣкѣ. Такъ было съ первою шайкою, по разбитіи которой, почти всѣ находившіеся въ битвѣ войска сосредоточились въ концѣ почаевской улицы, гдѣ генералъ и офицеры посовѣтовались, что дѣлать на случай новаго нападенія.

Не смотря на то, что шайка была прогнана, въ улицѣ еще слышались выстрѣлы. Они происходили изъ домовъ, въ которыхъ засѣли мятежники, но таковыхъ было не много; солдаты тотъ-часъ разсыпались по домамъ и, найдя ихъ тамъ, убивали. Изъ дома одного еврея данъ былъ выстрѣлъ въ штабсъ-капитана Федорова, по счастію мимо. Г. Федоровъ тотчасъ вскочилъ въ домъ, изъ котораго былъ выстрѣлъ, но въ немъ, кромѣ жида хозяина, никого ни нашелъ. На вопросъ, гдѣ полякъ?, жидъ не отвѣчалъ, пока г. Федоровъ не приставилъ къ его груди пистолета, тогда жидъ трепетно указалъ на шкафъ. Въ шкафѣ дѣйствительно былъ спрятанъ мятежникъ, котораго г. Федоровъ приказалъ вытащить въ сѣни и тамъ съ нимъ раздѣлаться.

Изъ евреевъ нечаянно убитъ одинъ, а двое другихъ и еврейка ранены. Не зная о предстоящемъ несчастіи, еврей Троцкій, по обыкновенію, пошелъ купаться; но когда началась перестрѣлка, онъ поспѣшилъ домой, но мятежники бросились въ то мѣсто, гдѣ купальня, пули полетѣли за ними и одна изъ нихъ попала въ упомянутаго еврея.

Не успѣли сбыть первую шайку, какъ изъ д. Левятинъ (деревня Левятинъ отъ Радзивилова отдѣляется небольшою плотиною) показалась другая, еще сильнѣе первой, и уже взошла на плотину; но держаться долго не могла; мѣткіе выстрѣлы нашихъ

солдатъ заставили ее отступить. — Съ этой бандой перестрѣлка продолжалась до часу по полудни. Съ разбитіемъ ея битва не возобновлялась, и поляки разбѣжались въ обычное свое мѣсто до *лясу*.

По прекращеніи перестрѣлки, или лучше сраженія, генералъ съ офицерами, къ коимъ примкнулъ и я, объѣхали поле битвы, и едва только возвратились, какъ мужики подвели 11 человѣкъ пѣшихъ, которыхъ они вытащили изъ воды; между ними были и раненые. Среди ожесточенныхъ восклицаній солдатъ, ихъ отвели въ тюрьму.

На завтра, т. е. 20 іюня, я посѣщалъ плѣнныхъ, которыхъ было уже 63, всѣ пойманные мужиками;—плѣнные были веселы, потому что съ ними обходились ласково, накормили, обогрѣли: ибо день битвы былъ дождливый и довольно холодный, и при томъ они еще по нѣсколько часовъ просидѣли въ водѣ.—Между плѣнными были не только дѣти помѣщиковъ, но и графовъ. Всѣ они говорили, что пошли по принужденію. „Меня бы убили, сказалъ одинъ графчикъ, если бы я не пошелъ." А въ сраженіи, спросилъ я, не убьютъ? „Э! въ сраженіи, отвѣчалъ онъ, изъ сраженія я надѣялся уйти." Онъ дѣйствительно такъ и поступилъ; при первыхъ выстрѣлахъ ушелъ и спрятался въ воду, гдѣ и пробылъ, покуда мужики не нашли его. Стойкіе вояки—нечего сказать!

Всѣхъ плѣнныхъ взято крестьянами— 73 челов., солдатамь— 7, всего 80 челов., Кромѣ того крестьяне еще доставляли въ Почаевъ и Кременецъ: ибо шайка разбѣжалась по всему пространству между Радзивилогомъ, Почаевомъ, Вишневцемъ и далѣе, верстъ на 50. Путь, по которому они пробирались въ Радзивиловъ былъ не прямъ, и, какъ, выше сказалъ, послужилъ къ ихъ погибели: идя чрезъ с. Батьковъ, они не знали, что чрезъ д. Левятинъ до границы 3 версты; по разбитіи они бросились опять на Батьковъ, а крестьяне, вмѣсто того, чтобы показывать имъ дорогу, ловили ихъ—чемъ еще болѣе смѣшали.

Мятежники въ этомъ дѣлѣ потеряли убитыми 63 челов.; [1]) раненыхъ 14 челов., изъ которыхъ 2 умерло; съ нашей стороны

---

[1]) Похоронены въ Радзивиловѣ, на Леватинѣ и за Леватиномъ, еще до 8 человѣкъ вынули изъ рѣки утонувшихъ.

убито 7; ранено 22 челов., изъ которыхъ 4 умерло; а остальные будутъ живы и здоровы, когда я на другой день послѣ сраженія посѣщалъ ихъ, то они были на столько бодрые и веселы, что готовы опять въ сраженіе, хотя раны ихъ были и велики. Докторъ увѣрялъ, что чрезъ три недѣли они будутъ совершенно здоровы, дай Богъ!—Теперь больные наши въ Кременцѣ, а мятежническіе въ Дубнѣ. Между ранеными и плѣнными были 14 лѣтніе мальчики.

Въ числѣ убитыхъ былъ и ихъ начальникъ, называемый полковникомъ, Городыньскій и два младшіе. Главнымъ же ихъ начальникомъ былъ-Высоцкій. Кромѣ Городыньскаго, крѣпко раненъ былъ другой ихъ начальникъ,-по фамиліи неизвѣстный, котораго они успѣли однако увести въ Броды, гдѣ онъ и умеръ.—По разсказамъ нашихъ чиновниковъ, бывшихъ въ Бродахъ, похороны были великолѣпные: гробъ несли мужчины изъ знатныхъ фамилій, имъ ассистировали 18 дѣвушекъ, въ траурной одеждѣ; для нихъ прикрѣплены были 18 длинныхъ черныхъ съ бѣлыми лентъ, за которыя онѣ держались, и какъ будто поддерживали гробъ.—Высоцкій говорятъ смѣненъ.

Сколько убитыхъ и раненыхъ было увезено мятежниками-не извѣстно, но говорятъ, что поляки въ этомъ дѣлѣ потеряли болѣе 300 человѣкъ.—Они имѣли съ собой повозки, и тотъ-часъ раненыхъ и убитыхъ забрали;—одну такую повозку успѣли у нихъ отнять.

Малое число войскъ нашихъ не позволило преслѣдовать ихъ; у насъ въ то время было двѣ роты минскаго полка по 140 челов., первый эскадронъ драгунъ каргопольскаго полка 150 челов., изъ роты пограничныхъ и рекрутъ участвовало 90 челов. и объѣздчиковъ до 80 челов.; всего до 600 человѣкъ, кои, конечно, всѣ участвовать не могли, ибо занимали караулы и разъѣзды. Мятежниковъ находилось въ обѣихъ шайкахъ 2250.

Въ числѣ нашихъ убитыхъ одинъ унтеръ-офицеръ и два рекрута; одному юнкеру прострѣлили воротникъ шинели, а офицеру пограничной стражи пробили рукавъ и легко зацѣпили также пулею по шеѣ его лошади,—да одному кавалерійскому офицеру разбила пуля козырекъ на его шапкѣ.

Мятежники вооружены были штуцерами, револьверами и косами, а нѣкоторые пиками. Число отбитаго оружія опредѣлить

трудно; ибо много штуцеровъ и пистолетовъ осталось въ частныхъ рукахъ. Отбитымъ оружіемъ вооружены теперь наши ратники. Штуцера у инсургентовъ тяжелѣе нашихъ и короче, штыки шире и длиннѣе, и остры съ одной только стороны—такъ, что ими можно дѣйствовать-какъ саблей.

Крестьяне съ особеннымъ усердіемъ слѣдятъ за бродягами.—Крестьянами с. Опарипса (сей часъ за таможнею) отобранъ былъ значекъ;—одна его половина бѣлая, а другая-красная.

Мацуевъ.

Въ „Ostsee Zeitung“ напечатано слѣдующее:

„Терроризмъ, которымъ національное польское правительство исключительно поддерживаетъ свое вліяніе, возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Въ прежнее время, кровавые приговоры тайнаго трибунала касались только тѣхъ лицъ, которыя или извѣстны были своею преданностью интересамъ Россіи, или оказали русскому правительству какія либо важныя услуги. Нынѣ революціонные трибуналы существуютъ повсюду; всѣ тѣ, которые открыто или тайно обвиняются въ сочувствіи русскому правительству, или отказываются, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, отъ участія въ возстаніи, подлежатъ вѣдѣнію такъ-называемаго тайнаго судилища. Смертный приговоръ революціоннаго трибунала, основанный на одномъ голословномъ показаніи, при чемъ у обвиненнаго отнята возможность оправдываться и приводить что либо въ свою защиту, исполняется палачами національнаго правительства, такъ-называемыми „національными жиндармами“; они слѣдятъ за тѣми, которые преданы на жертву мести, доколѣ не найдутъ удобнаго времени выполнить предписанное ими убійство съ полной для себя лично безопасностью. Число несчастныхъ, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ народонаселенія и падающихъ ежедневно подъ ударами кинжала этихъ жандармовъ, несравненно значительнѣе, чѣмъ полагаютъ. Въ пограничныхъ округахъ Пруссіи, гдѣ возстаніе, судя по количеству волонтеровъ, встрѣтило наиболѣе сочувствія, не найдется ни одной хижины, какъ бы бѣдна она ни была, въ которой не оплакивали бы одну или нѣсколько жертвъ революціонной мести. Во многихъ

деревняхъ число убитыхъ по приговору революціоннаго трибунала простирается отъ пяти до десяти человѣкъ. Въ лѣсахъ прусскихъ провинцій часто попадаются повѣшенные, мужчины и женщины; при нихъ находится приговоръ національнаго правительства. Даже прусскіе подданные погибли на самой территоріи Пруссіи подъ ударами эмиссаровъ національнаго правительства, исполнявшими смертный приговоръ этого правительства. Что же говоритъ польская пресса о всѣхъ этихъ ужасахъ? Она или умалчиваетъ о нихъ, или же ихъ оправдываетъ! Въ тоже самое время, она не перестаетъ кричать на всю Европу о жестокости русскихъ, когда какой либо предводитель мятежной шайки или ксендзъ, подстрекавшій крестьянъ къ возстанію возмутительными проповѣдями или побуждавшій мятежниковъ нападать на русскія войска, казненъ по приговору военнаго суда. Справедливо то, что подобный порядокъ вещей заслуживаетъ сожалѣнія; но оно не можетъ распространяться на инсургентовъ, которые сами начали дѣйствовать такимъ образомъ и побудили къ тому же самому русскихъ. Впрочемъ, было бы ошибочно предполагать, что терроризмъ національнаго правительства вообще одобряется или извиняется поляками. Я знаю нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые одушевлены чувствами истиннаго патріотизма, и краснѣютъ при мысли, что правительство, взявшееся защищать дѣло польскаго возстанія, можетъ поддерживать свою эфемерную властъ только убійствомъ и казнію собственныхъ своихъ согражданъ".

— Корреспондетъ „Times" изъ Бродъ отъ 6-го іюля сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности эпизодовъ послѣдняго польскаго вторженія въ Волынь. „При всемъ моемъ удивленіи,— пишетъ онъ—къ Лангевичамъ, Франковскимъ, Нарбутамъ, Подлевскимъ и многимъ другимъ воинамъ, придавшимъ блескъ польскому возстанію и находящимся теперь большею частью въ заточеніи или могилѣ, я не могу, однакожъ, скрыть того, что въ рядахъ польскихъ мятежниковъ есть одинъ классъ людей, которымъ я никакъ не могу сочувствовать. Это—люди и мальчики, которые такъ же относятся къ инсургентамъ патріотамъ возстанія, какъ парни, вступающіе въ регулярную армію, ради одного

мундира, относятся къ настоящимъ войнамъ. Болѣе шести недѣль уже толкаются они по улицамъ и кофейнямъ Кракова и Лемберга, говорятъ громче всѣхъ, важничаютъ своими мундирами, длинными сапогами, и съ самымъ воинственнымъ видомъ хвалятся всякаго рода подвигами, которые они намѣрены совершить, но еще не совершили. Для нихъ открыты двери домовъ, въ которые въ другое время ихъ бы и не пустили; имъ стоитъ только сказать, что они идутъ въ кавалерію, чтобы получить въ свое распоряженіе превосходныхъ лошадей, словомъ — малѣйшій намекъ на нужду въ чемъ нибудь, сейчасъ же удовлетворяется со всѣхъ сторонъ. Къ тому же имъ позволено оказывать, и также получать, особенное вниманіе отъ женщинъ, такъ какъ польскія дамы считаютъ патріотизмъ—первѣйшею добродѣтелью, и не подозрѣваютъ, что эти „господа въ сапогахъ“ (ces messieurs bottés), какъ часто здѣсь ихъ называютъ, умѣютъ только граціозно блуждать вдоль австрійской границы, на благородной дистанціи одной мили отъ мѣста дѣйствія. На утро послѣ дня вторженія въ Волынь (все дѣло окончилось къ 2-мъ часамъ утра), одинъ польскій джентльменъ,—который не можетъ служить польскому дѣлу въ полѣ, но который оказалъ уже ему огромныя услуги въ другихъ отношеніяхъ—въ моемъ присутствіи арестовалъ болѣе 20 этихъ милыхъ патріотовъ, бѣжавшихъ изъ арріегарда отряда Высоцкаго къ галиційской границѣ. Они не имѣли ни малѣйшаго понятія объ этомъ господинѣ, который угрожалъ имъ выдачею національному правительству, записалъ ихъ имена, продолжая арестовать вновь прибывшихъ бѣглецовъ, дѣлалъ все это съ такимъ тономъ самоувѣренности и власти, что когда онъ приказалъ имъ сформироваться и вновь идти въ ближайшій лѣсъ, по правую сторону дороги на Радзивилловъ, то эта кучка вооруженныхъ людей безпрекословно повиновалась своему безоружному и неизвѣстному начальнику, и какъ стадо овецъ направилась къ засадѣ, откуда могла, съ вновь прибывшими 80-ю людьми, встрѣтить непріятеля огнемъ. Одинъ изъ этихъ героевъ увѣрялъ меня, что онъ положилъ одного русскаго выстрѣломъ на 500 шагахъ, и я вполнѣ вѣрю, если только онъ дѣйствительно стрѣлялъ, что дистанція была значительная. Между бѣглецами преобладало мнѣніе, что

Высоцкій встрѣтился съ отрядомъ русскихъ въ 6,000 человѣкъ (у страха глаза велики, говоритъ руская пословица, которая, вѣроятно, есть и въ числѣ польскихъ пословицъ, замѣчаетъ корреспондентъ), и я увѣренъ, эти господа воображаютъ, будто они совершили громадный подвигъ, и достойно отплатили за свою двухъ-или трехъ-мѣсячную военную славу, взятую въ кредитъ, на прокатъ, тѣмъ, что оставались въ виду непріятеля около 5 минутъ. Одинъ изъ героевъ этихъ вдругъ исчезъ съ поля битвы; полагали, что онъ смертельно раненъ, но оказалось, что онъ только бѣжалъ слишкомъ скоро. Другой приказалъ себя перевезти въ госпиталь, въ Бродахъ, откуда лекарь съ позоромъ выгналъ его, не найдя на его тучномъ тѣлѣ никакого признака раны. Словомъ, сбродъ шаекъ, совершившихъ вторженіе на Волынь, былъ самаго подозрительнаго и ненадежнаго характера. Одинъ изъ капитановъ Высоцкаго, лежавшій въ госпиталѣ, въ Бродахъ, съ пулею въ ногѣ, говорилъ мнѣ: „я полагалъ, что найду здѣсь людей того же разбора, какихъ я встрѣчалъ въ Венгріи, находясь въ польскомъ легіонѣ. Это слишкомъ дурно, что мнѣ дали подъ команду такую *сволочь*“.

Таковы-то повстанцы, совершившіе недавнее вторженіе на Волынь!

Изъ Москвы къ православнымъ бѣлоруссамъ не изъ крестьянъ, преимущественно къ бѣлорусскому духовному сословію.

Мы виноваты предъ вами—простите насъ. Событія раскрыли намъ глаза, заслѣпленные польскою ложью, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыли и всю бездну нашей вины. Мы, русское общество, какъ будто забыли про существованіе Бѣлоруссіи; мы долго коснѣли въ невѣденіи о той глухой, безвѣстной, но тѣмъ не менѣе достославной, святой борьбѣ, которую вели бѣлорусы за свою народность и вѣру—съ могучими, сильными, искусными и богатыми, со всѣхъ сторонъ окружавшими ихъ, врагами—полыцизною и латинствомъ. Какіе высокіе подвиги совершило ты, бѣлорусское духовенство—бѣдное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной,—подвиги долготерпѣнія и мученичества! Ты старалось

уберечь и поддержать въ народѣ до лучшихъ временъ, сквозь всѣ превратности исторіи и насильственно наложенную унію,— преданія православія и память о единствѣ со всею великою Русью... И ты уберегло и поддержало ихъ; лучшія времена настали, и оправдывается божественное слово: »претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ.

По истинѣ, ваши подвиги безпримѣрно-велики, хотя творились они въ тишинѣ и во мракѣ, безъ блеску и треску, безъ тѣхъ громкихъ рукоплесканій, въ которыхъ пріемлютъ себѣ земную мзду за геройскіе подвиги своего алчнаго патріотизма—ваши угнетатели поляки. Ваша борьба была тѣмъ труднѣе, что вы боролись честнымъ оружіемъ духа, или нравственнымъ христіанскимъ путемъ къ честной цѣли, тогда какъ враги ваши, по іезуитскому правилу, что цѣль оправдываетъ всякія средства,—противополагали вамъ адскія козни и злоухищренія. Ваша борьба была еще тѣмъ труднѣе, что все богатое, мощное, владѣющее землею сословіе, ваша русская шляхта соблазнилась выгодами власти, прельстились на житейскія удобства и почести, и продали за нихъ православіе и русскую народность! Они ополячились, окатоличились; они, какъ это всегда бываетъ съ отступниками, стали самыми злыми врагами народа и его вѣры,—и тѣмъ не менѣе вы, духовнымъ мечомъ, отстояли русскую землю... Хвала вамъ по всей Россіи! Только теперь вполнѣ начинаемъ мы здѣсь познавать всю мѣру добра, совершеннаго вами, все достоинство вашихъ дѣлъ,—удивляемся вамъ, благословляемъ васъ и несемъ вамъ дань нашего братскаго сочувствія и участія.

Премудрость Божія послала нынѣ Бѣлоруссіи рядъ испытаній, которыми, какъ въ горнилѣ, искушаясь и очищаясь, бѣлорусскій народъ возраждается къ новой жизни. Онъ въ первый разъ выступилъ на поле исторіи, какъ историческій дѣятель; онъ явилъ себя міру въ первый разъ, какъ народъ,— *русскій* народъ,—*господинъ и хозяинъ* той земли, которую поляки всюду прославили Польшей,—и ничто и никто отнынѣ не отниметъ у него этой части... Польскій мятежъ обличилъ врага, котораго Россія, изъ благодушія, пригрѣвала у себя на груди, обнаружилъ предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ— коварство, дерзость и презрѣніе къ русскому народу польскаго или ополяченнаго дворянства, и возбудилъ законную месть на-

родную. Настоящія событія—это какъ бы *баня пакибытія* для Бѣлоруссіи, по выраженію Апостола; это ея крещеніе въ новую, общую съ Россіей, духовную и гражданскую жизнь, крещеніе—въ неповинной крови зарѣзанныхъ поляками крестьянъ, замученныхъ и повѣшенныхъ поляками священниковъ бѣлорусскихъ—Прокоповича, Конопасевича, Рапацкаго, дьячка Іозефовича, учителя Смольскаго и многихъ другихъ! Отнынѣ уже не пановать надъ вами гордой польской шляхтѣ, наглымъ польскимъ оффиціалистамъ и мелкой польской чиновничьей челяди! Пусть ихъ уберутся къ себѣ домой, въ Польшу. Отнынѣ русская земля должна стать русскою во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, чтобы не было польскаго духу ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать!.. Спѣшите же изгладить послѣдніе признаки польскаго господства въ вашей несчастной странѣ, залечить общественныя раны, нанесенныя вамъ польскимъ гнетомъ, и такъ укрѣпить духовныя силы вашей народности, чтобъ и мысль о былой когда-то здѣсь Польшѣ не могла взойти на сердце поляку!

Мы должны помочь вамъ указаніемъ на тѣ ваши раны, которыя намъ виднѣе отсюда, со стороны. Русскіе путешественники, посѣтившіе вашъ край изъ братскаго участія, передали намъ про одно такое явленіе въ быту духовенства и вообще православной русской среды, стоящей въ общественномъ положеніи и по образованію выше простаго народа, которое—не скрываемъ—насъ смутило, огорчило и оскорбило. Мы разумѣемъ здѣсь то, что въ вашихъ школахъ, училищахъ, *православныхъ семинаріяхъ*—учащіеся говорятъ между собою не иначе, какъ *по польски!* [1]) Мало того: *семейный* домашній языкъ православныхъ *русскихъ* священниковъ — *польскій*; жены, сестры, дочери *русскихъ* священниковъ не употребляютъ другаго языка, кромѣ *польскаго*... Онѣ не даютъ себѣ труда (да и можно ли винить ихъ, коли мужья, отцы и братья о томъ не заботятся?) выучиться по русски, а бѣлорусское нарѣчіе презираютъ, какъ *хлопское*. Онѣ молятся Богу въ православныхъ *русскихъ* церквахъ по *польскимъ* молитвенникамъ! Правда ли это, хочется невольно спросить,—но, къ несчастію, и спрашивать нечего: мы знаемъ, что это правда,—

[1]) Въ семинаріяхъ минской, полоцкой и могилевской учащіеся не только не говорятъ между собою по польски, но рѣдкій изъ нихъ знаетъ этотъ языкъ. Ред.

намъ русскимъ въ позоръ, а полякамъ въ радость и утѣшеніе!

Мы, впрочемъ, не винимъ васъ; мы знаемъ, что вамъ, въ теченіи столѣтій отдѣленнымъ отъ Россіи, невозможно же было развивать у себя русскую рѣчь, когда языкъ общественный высшей образованной среды былъ и есть языкъ исключительно польскій, а мѣстное народное нарѣчіе не въ состояніи служить выраженіемъ для всѣхъ оттѣнковъ образованной мысли. Мы знаемъ также, что молитвенники польскіе употребляются у васъ потому, что вамъ не откуда взять русскихъ, что плохая организація русской торговли духовными книгами не въ состояніи удовлетворить народной потребности въ этихъ книгахъ, что польскіе молитвенники чуть ли не вдесятеро дешевле русскихъ. Все это такъ. Но мы въ правѣ ожидать отъ васъ, и именно *теперь*, усилій въ борьбѣ, работы надъ своими историческими привычками, и стремленій высвободиться окончательно изъ подъ польскаго духовнаго гнета во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ. Посудите сами: можете ли вы назваться представителями *русской* народности (а другихъ она тамъ и не имѣетъ), если вы въ вашихъ семействахъ избѣгаете *русскаго* языка и говорите по *польски!?* Какого уваженія и довѣрія можете вы ожидать отъ мѣстнаго русскаго народа, если вамъ ближе, роднѣе и сподручнѣе языкъ враговъ его вѣры и народности?? Какимъ образомъ можете вы увѣрить поляковъ, что вашъ край не Польша, а Русь, когда вы, вожди и пастыри русскаго народа, вы, священники, отреклись отъ русской рѣчи въ своей общественной жизни?! Съ тѣхъ поръ какъ Бѣлоруссія соединилась съ Россіей и завелись православныя семинаріи, въ которыхъ всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ,— скажите сами, можно ли чѣмъ инымъ объяснить такое рабство пагубной для вашей народности привычкѣ къ польскому языку, какъ не духовною лѣнью и нерадѣніемъ? Впрочемъ упрекъ нашъ обращенъ преимущественно къ моднымъ людямъ, воспитавшимся и воспитывающимся въ семинаріяхъ: старые священники, не учившіеся въ этихъ заведеніяхъ, и ихъ семейства, равно какъ и женщины духовнаго сословія, лишенныя средствъ къ образованію, могутъ еще быть извинены въ томъ, что не знаютъ другой рѣчи, кромѣ польской; но модные люди, вполнѣ знакомые съ русскимъ языкомъ, слушающіе русскія лекціи и отвѣчающіе въ классахъ изустно и письменно по русски,

не могутъ быть ничѣмъ оправданы въ употребленіи, въ своей средѣ, польскаго разговора. Или вы не понимаете, какой страшный вредъ наносите вы тѣмъ русской народности? Или вашему чувству не претитъ дѣлать *польскій* языкъ орудіемъ *русской* мысли, выраженіемъ *русскаго* чувства? Или вы не разумѣете какъ безобразно, какъ не прилично вамъ *польскою* рѣчью осуждать незаконныя притязанія Польши и отстаивать права *русской* народности? Или не ясно вашему уму, если не сердцу, что, продолжая говорить по польски, вы признаете, вы утверждаете сами за польскимъ языкомъ такое право общественности, которое, по мнѣнію поляковъ, даетъ имъ самое законное право и на обладаніе всею вашею страною? Вы сами, упорствуя въ этой печальной привычкѣ, куете на свое порабощеніе оружіе полякамъ, сами попираете свою духовную независимость!

Вы должны разучиться по польски; польскій языкъ долженъ быть вамъ противенъ, какъ языкъ угнетателей вашей народности и вѣры,—какъ преграда къ возсоединенію вашему съ остальною православною Русью, какъ символъ позора и рабства—для васъ,— побѣды и вторженія для поляковъ. Польскому языку мѣсто въ Польшѣ, а не въ Руси. А развѣ Бѣлоруссія не Русь, развѣ она Польша?

Одушевитесь же всѣ, всѣ, безъ различія пола и возраста, истинною, плодотворною любовью къ вашей народности! Какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ мертва и любовь къ народности, если не сопровождается дѣлами... Проклянитe уста ваши, если они обрадуютъ поляковъ звуками польской рѣчи, какъ проклинали уста свои евреи, въ прекрасномъ псалмѣ Давида, если они споютъ пѣснь на радость врагамъ Израиля! Наложите на себя обѣты, обяжите себя крѣпкими узами другъ другу даннаго слова, подчините себя взаимному наблюденію и взысканіямъ, назначьте себѣ сроки, работайте, усиливайтесь, трудитесь надъ искорененіемъ всѣхъ слѣдовъ латинства и польщизны въ вашемъ домашнемъ быту! Пусть русская дѣвица, не выучившаяся говорить по русски, не найдетъ себѣ жениха между вами, пусть русскій, употребляющій вмѣсто русскаго польскій языкъ, изгонится изъ вашего общества и лишится друзей. Стряхните же съ себя дремоту, вялость, дряблость, весь соръ и пыль, заметенный на васъ исторіей, и вспо-

мните, наконецъ, что ваше призваніе теперь, въ вашемъ краѣ, есть—*миссіонерство* русской народности и православія. Дѣла вамъ много, такъ много, что есть къ чему приложить всѣмъ, и не старымъ еще людямъ, свои силы,—и такого дѣла, къ которому одинаково призваны и мужья. и жены, и юноши, и дѣвицы!

Если въ нашихъ словахъ есть что либо рѣзкое, то просимъ васъ простить насъ и не оскорбляться: они внушены намъ любовью къ вамъ, къ вашему краю и, наконецъ, опасеніемъ, чтобъ распространившаяся молва о вашемъ пристрастіи къ польскому языку не охладила къ вамъ сочувствія простыхъ людей въ Россіи, не остановила горячихъ порывовъ только что раскрывшагося братскаго сердца... Сдѣлайте же такъ, чтобъ русскіе путешественники, черезъ какіе-нибудь полгода или много годъ, не могли уже смущать русское общество извѣстіями, которыя и подали поводъ къ нашему братскому посланію.

Редакція газеты День, ея сотрудники и всѣ сочувствующіе съ нею.

Москва. 25-го іюля
1863 г.

— **Изъ Вильно**. Отъ спеціальнаго корреспондента Московскихъ Вѣдомостей. 1-го августа. Событія текутъ быстро: въ послѣднія четыре недѣли, управленіе генерала Муравьева успѣло произвести въ такъ-называемой поляками «интеллигенціи» страны окончательный поворотъ къ возвращенію на путь законности. Мятежъ видимо уже догораетъ. Въ Вильнѣ, въ центрѣ управленія, обозначилось, какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего торжество законной власти и строгой справедливости надъ мятежомъ и кознями злоумышленниковъ.

Празднество 27-го іюля, описаніе котораго вы найдете въ № 84 *Виленскаго Вѣстника*, окончательно доказало всю силу водворившейся здѣсь власти. Карета, въ которой ѣхалъ въ этотъ день главноуправляющій краемъ, изъ своего дома на молебствіе въ соборъ, была окружаема на всемъ пути такими многочисленными и густыми толпами народа, что конной, сопровождавшій экипажъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ могъ за нимъ слѣдовать. Адресъ Государю Императору, поданный въ этотъ же день отъ дворянства, всеподданнѣйшій адресъ отъ

депутаціи евреевъ, великолѣпная иллюминація цѣлаго города, неисключая самыхъ отдаленныхъ частей и домовъ, наконецъ, общее заявленіе радости всѣми жителями города, все это показываетъ, что энергическія мѣры, предпринятыя здѣсь для усмиренія мятежа, были неошибочны и привели край, кромѣ нѣкоторыхъ его частей, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, къ столь желаемому умиротворенію. Общее участіе всего населенія въ Вильнѣ, въ празднествѣ 27 іюля, тѣмъ еще замѣчательнѣе, что подземной власти, за два дня, удалось еще кое-гдѣ разбросать здѣсь нѣсколько грязныхъ листковъ, въ которыхъ жители приглашались не выходить на улицы во время иллюминацій. Листки напечатаны очень неопрятно. Несмотря на такое приглашеніе, густыя толпы народа наполняли вечеромъ улицы города. Это свидѣтельствуетъ объ уваженіи и довѣріи къ силѣ правительства, то-есть къ тому, что должно послужитъ основаніемъ для постепеннаго водворенія между жителями страны искренней преданности и сочувствія къ правительству. Но сколь ко-нибудь значительное послабленіе едва лишь обузданному мятежу могло бы вызвать въ немъ новыя надежды на поддержаніе своихъ безумныхъ замысловъ, и поэтому нельзя еще ожидать ослабленія какъ всей строгости военнаго положенія, такъ и энергическаго преслѣдованія остатковъ мятежа. Эта гидра становится злѣе по мѣрѣ того, какъ она приближается къ своему издыханію. Небольшой партіи злодѣевъ удалось пробраться въ Вильно, и одинъ изъ нихъ явился 30-го іюля, въ 8½ часовъ утра, къ губернскому предводителю дворянства А. Ѳ. Домейко. Подъ видомъ подачи какого-то прошенія, одною рукой онъ подалъ ему, вмѣсто прошенія, приговоръ центральнаго комитета о лишеніи его жизни за содѣйствіе къ подачѣ дворянами всеподданнѣйшаго адреса, другою нанесъ ему нѣсколько ранъ кинжаломъ. Злодѣй, какъ видно спѣшилъ преступленіемъ; желая попасть въ грудь, онъ попалъ семь разъ въ лѣвую руку выше локтя. На шумъ прибѣжалъ лакей, который былъ тоже раненъ въ грудь и въ руку. Злодѣй успѣлъ скрыться, но въ слѣдующую же ночь успѣли напасть на его слѣды, и взяты подъ арестъ нѣсколько весьма подозрительныхъ лицъ, у которыхъ найдены кинжалы. Раны г. Домейка, къ счастію, нисколько не опасны, и здоровье слуги его поправляется. [1]) Общес-

[1]) Пять *агентовъ* революціоннаго комитета, участвовавшихъ

твенное мнѣніе выразило полное сочувствіе г-ну Домейку; посѣщеніямъ и освѣдомленіямъ о его здоровьи не было конца; мнѣ извѣстно, что двое помѣщиковъ виленской губерніи, послѣ покушенія на жизнь г. Домейка, выразили открыто, что дворянство будетъ требовать отъ всѣхъ безъ исключенія помѣщиковъ изъявленія покорности правительству, а уклоняющихся будутъ выдавать какъ мятежниковъ. Ковенскій губернскій предводитель также заботится о томъ, чтобы склонить помѣщиковъ къ подачѣ адреса; въ помѣщикахъ гродненской губерніи замѣчается общая наклонность къ тому же. Здѣсь, въ городѣ, открыто также одно изъ развѣтвленій центральнаго комитета для попечительства надъ ранеными и семействами убитыхъ инсургентовъ, въ которомъ принимали участіе женщины. Не говоря о желѣзной дорогѣ, которая здѣсь совершенно безопасна отъ всякихъ покушеній мятежниковъ, всѣ остальные пути сообщенія, кромѣ ковенской и частію гродненской губерній, въ настоящее время свободны отъ насилій и грабежа. Какъ исключеніе, могу указать только на одинъ случай, бывшій на дняхъ въ минской губерніи съ начальникомъ 3-й резервной пѣхотной дивизіи, генералъ-майоромъ Грунтомъ. Проѣзжая, по проселочной дорогѣ, отъ города Игумна въ Борисовъ, для инспектированія войскъ, въ коляскѣ, безъ всякаго конвоя, онъ подвергся нападенію нѣсколькихъ людей, которые взяли часть находившихся при немъ денегъ, но самого его побоялись коснуться и отпустили не вредимымъ. Эти и подобные случаи показываютъ, что мятежъ, хотя потерялъ къ себѣ сочувствіе польской «интеллигенціи»; однако требуетъ еще настойчиваго продолженія энергическихъ мѣръ для окончательнаго истребленія его послѣднихъ отпрысковъ.

— **Письмо г. П. Лебедева изъ Вильно** въ редакцію газеты «Русскій Инвалидъ,» помѣченное 22-го іюля, 11 час. вечера.

«Пишу къ вамъ эти строки среди самой оживленной дѣятельности и движенія народнаго праздника. Вильно, какъ говорится, залитъ огнемъ: яркіе щиты горятъ у театра, на замковой улицѣ, у дома гражданскаго губернатора, у дворянскаго

въ покушеніи на жизнь г. Домейка схвачены; 4 изъ нихъ повѣшены въ Вильно, а 5-й осужденъ въ каторжную работу.

института, дома генералъ-губернатора, казармъ, гдѣ квартируетъ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ; сверхъ того высокія колокольни костеловъ освѣщены разноцвѣтными огнями; большая часть домовъ богатѣйшихъ гражданъ выставили щиты и траспаранты; но главное, придающее нашей иллюминаціи особенную выразительность—это, что *во всемъ, безъ исключенія, во всемъ Вильно,* нѣтъ ни одного окна, въ которомъ бы не горѣли по двѣ зажженныя свѣчи. Такимъ образомъ, смотря съ Погулянки или съ Зарѣчья, видишь передъ собою весь городъ, улицы котораго обрисованы непрерывными нитями огня, среди которыхъ ярко пламенѣютъ наиболѣе освѣщенныя точки; подобнаго зрѣлища не представляла даже Москва въ дни коронаціи.

«На улицахъ необыкновенное движеніе народа и экипажей; все какъ будто проснулось отъ сна, и усиленною дѣятельностію хочетъ вознаградить себя за прошлое время невольнаго бездѣйствія. На главныхъ площадяхъ играетъ военная музыка и гремятъ хоры пѣсенниковъ; все весело, живо, радостно, какъ будто и тѣни прошлаго не осталось въ Вильно, празднующей день тезоименитства Государыни Императрицы.

«Читатели *Инвалида* привыкли, съ начала года, встрѣчать на страницахъ его военныя извѣстія изъ западныхъ губерній, въ которыхъ могли постоянно удивляться доблести, неутомимому постоянству и несокрушимому мужеству нашего войска; извѣстіе, мною сообщаемое, тоже побѣда, но гораздо болѣе многозначительная чѣмъ разбитіе отдѣльныхъ шаекъ. Это—побѣда законной власти надъ крамолою и мятежомъ, это—явный знакъ общаго сочувствія и довѣрія къ силѣ правительства, которое требуя порядка и неуклонно возстановляя его тамъ, гдѣ онъ былъ поколебленъ въ основаніи, несетъ съ собою прочный залогъ спокойствія.

«Да, съ удовольствіемъ повторяю то, что сказалъ въ моемъ первомъ письмѣ; какъ бы ни кричали поборники здѣшнихъ безпорядковъ въ западной Европѣ, но разчеты ихъ обмануты энергическими и вѣрными дѣйствіями власти, управляющей краемъ; *возстаніе недавно подавлено и мятежъ прекращенъ*, хотя несчастная страна еще долго будетъ волноваться въ отдаленныхъ и наиболѣе глухихъ частяхъ своихъ, гдѣ разбойничьи шайки могутъ укрываться отъ настойчиваго

преслѣдованія нашихъ войскъ; но главное сдѣлано: Мацкевичи, Вислоухи и вся подобная сволочь опрометью бѣгутъ, заслыша о появленіи русскихъ солдатъ или казаковъ; сообщники ихъ кроются поодиночкѣ—или за Нѣманомъ въ лѣсахъ Августовской губерніи, или въ срединѣ непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, гдѣ многіе погибаютъ отъ голода, по невозможности, даже силою, доставать продовольствіе. Сельское населеніе зорко стережетъ каждаго, кто рѣшится чѣмъ бы то ни было помочь мятежу, и потому сосредоточеніе значительныхъ шаекъ стало почти невозможнымъ, по одному уже недостатку продовольствія. Конечно, еще много надобно настойчивости и постоянныхъ усилій къ полному умиротворенію края, потому что зло, существовавшее годами, нельзя совершенно истребить въ мѣсяцы; но главное уже сдѣлано: центральный комитетъ, со всѣми его столь недавно страшными прокламаціями и угрозами, обратился въ ребяческій фарсъ, въ которомъ хотятъ пугать призраками и громкими фразами, а непризванные защитники польской національности въ старинномъ русскомъ краѣ преслѣдуются такъ же, какъ преслѣдуются воровство, кража, убійство, при чемъ исполнитель закона встрѣчаетъ полное сочувствіе большинства.

«Мысли эти отвлекли меня однако отъ праздника, и потому, пользуясь этимъ, начну его описаніе съ самаго утра.

«Къ 10-ти часамъ утра всѣ залы дворца наполнились именитѣйшими представителями настоящаго народонаселенія Вильно. Тутъ были: чины управленія генералъ-губернатора и штаба военнаго округа, всѣ офицеры гвардейскихъ войскъ, здѣсь расположенныхъ; штабъ-офицеры армейскихъ частей; высшіе чины здѣшняго гражданскаго управленія и представители дворянства, католическаго духовенства, русскаго и еврейскаго купечества. Въ особенности многочисленны были представители отъ дворянства: тутъ кромѣ губернскаго предводителя, находились князь Радзивиллъ, графъ Платеръ, и многіе изъ самыхъ старѣйшихъ дворянскихъ фамилій.

«Въ 10¼ часовъ М. Н. Муравьевъ вышелъ изъ кабинета, и, постепенно обходя всѣхъ собравшихся для поздравленія, каждому сословію сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ и мѣткихъ словъ, всегда отличающихъ его рѣчи. Поздравивъ военныхъ, онъ благодарилъ ихъ за трудную и честую службу Государю и отечеству, и выразилъ сожалѣніе, что праздникъ этотъ встрѣ-

чается при такихъ обстоятельствахъ, когда еще нужны усилія къ подавленію безпорядковъ, хотя успѣхъ дѣла уже много облегченъ тѣмъ что шайки разсѣялись и приходится гоняться за одиночными людьми. Рѣчь Михаила Николаевича дворянству была болѣе продолжительна: прежде всего; напомнивъ обстоятельства, въ которыхъ онъ теперь съ ними встрѣчается, всю степень участія, принятаго дворянствомъ въ мятежѣ, и необходимость строгихъ мѣръ противу такого клятвопреступничества, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ увѣренность, что въ средѣ дворянства есть много истинно достойныхъ и вѣрныхъ Государю людей, и что именно въ этой увѣренности дворянство и было приглашено для участія въ этомъ праздникѣ. Рѣчь свою Михаилъ Николаевичъ закончилъ увѣреніемъ, что крамола и измѣна будутъ имъ истреблены до оснаванія, къ полной радости и спокойствію честныхъ людей и вѣрныхъ подданныхъ Государя. Въ подтвержденіе же того, что онъ всегда достигалъ своей цѣли, Михаилъ Николаевичъ сослался на князя Радзивила, который помнитъ его въ этомъ краѣ 30 лѣтъ назадъ. «Пойдемте господа, прибавилъ Михаилъ Николаевичъ, обращаясь къ дворянству, помолимся всѣ за Государыню Императрицу.«

«Столь же замѣчательны были слова Михаила Николаевича, обращенныя къ р. к. духовенству, многіе изъ среды котораго находятся въ заключеніи какъ злѣйшіе участники и руководители мятежа. На возраженіе, что нѣкоторые изъ нихъ дѣйствовали по принужденію было сказано, что страхъ Божій и чувство долга должны уничтожить всякую возможность другихъ страховъ и что служитель олтаря—есть воинъ Божій, что доказали многіе изъ среды духовенства, оставшіеся до конца вѣрными своему долгу, которые, безъ сомнѣнія, найдутъ въ главномъ начальникѣ края поддержку и ходатая предъ Государемъ Императоромъ.

«Русское и еврейское купечество также не были забыты.

«Изъ дворца всѣ отправились въ каѳедральный соборъ Св. Николая, гдѣ совершена была литургія.

«Стеченіе народа въ храмѣ и вокругъ собора было огромное; здѣсь собралась большая часть населенія Вильна. По окончаніи молебствія Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ вышелъ изъ храма, и обойдя ряды бывшихъ въ парадѣ частей отъ лейбъ-гвардіи

преображенскаго, драгунскаго и казачьяго полковъ, поздравилъ ихъ съ праздникомъ, на что войска отвѣчали продолжительнымъ «ура», разлившимся по площади, наполненной народомъ, и смежнымъ улицамъ.

«Затѣмъ г. главный начальникъ края пѣшкомъ пошелъ въ домъ митрополита Іосифа, и, поздравивъ его, возвратился во дворецъ, проѣхавъ по самымъ многолюднымъ улицамъ, сквозь густыя толпы народа.

«Вечеромъ былъ театръ; передъ русскою піесою: «Андрей Степанычъ Бука«, исполненъ русскій національный гимнъ: «Боже Царя храни,« повторяемый по единодушному желанію публики. Театръ былъ полонъ—блестящіе придворные мундиры дворянства и военныхъ соперничали съ роскошью разнообразныхъ дамскихъ туалетовъ.—Все было весело—хорошее исполненіе пьесы много способствовало общему настроенію.

«Толпы и экипажи наполняли улицы далеко за полночь; музыка и пѣсни гремѣли всюду; только къ третьему часу ночи погасли огни и улеглось населеніе, но еще свѣтится огонь въ кабинетѣ главнаго начальника края—впрочемъ, это его обычный рабочій часъ.. .

«Что то скажетъ на это Европа, и гдѣ будетъ демокраціонная линія въ ежеминутно снова сливающихся въ одно цѣлое съ Россіей Литвѣ и Бѣлоруссіи. Не скажутъ ли современемъ о польскихъ агитаторахъ и ихъ покровителяхъ: «c'est plus qu'infame, c'est ridicule« (это болѣе чѣмъ постыдно, это смѣшно)....

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО ВИЛЕНСКАГО ДВОРЯНСТВА, ПРЕДСТАВЛЕННОЕ, 27-го ІЮЛЯ 1863 ГОДА, Г-ну ГЛАВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ КРАЯ.

ВСЕАВГУСТѢЙШІЙ МОНАРХЪ!

«Смуты революціи вовлекли многихъ изъ дворянъ виленской губерніи къ нарушенію вѣрноподданнической присяги ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

«Отвергая дѣйствія революціонной партіи, по причинѣ которой отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ земля наша обагряется кровью по большей части невинныхъ жертвъ.

«Чистосердечно и гласно просимъ ТЕБЯ, ГОСУДАРЬ, считать насъ вѣрноподданными ТВОИМИ, заявляя при семъ, что мы, составляя одно цѣлое и нераздѣльное съ Россіею, остаемся на всегда вѣрноподданными ТВОИМИ, ввѣряя судьбу дворянства, АВГУСТѢЙШІЙ МОНАРХЪ, ТВОЕМУ неограниченному милосердію.»

«*Подписалъ по довѣренности уполномочившихъ дворянъ.*

«*ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрноподданный, виленскій губернскій предводитель дворянства Александръ Ѳаддѣевъ Домейко.*»

Число дворянъ и помѣщиковъ, уполномочившихъ губернскаго предводителя подписать всеподданнѣйшее письмо, по 2 августа, составляло 251 человѣкъ. Подписка уполномоченія продолжается. Подобный адресъ готовитъ дворянство гродненское и ковенское.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО.

Отъ виленскаго еврейскаго общества.

Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ!

«Благоговѣй предъ Богомъ и Царемъ» заповѣдано намъ премудрымъ Соломономъ, и это завѣтное слово вооружало насъ искони вѣковъ той несокрушимой преданностью къ единому Богу и его земному помазаннику, которой поколебать не сумѣли тысячи тяжкихъ испытаній и подстрекательствъ извнѣ.

Дозволь же, Августѣйшій МОНАРХЪ, и намъ, въ виду безпокоящихъ нынѣ отечество смутъ, повергнуть къ Престолу Твоему наши искреннія вѣрноподданническія чувствованія заодно со всѣми прочими вѣрными сынами Россіи.

Занимая въ западныхъ губерніяхъ не послѣднее мѣсто по численности и промышленной дѣятельности, единовѣрцы наши твердо соединены въ вѣрной и преданной Твоему прославленному Дому дружинѣ, которая встрѣчаетъ всегда съ негодованіемъ замыслы недоброжелателей Россіи, возстающихъ противъ порядка и законной власти въ краѣ. Новыя милости, дарованныя намъ Тобою, ГОСУДАРЬ нашъ, тѣмъ сугубѣе скрѣпили насъ въ вѣрности къ Престолу Твоему,—вѣрности, о которую

рушатся всякія ухищренія и козни зломыслящихъ на благоденствіе и возрожденіе милліоновъ осчастливленныхъ Тобою вѣрноподданныхъ.

ГОСУДАРЬ! Вѣрноподданническія чувствованія наши къ Твоему Престолу запечатлѣны и священнымъ обѣтомъ нашимъ предъ Царемъ-Царствующихъ и многими знаменьями Твоей безграничной любви. Эти извѣстныя чувствованія наши мы будемъ всегда отстаивать, какъ святыню нашей вѣры, всѣмъ сердцемъ, всей душою и всѣмъ достояніемъ нашимъ.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрноподданные.

(Подписали):

Виленскій раввинъ, Овсей Штейнбергъ.

Членъ раввинской коммисіи, Янкель Баритъ.

Члены главнаго синагогальнаго правленія: Лейзеръ Ширвинтъ. Мордухъ Юдель Страшунъ. Абрамъ Парнесъ.

и далѣе подписи всего еврейскаго общества.

Вышеприведенное всеподданнѣйшее письмо виленскіе евреи представили 27 м. іюля г. главному начальнику края при слѣдующемъ прошеніи на имя его высокопревосходительства:

«Виленское еврейское общество, движимое вѣрноподданническими чувствами къ Престолу и Отечеству, считаетъ своею священною обязанностью, въ виду текущихъ событій въ Высочайше ввѣренномъ вашему высокопревосходительству краѣ, заявить предъ лицомъ Россіи и ея Августѣйшаго МОНАРХА свои искреннія мысли и чувства въ всеподданнѣйшемъ, при семъ повергаемомъ, письмѣ. Въ вѣрности и преданности русскихъ евреевъ къ отечественному Правительству никто никогда и не сомнѣвался. Они по законамъ своей религіи обязываются споспѣшествовать благу той страны и правительства, защитою котораго они наслаждаются. Этого-то заповѣднаго закона мы всегда держались и держимся, въ крамолы мы никогда не вдавались и не вдаемся. Отечественная исторія не можетъ указать ни на одинъ случай, который свидѣтельствовалъ бы противъ сего нашего увѣренія. Настоящимъ же всеподданнѣйшимъ письмомъ нашимъ мы хотимъ только вывести изъ заблужденія польскихъ агитаторовъ, которые въ своемъ легкомысліи, мо-

жетъ быть, осмѣливаются разсчитывать на наше къ нимъ сочувствіе, въ то время, когда мы съ ними ничего общаго не имѣемъ, и стремленія наши тождественны съ стремленіями всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи.

«Ваше высокопревосходительство! Всѣ единовѣрцы наши уже заранѣе радовались назначенію вашему главнымъ начальникомъ края. По прибытіи же вашемъ мы окончательно убѣдились, что для васъ не существуетъ различія въ милости къ истинно-исполняющимъ свои обязанности. Мы ощущаемъ то благоденствіе, которымъ оживился весь край подъ мудрымъ вашимъ управленіемъ. Чувствуя себя возрожденными къ новой жизни, осмѣливаемся всѣмъ нашимъ обществомъ излить изъ глубины сердецъ нашихъ предъ вашимъ высокопревосходительствомъ чувства искренней нашей благодарности и нижайше утруждать васъ просьбою о исходатайствованіи у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА благосклоннаго принятія отъ насъ представляемаго при семъ всеподданнѣйшего письма, и вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ: разрѣшите намъ открыть подписку для добровольныхъ пожертвованій въ пользу раненыхъ нижнихъ чиновъ и семействъ, пострадавшихъ отъ мятежа.»

(Слѣдуютъ подписи раввина и всего еврейскаго общества).

NB. Подобный адресъ поданъ евреями минскими, гродненскими и другихъ городовъ Литвы и Бѣлоруси.

Замѣтка на Замѣтку г. Чечурина, помѣщенную въ 62 № «Кіевскаго Телеграфа».

Мы думали, что нѣкто г. Чечуринъ получилъ въ 11 книжкѣ Вѣстника такой урокъ, который на долго, если не навсегда отобьетъ у него охоту авторства и сосредоточитъ его дѣятельность на посильномъ служеніи обществу другимъ, болѣе сподручнымъ и знакомымъ ему, способомъ; но мы нѣсколько торопливо построили наше предположеніе: г. Чечуринъ не только продолжаетъ авторствовать, но и начинаетъ сердиться. Не смѣй, дескать, задѣвать нашу амбицію!

Считая излишнимъ доказывать ту истину, что сильный азардъ не къ лицу такому важному въ провинціи чину, каковъ г. Чечуринъ, мы оставимъ въ сторонѣ личность автора извѣстной выходки и посмотримъ на дѣло—на самую выходку.

Г. Чечуринъ предвидѣлъ, что «статья его (вызвавшая весьма дѣльную рецензію г. К.....рскаго) не понравится многимъ.» Г. Чечуринъ сказалъ великую истину: статья его, точно, не понравилась многимъ—и весьма многимъ. Къ этимъ *весьма* многимъ относятся всѣ люди здраваго смысла, раціональныхъ убѣжденій, благородныхъ стремленій. Со стороны другой части публики статья его, (быть можетъ) найдетъ сочувствіе и одобреніе. Незавидное сочувствіе и одобреніе!

По мнѣнію г. Чечурина «дѣло народнаго образованія начато правительственною властью (плеоназмъ) въ этомъ краѣ;» а по нашему мнѣнію, выраженному деликатнымъ языкомъ г. Чечурина, «это ложь и злоумышленная клевета.» По приглашенію духовнаго начальства, открыты большія сотни приходскихъ школъ еще въ январѣ 1861 г., а мысль объ открытіи ихъ другимъ путемъ вышла изъ канцеляріи покойнаго князя Васильчикова едва только въ маѣ того же года. Вообще фактическая сторона предмета находится у г. Чечурина въ самомъ отчаянномъ положеніи. Какъ онъ ни бьется, ничего не можетъ сочинить, кромѣ «лжи и злоумышленной клеветы.»

Народное образованіе (вѣроятно оно, хотя г. Чечуринъ и называетъ его этимъ (?) дѣломъ) «встрѣтило препятствія (какія, г. Чечуринъ?) отъ духовнаго сословія.» Полно, такъ ли, г. Чечуринъ? Мы не видимъ со стороны духовенства даже той реакціи разнымъ затѣямъ, на какую вызывало его право учителей *православнаго* русскаго народа; мы видимъ въ немъ болѣе пассивное отношеніе къ разнымъ вербовщикамъ дѣтей въ *народныя* школы. *Препятствія* statu quo точно были; но не со стороны духовенства, а со стороны Чечуриныхъ, судорожно усиливавшихся вырвать овцу изъ рукъ пастыря и разстроить православно-сельскія школы, открытыя духовенствомъ. Г. К.....рскій такъ много выписалъ изъ дѣлъ консисторскихъ фактовъ подобной пропаганды, что отвергать ихъ, тѣмъ болѣе съ воплемъ: «это ложь и злоумышленная клевета,» значитъ отвергать показанія чувствъ, значитъ страдать болѣзнію безусловнаго отрицанія.

Г. Чечуринъ призываетъ всѣхъ «добромыслящихъ (?) людей—не допустить, чтобъ рутина, обскурантизмъ и [illegible] исключительное направленіе могли повредить ра[illegible] народнаго образованія» и даже думаетъ, чт[illegible]

онъ приглашаетъ *добромыслящихъ* людей «на защиту истины.» Эти слова *деликатнаго* г. Чечурина мѣтятъ на духовенство и на сообщаемое имъ народу нравственно-религіозное образованіе и воспитаніе. Въ какой мѣрѣ слова эти новы и состоятельны, любопытный можетъ убѣдиться изъ статьи «О характерѣ и дѣятеляхъ народнаго образованія,» помѣщенной въ 8 книжкѣ Вѣстника. Изъ этой статьи видно, что Чечурины могутъ только бранить сообщаемое духовенствомъ народу образованіе; но подорвать его авторитетъ, доказать его недостаточность, тѣмъ болѣе—доказать, что они сражаются за истину, что они люди *добромыслящіе*, понимающіе дѣло и нужды народа, конечно, не могутъ.

Поэтому, «друзья крестьянъ и правды» нисколько не должны пугаться, если духовенство «удержитъ обученіе народа исключительно въ своихъ рукахъ и сдѣлается распорядителемъ судьбы цѣлыхъ (мы думали половины) будущихъ поколѣній.» Пока распорядителями судьбы поколѣній будетъ духовенство, до тѣхъ поръ нельзя предвидѣть въ быту народномъ ничего, кромѣ порядка, нормальныхъ отношеній къ другимъ и счастья. Совсѣмъ иное можетъ случиться, если воспитателями народа сдѣлаются нигилисты, либералы, индефферентисты, считающіе нравственно—религіозное воспитаніе обскурантнымъ, рутиннымъ. Не изъ-за того-ли, что духовенство, на сколько можетъ, старается защитить народъ отъ этихъ самозванныхъ учителей, отъ вторженія этихъ волковъ въ стадо Христово, эти учители и скрежещутъ зубами на духовенство, крѣпко стоящее на стражѣ истины и добродѣтели и не позволяющее вести народъ по пути нигилизма, индефферентизма и всѣхъ другихъ *измовъ*. По крайней мѣрѣ другихъ причинъ къ злости на наше, достаточно образованное, тихое, консервативное, благонамѣренное духовенство и сообщаемое имъ народу образованіе,—представить не возможно.

Г. К.....рскій судилъ «о служебной дѣятельности» гг. Чечурина и Тулова не *вообще*, а въ данный моментъ, въ эпоху ихъ невѣроятныхъ насилій надъ церковно-приходскими школами. Подобная дѣятельность, хоть и *служебная*,—но не такая неприкосновенная святыня, что бы объ ней нельзя было «смѣть свое сужденіе имѣть.» Мало ли мы знаемъ дѣятельностей, которыя не дѣлаютъ *служащихъ* ни честнѣе, ни спра-

ведливѣе! Дѣятельность гг. Чечурина и Тулова въ эпоху вербовки ими учениковъ для 19 школъ (при всѣхъ средствахъ, которыми позволяли себѣ распоряжаться эти господа, имъ не удалось открыть болѣе) и была именно такого характера. Стоитъ лишь факты, сгруппированные г. К....рскимъ, нѣсколько формулировать, повести выше, что бы предать *служебныхъ* дѣятелей суду. А что эти факты—точно факты, а не «вздоръ, не ложь и злоумышленная клевета,» это непоколебимая истина.

Г. Чечуринъ подъ конецъ своей грозной рекламы довольно презрительно относится и къ г. К....рскому, его статьѣ, его слогу и тому изданію, въ которомъ помѣщена его статья При всѣхъ претензіяхъ крупнаго для провинціи чина на джентльменство, въ его выходкѣ виденъ самый дурной тонъ, самое жалкое произведеніе пера, самая дикая логика, самое грубое преподаваніе уроковъ вѣжливости и самое мѣщанское высокомѣріе!

Да, г. Чечуринъ, статья г. К....рскаго помѣщена въ *добромъ* мѣстѣ! Вы, не хотя, сказали въ вашей выходкѣ хоть *одну* истину. Вѣстникъ есть такой органъ, который не позволитъ безнаказанно глумиться разнымъ Чечуринымъ ни надъ чѣмъ честнымъ, истиннымъ, не проронитъ ни чьей пропаганды. «И статья г. К... рскаго какъ нельзя болѣе приличествуетъ (чистая канцелярія!) ругательному характеру [1]) нашего (?) (,) кіевскаго журнала (????),» думаетъ, наконецъ, г. Чечуринъ. Плохой вы, г Чечуринъ, учитель вѣжливости и такой же мыслитель! За одно только вамъ и спасибо, что вы сопоставили Вѣстникъ съ такимъ ратникомъ за нашу вѣру и народность, какова «Домашняя Бесѣда,» которой вы, вѣрно, не читали.

ПАНЪ ДРУЖБАЦКІЙ—УГНЕТЕННАЯ НЕВИННОСТЬ.

Намъ приходилось неоднократно читать въ пресловутыхъ прокламаціяхъ подпольнаго «національнаго комитета», учреждающаго прекрасные порядки въ Польшѣ и Литвѣ—во всѣхъ видахъ государственной измѣны, грабежей, кражи, тайныхъ убійствъ, и т. п,—что для *Русиніи*, т. е. Волыни, Подоліи и Украины будетъ издано особое постановленіе. Съ любопытствомъ ожидали мы этого демонскаго изверженія. Въ концѣ

[1]) Болтовня о «ругательномъ характерѣ» Вѣстника—тоже не новость: нѣкоторые господа ругали уже Вѣстникъ за то, что будто бы онъ бранится но своихъ голословныхъ ругательствъ не подтверждали цитатами изъ вѣстника.

прошедшаго мѣсяца наши польскія патріотки неясно и съ притворными вздохами поговаривали, что что-то должно произойти у насъ, давая такой отводъ своимъ опасеніямъ, будто *хлопи бендо рзнонць* ихъ и назначая время для того около 10 или 16 августа, т. е. до или послѣ *пречистой*. Хотя вздохи ихъ столь же фальшивы, какъ и слова, но нельзя было оставить ихъ безъ вниманія и, сквозь лживую оболочку, нельзя было непредвидѣть какихъ то новыхъ мятежныхъ затѣй. И въ самомъ дѣлѣ,—предсказаніе должно бы было осуществиться, если бы только бдительность и предусмотрительность, стоящія на стражѣ нашего спокойствія, не разстроили адской машины, приготовленной было для всего нашего края. И странно, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ концѣ апрѣля, нашему Житомиру досталась честь разстройства мятежнаго плана.

Въ концѣ прошедшаго іюля, прибылъ въ г. Житомиръ, какъ видно было изъ подорожной, мировой посредникъ подольской губерніи (но въ дѣйствительности кандидатъ на него) *Дружбацкій*. За нимъ слѣдили, благоразумно предоставляя ему посѣтить всѣхъ нужныхъ для него лицъ, свободно заниматься своими дѣлами, и затѣмъ спокойно собраться въ обратный путь. Когда же онъ изготовился выѣхать изъ Житомира на Бердичевъ, поручено было частному приставу Тамочкину, вмѣстѣ съ городскимъ надзирателемъ, отправиться къ переправѣ чрезъ р. Тетеревъ при с. Станишовкѣ, ожидать Дружбацкаго, и за тѣмъ сдѣлать у него строгій, на законномъ основаніи, обыскъ.

При обыскѣ найдены: а) двѣ мѣдныя печати, небывшіе еще въ употребленіи; на обѣихъ печатяхъ одинаковое изображеніе, именно: посреди печатей, подъ польскою короною, щитъ, раздѣленный на три равныя части: съ лѣвой стороны гербъ Польши (одноглавый орелъ,) съ правой гербъ Литвы (вооруженный всадникъ на конѣ), а въ низу Архангелъ-Михаилъ (гербъ кіевской губерніи). На одной изъ печатей надпись: Kommisarz Rządowy Podola (правительственный коммисаръ Подоліи), а на другой: Rząd Narodowy, zarząd Podola (Народное правительство, управленіе Подоліи); б) въ сапогѣ Дружбацкаго найденъ запечатанный конвертъ безъ адреса, по вскрытіи котораго оказалось шесть документовъ, писанныхъ однимъ почеркомъ на тонкой почтовой бумагѣ.

Бумаги эти писаны подъ числомъ 23 іюля, и въ нихъ содержатся весьма важныя указанія: 1) Отъ отдѣленія исполнительнаго народнаго правительства на *Руси* къ членамъ бывшаго комитета подольскаго, 2) Наименованіе помѣщика Станислава Лончинскаго прокураторомъ при народномъ подольскомъ трибуналѣ. 3) Отъ коммисара народнаго правительства, уполномоченнаго на *Руси* къ коммисарю Подоліи. 4) Отъ отдѣленія исполнительнаго народнаго правительства на *Руси* къ управленію Подоліи. 5) Копія съ предписанія чрезвычайнаго народнаго правленія въ восточной Галиціи. 6) Копія съ письма, посланнаго въ Галицію къ главнокомандующему генералу Эдмунду (безъ всякаго сомненія Эдмунду Ружицкому, предводителю разбитыхъ мятежническихъ шаекъ на Волыни. [1])

На всѣхъ этихъ бумагахъ подписей нѣтъ, а приложены только печати или такія, о которыхъ выше сказано, или подобныя имъ, съ надписями на одной: *уполномоченный на Руси*. а на другой: *Народное правительство, отдѣленіе исполнительное въ провинціяхъ Руси*.

Въ документахъ этихъ, между прочимъ, излагается:

1) Что якобы-то народная власть распространяется все болѣе и болѣе на Волыни и Подольѣ; на Подольѣ труднѣе, но есть однако надежды, основанныя на фактахъ, что на Подольѣ и Волыни всѣ распоряженія будутъ исполняться со всею строгостію и энергіей.

2) Что вездѣ въ уѣздахъ назначены уже гражданскіе на-

---

[1]) Нельзя ясно понять махіавельской путаницы и двусмысленныхъ дѣйствій австрійскаго правительства. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ пишетъ, что 22 мая подъ Лембергомъ, въ какомъ-то мѣстечкѣ, онъ наткнулся проѣздомъ на остатки шайки Ружицкаго, разбитой у насъ на Волыни; тамъ они, въ числѣ 75 чел. обѣдали на счетъ такихъ же восторженныхъ пановъ галиційскихъ, на пути въ *Іозефъ-штатъ*. Ихъ везли на подводахъ—по два; и по три австрійскихъ солдата съ ружьями. Стало быть въ томъ числѣ былъ и Ружицкій: въ другой же партіи впереди, у самаго Лемберга, онъ нашелъ знакомыхъ, бывшихъ помѣщиковъ волынскихъ, Бейзима иКонопацкихъ, препровождаемыхъ туда же. Стало, по нашему понятію, Ружицкій—въ заключеніи, а между тѣмъ переписка, взятая при Дружбацкомъ, два мѣсяца спустя, предполагаетъ свободу дѣйствій *пана-генерала глувно-доводзонцего*.

чалничими, которые должны вспомоществовать *народу* (?) во всемъ, до окончанія военныхъ дѣйствій. Военные начальники еще не назначены;

3) Что власти провинціальныя отправили уже чиновниковъ для осмотра пограничныхъ мѣстъ и для устройства оныхъ въ отношеніи удобства возстанія;

4) Указывается на пункты, которые, признаются удобными для передачи оружія;

5) Что около этихъ пунктовъ предполагается учредить арсеналы, изъ которыхъ можно было бы вывозить оружіе внутрь края;

6) Что предполагается въ разныхъ мѣстахъ, закрытыхъ и отдаленныхъ отъ селеній, какъ то: пасѣкахъ, хуторахъ,—устроить пороховые заводы. Заводы эти предполагается основать преимущественно въ Полѣсьѣ и на границѣ подольской губерніи съ кіевскою;

7) Что въ каждомъ уѣздѣ находится довѣренное лице, посредствомъ котораго передаются корреспонденціи по адресу;

8) Что предполагается учредить жандармовъ (*вѣшателей и убійцъ*) изъ нѣсколькихъ отчаянныхъ молодыхъ людей, которые должны немедленно исполнять всякое порученіе революціоннаго комитета.

9) Въ копіи письма къ генералу Эдмунду, между прочимъ, выражено мнѣніе, что обмундированіе войскъ должно быть какъ можно эффектнѣе, дабы произвести впечатлѣніе на крестьянъ, и для сей цѣли требуются свѣдѣнія—какія для сего должны быть приготовлены матеріалы.

Кромѣ того, въ отобранныхъ документахъ содержатся и многіе другіе важныя указанія.

Само-собою разумѣется, вмѣстѣ со всѣми этими документами, *Дружбацкій* отправленъ съ приличнымъ конвоемъ въ кіевскую крѣпость. Кажется ясно послѣ этого, что-за невинная личность этотъ господинъ машинистъ, подготовлявшій получше Орсини, машину для всего нашего края. Но что же? И здѣсь, какъ въ апрѣльской хлопомано-махіи, слышатся со стороны поляковъ безсовѣстные вопли объ *угнетенной невинности!*

Ѳ. К.

Житоміръ. 10 Августа.

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ ВѢСТНИКА НѢКОТОРЫМЪ ЕГО ПОДПИСЧИКАМЪ.

Нѣкоторые (весьма, впрочемъ, немногіе) подписчики Вѣстника жалуются на позднее полученіе книжекъ этого журнала.

Книжки Вѣстника дѣйствительно, начали въ послѣдние время опаздывать мѣсяцемъ, а 9-я даже нѣсколько болѣе. Явленіе въ нашемъ журнальномъ мірѣ обычное; при всемъ томъ, опаздываніе книжекъ Вѣстника находится внѣ причинъ, отъ которыхъ случается это несчастіе съ другими собратіями его. Одна изъ этихъ *исключительныхъ* причинъ та, что въ Кіевѣ, кромѣ множества летучей типографической работы, выходитъ 8 періодическихъ изданій, а типографій только всего 3, изъ которыхъ одна (лаврская), не совсѣмъ еще устроена и занята срочною работою (печатаніемъ 2 журналовъ, богослужебныхъ и славянскихъ книгъ для приходскихъ школъ), другая (университетская) завалена университетскою работой, третья-же, въ которой теперь печатается Вѣстникъ, какъ почти исключительно посвященная частнымъ работамъ, имѣя постоянно пропасть другихъ заказовъ, не можетъ, при всемъ своемъ желаніи, удовлетворить своевременно потребностямъ спеціальнаго, періодическаго изданія, — такъ что одна и таже книжка Вѣстника печаталась иногда въ 3 типографіяхъ. Но главная причина опаздыванія нѣкоторыхъ книжекъ Вѣстника находится внѣ всякихъ вліяній на это опаздываніе и типографій, и редакціи Вѣстника. Эта причина неудобна къ объясненію предъ подписчиками Вѣстника. Мы надѣемся, что они уважатъ это неудобство и будутъ иногда снисходительны къ нашей невольной неаккуратности.

Значительная часть жалобъ на позднее полученіе нѣкоторыхъ книжекъ Вѣстника относится къ несвоевременному полученію ихъ изъ мѣстныхъ почтовыхъ конторъ юго-западнаго и частію западнаго края Россіи. Понятно что это-безотносительное ко времени изданія книжекъ Вѣстника—опаздываніе ихъ происходитъ по причинамъ не зависящимъ отъ редакціи; не смотря, однакожъ, на это, она, по поводу всякой жалобы, забираетъ нужныя справки въ почтовой конторѣ и всякій разъ убѣждается въ томъ, что книжки выходили изъ кіевской конторы и получались въ другихъ конторахъ своевременно..

Въ заключеніе настоящаго объясненія редакція Вѣстника считаетъ нужнымъ присовокупить, что она употребитъ всѣ свои усилія, что бы книжки Вѣстника выходили какъ можно ближе къ своему номинальному сроку.

Редакторъ-издатель К. Говорскій.

СОДЕРЖАНІЕ XII КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ 1.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

и пр. Ефросиніи

